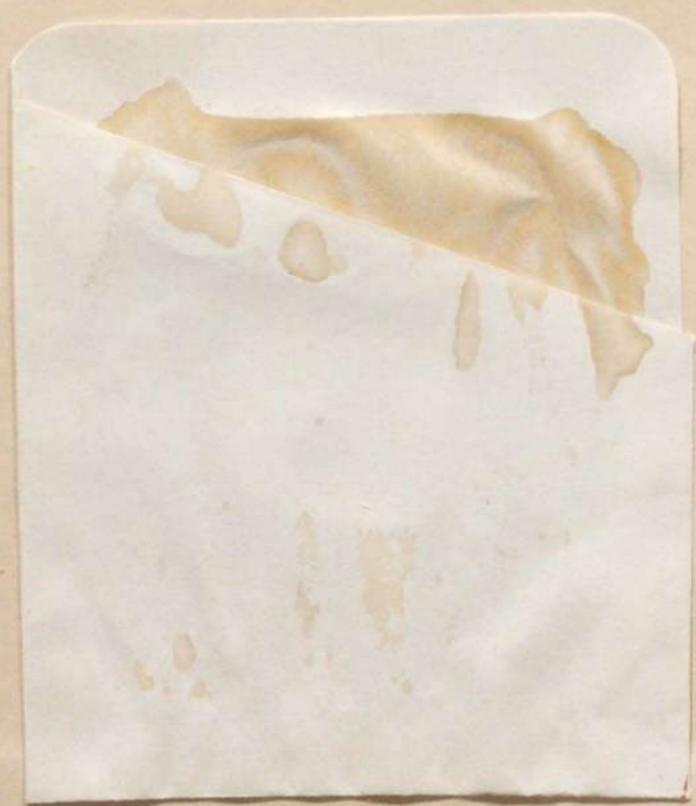

F 133
129

Ирорер 5/3 116хд 21

22/11 едт 60

28/5 едт 60 7

18/8 едт 60 7

ПАМЯТНИКИ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТВОРЕНІЯ ВОСТОКА

АСВАГОША

ЖИЗНЬ БУДДЫ

-11

1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

1870

1870

АСВАГОША

ЖИЗНЬ БУДДЫ

F 133
129

∞ 1-79
12759

ПЕРЕВОДЪ

К. БАЛЬМОНТА

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

СИЛЬВЭНА ЛЕВИ.

МОСКВА

М. и С. САБАШНИКОВЫ

1913

А. С. БАТОВА
МАШИНОСТРОЕНИЕ

26700-01

Тел. Т-ва И. И. КУШНЕРЕВЪ И К^о. Москва.
1913.

2011120710

стр. все

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Общее колич. вып.	В переплет- ной ед. соедин. номера вып.	Таблиц	Карт	Иллюстра- ций	Служебн. номер	Номера списка и порядковый	197 . . г.
		ХХХХ				—	—	—

Асвагоша—Индусскій поэтъ, одинъ изъ величайшихъ. Время его жизни въ точности установить трудно. Во всякомъ случаѣ онъ жилъ въ одинъ изъ вѣковъ той эпохи, что составляетъ порубежную черту между міромъ Буддѣйскимъ и міромъ Христіанскимъ. Въ поэмѣ „Жизнь Будды“ ему въ точности принадлежитъ лишь половина всего созданія,—остальное дополнено другими поэтами.

Дгармаракша—Индусскій поэтъ 5-го вѣка Христіанской эры. Долгіе десятки лѣтъ онъ жилъ въ Китаѣ и воспроизвелъ на Китайскомъ языкѣ „Жизнь Будды“ въ 28-ми пѣсняхъ. Такимъ образомъ два эти имени—Асвагоша и Дгармаракша—лучисто связаны, какъ внутренно связаны и двѣ эти великія страны Созерцанія, кристаллическій Китай и многогранная Индія.

Родина Асвагоши—та Индія, гдѣ текутъ священныя воды Ганга. Онъ родился въ семьѣ посвященныхъ, т.-е. Брамановъ. Умъ его обнималъ все знаніе, вѣдомое въ его время. Мудрецъ, спорщикъ, пѣснопѣвецъ, онъ былъ также и музыкантомъ, и говорятъ, онъ измыслилъ мелодіи столь смутительныя, что онѣ были возбранены царской властью.

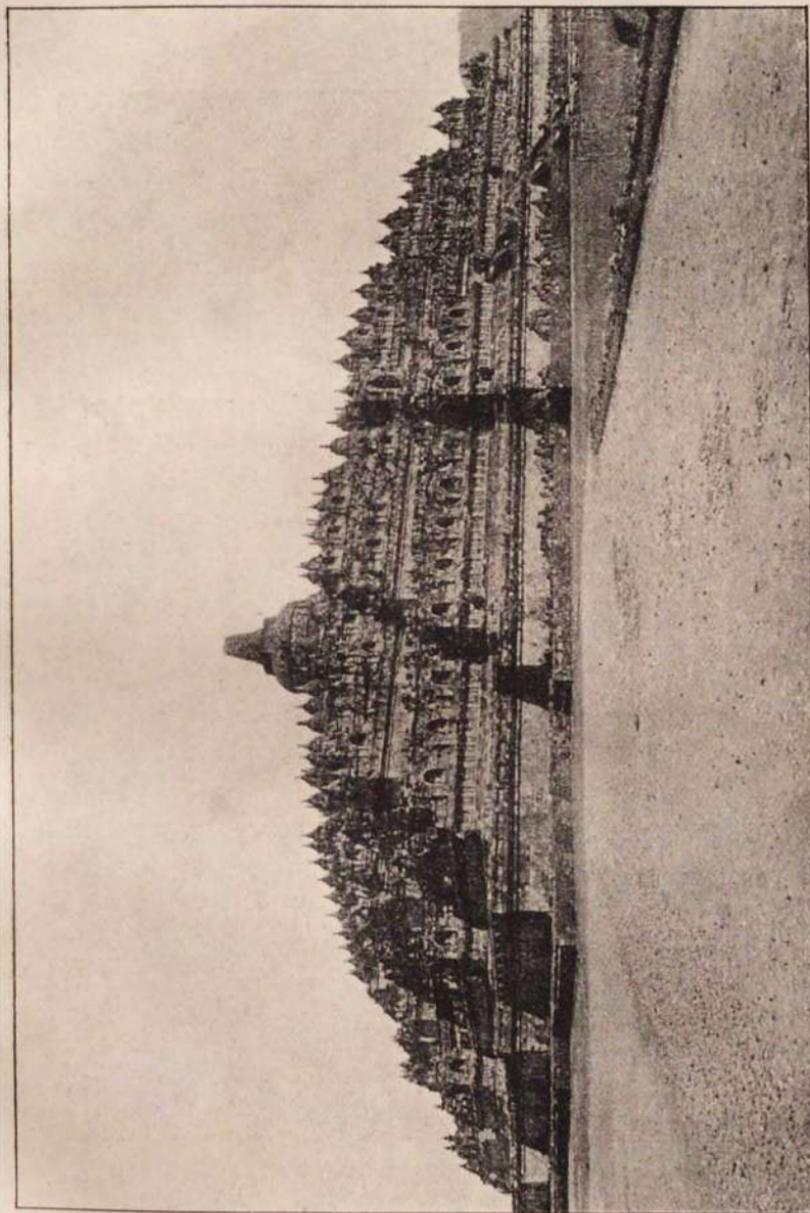
Имя „Асвагоша“ означаетъ „Голось коня“. И священный напѣвъ Асвагоши могучъ, какъ конское ржанье въ бою, какъ топоть копытъ скакуна, мѣрный и быстрый.

И есть преданіе. Будда однажды проходилъ, бесѣдуя съ учениками, въ саду. Соловей увидаль его ликъ, плѣнился и запѣлъ. Будда, растроганный, сказалъ: „Пусть же, въ новомъ воплощеніи, онъ будетъ человѣкомъ“. Этотъ человѣкъ, нравомъ своимъ, участвовалъ въ горячей природѣ коня и въ пѣвучей природѣ птицы. Онъ назывался—Асвагоша.

Русскій переводъ воспроизводитъ поэму Асвагоши въ томъ видѣ, какъ переработалъ ее Дгармаракша, который довель благовѣйную повѣсть до законченности.

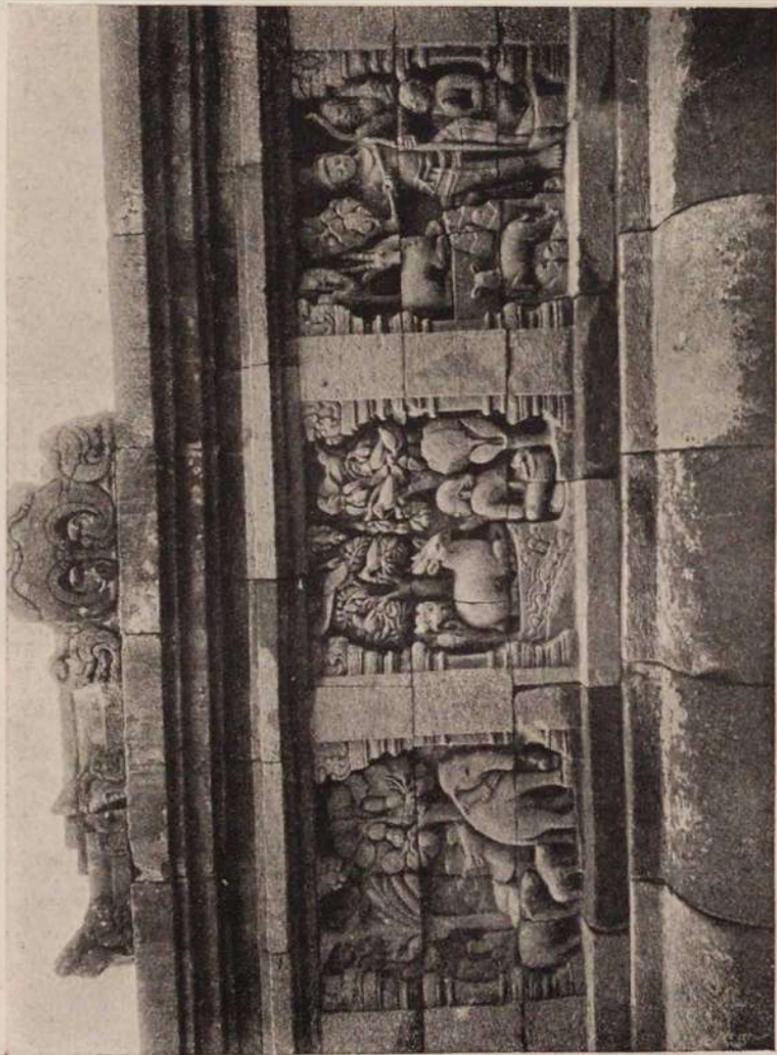
Иллюстраціи къ „Жизни Будды“, означенныя №№-ами 6, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, были любезно одолжены мнѣ французскимъ знатокомъ Буддизма, А. Фуше (A. Foucher), остальные собраны мною во время моего путешествія по Востоку. Приношу искреннюю свою благодарность какъ м-г А. Фуше, такъ и превосходному французскому санскритологу, Сильвэну Леви (Sylvain Lévy), за ихъ доброе отношеніе къ моей работѣ и многія цѣнныя указанія.

К. Бальмонтъ.

1. ВЕЛИЧАЙШИЙ БУДДІЙСЬКИЙ ХРАМЪ.

БОРО-БУДУРЪ, ЯВА.

2. ПАСТОРАЛЬ,
БОРО-БУДУРГ,

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Будда—основатель великой религіи, которая и понынѣ оспариваетъ господство надъ душами у Христіанства и Ислама. Ученіе Будды, нѣкогда покорившее себѣ весь Дальній Востокъ, отъ Персіи до Тихаго океана, и отъ степей сѣвера до острововъ Малезіи, въ настоящее время утратило часть этой огромной области. Браманизмъ отнялъ у него Индію; Мусульмане изгнали его изъ Россійскаго Туркестана, изъ Туркестана Китайскаго, изъ Афганистана, изъ островной Индіи; но Цейлонъ, Индо-Китай, Тибетъ, Монголія, Китай, Корея, Японія не перестаютъ почерпать въ немъ умственную и нравственную пищу. Самое названіе его—Буддизмъ—ясно подчеркиваетъ одну изъ главныхъ его чертъ, которая противопоставляетъ его религіямъ этническаго или народнаго вдохновенія, каковы Браманизмъ и Іудейское вѣроисповѣданіе. Подобно тому какъ Христіанство, въ конечномъ счетѣ, сводится къ почитанію его основателя, Христа, въ основѣ Буддизма лежитъ поклоненіе и подражаніе его основателю—Буддѣ; всѣ люди, безъ различія народности и происхожденія, допущены въ ряды Общины вѣрныхъ.

Имя „Будда“, какъ и „Христось“ или „Мессія“, не есть личное имя. Это одно изъ названій, какія въ древней Индіи давались великимъ святымъ. Благоговѣніе учениковъ надѣлило Учителя и другими именами; такъ, его называли еще Архатъ, „Достойный“, Джина, „Побѣдный“, и т. п. Преданіе сохранило за нимъ преимущественно наименованіе „Будда“, и оно право. Ни

одно изъ нихъ не передавало такъ вѣрно основную черту его личности. Слово „Будда“ есть причастіе глагола (сравнить Славянское „будить“), означающаго „пробуждаться“. Будда, въ нѣ-которомъ родѣ, спящій, который пробуждается; это мыслитель, который безъ помощи какого-бы то ни было откровенія, безъ содѣйствія какого-бы то ни было божества, открываетъ въ самомъ себѣ верховную истину.

Если принять каноническія повѣствованія, ничего не можетъ быть яснѣ жизни Будды. Дитя, которому суждено впоследствии стать Спасителемъ, рождается въ царской семьѣ, въ Капилавасту, на южномъ отрогѣ Гиммалайскихъ горъ, къ сѣверу отъ нынѣшняго города Горахпура. Сначала ему даютъ имя Сиддхартха; называютъ его также и Гаутама, по имени жреческаго клана, къ которому принадлежитъ его домъ; онъ, кромѣ того и по преимуществу, „Сакья“, по имени клана; впоследствии онъ становится „мудрецомъ изъ Сакіевъ“, Сакья-Муни. Онъ рано лишается своей матери, Майи; его воспитаніемъ занимается одна изъ тетокъ его, Гаутами Мага-Праджáпати, въ будущемъ одна изъ самыхъ благочестивыхъ монахинь; другомъ дѣтства становится его двоюродный братъ Ананда, вѣрный и преданный ему до смерти. Подобно большинству царевичей, онъ ведетъ праздную изнѣженную жизнь въ сералѣ, женится на царевнѣ Ясодхарѣ, которая даритъ ему сына Рагулу. Въ это время внезапный переломъ вырываетъ его изъ семьи. Ночью покидаетъ онъ дворецъ и отправляется на поиски ученія, которое дало бы его изболѣвшей душѣ окончательное умиротвореніе. Напрасно слушаетъ онъ прославленныхъ учителей; напрасно подвергаетъ себя самымъ суровымъ истязаніямъ. По истеченіи семи лѣтъ безплодныхъ попытокъ, уже въ тридцатипятилѣтнемъ возрастѣ, въ окрестностяхъ Гайи, куда завела его бродячая жизнь, въ полномъ уединеніи подъ сѣнью смоковницы, въ ночной тишинѣ, его освобожденная мысль вступила на высшія грани истины; случайный рядъ явленій связывается въ послѣдовательную цѣпь изъ двѣнадцати промежуточныхъ времени, заключающихъ въ своихъ звеньяхъ тайну скорби, ко-

торая есть тайна самаго существованія. Озареніе совершилось; Сиддхартха сталъ Буддой. Но онъ не хранитъ лишь про себя свое великое открытіе, онъ спѣшитъ распространить его и открыть для всѣхъ доступъ къ спасенію. Съ этого времени жизнь его превращается въ длинный рядъ проповѣдей, преній, обращеній, назидательныхъ путешествій, приводившихъ его поочередно то на одинъ, то на другой берегъ Ганга, между Раджагригой, столицей Магадги на югѣ, и большими городами сѣвера.

Наконецъ, на восьмидесятомъ году своей жизни, онъ тихо опочилъ въ небольшомъ мѣстечкѣ Пава, около города Кушинагары въ странѣ Малловъ, неподалеку отъ Капилавасту, его колыбели. Это Нирвана, или точнѣе, Пари-Нирвана, полная Нирвана, часъ окончательнаго возврата къ верховному небытію.

Буддійская Церковь не преминула отмѣтить эту дату, знаменующую торжественный мигъ въ исторіи міра. Христіанство предпочло вести исчисленіе своихъ судебъ съ того дня, когда Богочеловѣкъ родился на землѣ: дѣло Искупленія начинается съ рожденія Иисуса. Будда, тридцать пять лѣтъ ожидающій Озаренія, „Бодгисаттва“; его роль Спасителя начинается только со второй трети его жизни. Чтобы избѣжать нарушенія единства этой прекрасной жизни внутреннимъ расчлененіемъ, Церковь удержала, какъ главную дату, только годъ его смерти. Цейлонская Церковь, гордящаяся обладаніемъ непрерывной лѣтописи, которая ведется до нашихъ временъ, относитъ Нирвану Будды къ 543 году до Р. Х.; но система лѣтосчисленія, на которую опирается эта дата, несомнѣнно ошибочна: она приводитъ къ тому, что императоръ Асока жилъ раньше Александра, между тѣмъ, по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ его надписей, онъ былъ современникомъ Антиоха и Антигона, около 260 года. Западные ученые попытались внести дополнительныя поправки, неизбѣжно произвольныя, и, вдобавокъ, противорѣчивыя. Было предположено отнести Нирвану къ 477, къ 412 и даже къ 370 году до Р. Х. Внѣ Сингалезской Церкви, другія школы придерживались и другихъ датъ, восходившихъ отъ III къ IX вѣку До-христіанской эры. Увлеченіе

преніями, распредѣленія пророчествъ, давленіе милленарія съ его обязательными спутниками, катастрофами, все это измѣнило воспоминанія, уже неясныя и запутанныя.

Читая освященныя преданіемъ повѣствованія, съ трудомъ постигаешь подобное разногласіе. На слѣдующій же день послѣ смерти Будды, собравшіеся ученики перечитываютъ всѣ каноническіе тексты; первое, еще изустное собраніе ихъ исходитъ отъ перваго Собора *ne varietur*. Черезъ сто лѣтъ второй Соборъ возобновляетъ это предпріятіе, повторяющееся въ третій разъ спустя еще одно столѣтіе. Такая добросовѣстная передача, казалась-бы, должна была устранить всякія сомнѣнія. Однако-же, факты плохо согласуются съ этой прекрасной картиной. вмѣсто единообразной редакціи, каноническіе тексты продолжали развиваться на самыхъ различныхъ языкахъ: Канонъ Палійскій, Канонъ Санскритскій, Канонъ Пракритскій оспариваютъ другъ у друга честь быть подлиннымъ выраженіемъ ученія Будды,—на самомъ же дѣлѣ весь ихъ складъ, какъ и языкъ, свидѣтельствуетъ о позднѣйшей редакціи, отдѣленной долгимъ промежуткомъ отъ того времени, когда жилъ Будда. Сквозь предвзятыя повѣствованія преданія можно прослѣдить истинную послѣдовательность событій. Силою своихъ добродѣтелей, убѣдительностью доказательствъ, обаяніемъ личности, Буддѣ удалось привлечь къ себѣ самые разнородные элементы: философовъ, утомленныхъ устарѣвшими ученіями, брамановъ, уставшихъ отъ слишкомъ сухой обрядности, подвижниковъ, отвращенныхъ безплоднымъ самоистязаніемъ, горожанъ, пресыщенныхъ наслажденіями роскоши, бѣдняковъ, одушевленныхъ доступомъ къ спасенію; грубые поселяне и раскаявшіяся блудницы съ одинаковой радостью восприняли гибкія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердыя правила Учителя; они слѣдовали за нимъ на его пути отъ одного привала до другого, питаются подаяніями толпы; съ наступленіемъ дождей они размѣщались гдѣ попало, увѣренные, что повсюду имъ будетъ оказанъ радушный пріемъ. Теперь, какъ и въ тѣ дни, Индусъ всегда готовъ распростереться передъ „факиромъ“, не спрашивая его о его вѣ-

рованіяхъ, объ ученіи или сектѣ. Со смертью Будды единство нарушается: группы распадаются по различностямъ сродства, но неизгладимая память Учителя поддерживаетъ связь между ними. Повторяютъ его изреченія, рассказываютъ о его чудесахъ, прославляютъ его торжества. Тутъ беретъ верхъ тотъ, кто знаетъ больше и лучше. Видѣнія пополняютъ воспоминанія. Такъ складывалось огромное собраніе рассказовъ, которые развивались, взаимно переплетались, росли и обогащались, по мѣрѣ того какъ Церковь расширялась все больше и больше. Это изобиліе не угрожало никакой опасностью, пока Церковь находилась въ безвластїи. Но около 250 г. до Р. Х. произошелъ крупный переворотъ. Императоръ Асока, царствовавшій надо всей Индіей, всенародно присоединяется къ Буддизму; въ началѣ простой вѣрный, онъ испрашиваетъ и получаетъ посвященіе въ духовный санъ. Асока, такъ охотно исповѣдующійся въ своихъ многочисленныхъ надписяхъ, умалчиваетъ, однако, о тайнѣ своего обращенія. Буддійское преданіе приписываетъ его, разумѣется, чуду: Асока сначала являетъ собою нѣчто вродѣ Нерона, чудовище утонченной жестокости; но измышленныя имъ пытки оказываются безсильными передъ однимъ нищенствующимъ святымъ, котораго онъ предалъ палачу; униженный повелитель признаетъ себя побѣжденнымъ и проситъ о помилованіи. Нравъ Асоки, суровый, строгій, благотворительный, склонный къ набожности, несомнѣнно, предрасполагалъ его къ Буддизму. Политическія соображенія тоже могли вліять на него. Въ качествѣ монаха, онъ могъ, не вызывая негодованія, наложить свою руку на могущественную Общину: онъ получалъ право надзора за ней, онъ пользовался для своихъ политическихъ замысловъ силами апостольства, искавшими себѣ примѣненія. Достоверное преданіе гласитъ, что Асока созвалъ третій Соборъ; въ дѣйствительности, по составленному имъ Эдикту Бхабры мы знаемъ списокъ одобренныхъ текстовъ, которые онъ какъ бы узаконилъ своею печатью; онъ создалъ нѣчто вродѣ официальнаго Сборника, заключающаго руководство къ обученію духовныхъ лицъ, проповѣди и нравоучительныя

строфы. Не замѣтно, однако, чтобы онъ занимался установленіемъ офиціального жизнеописанія Будды. Во время паломничества, которое привело его къ святымъ мѣстамъ, до садовъ Люмбини, гдѣ родился Будда, онъ могъ услышать всю исторію Учителя, но онъ не счелъ нужнымъ установить ее во всѣхъ подробностяхъ. Это стало задачей другой эпохи.

Съ царствованія Асоки, приблизительно, до Христіанской эры, Индія подвергалась иноземнымъ вліяніямъ, сильно отразившимся на ея судьбахъ. Греческіе цари занимають Бактріану; удачные походы заносять иногда ихъ оружіе до береговъ Ганга; постоянные посланники являются ихъ представителями у Раджей внутри страны, въ самомъ средоточіи Индіи. Увлеченный своимъ проповѣдническимъ рвеніемъ, Буддизмъ сталкивается съ новыми пришельцами; нѣкій Менандръ, ученикъ учениковъ Аристотеля, призываетъ къ своему двору нѣкоего Нагасэну, Буддійскаго подвижника. По мягкости или по убѣжденію, онъ поддается обращенію, сооружаетъ монастырь, умираетъ въ благоуханіи святости, и соперничающіе города взаимно оспариваютъ его останки, какъ это нѣкогда происходило съ прахомъ Будды. Греческіе художники совершаютъ переворотъ въ Буддійскомъ искусствѣ. Ни одинъ Индусскій ваятель не дерзалъ передать черты святѣйшаго Учителя: Индусскій ваятель изображалъ ихъ символомъ, который удовлетворялъ воображеніе, не оскорбляя благочестія. Медальоны, барельефы, украшавшіе боковыя галереи храмовъ, возстановляли въ памяти вѣрныхъ безчисленныя существованія, въ коихъ будущій Будда, въ разнообразныхъ ликахъ, отдавался самосовершенствованію; они возстановляли также классическія событія изъ жизни Будды, но ни разу Будда не изображался на нихъ лично. Эллинскіе художники, привыкшіе лѣпить Зевсовъ и Аполлоновъ, со спокойной смѣлостью изобрѣли подобіе Будды, которое съ тѣхъ поръ весь Востокъ не переставалъ воспроизводить. Въ опредѣленныхъ линіяхъ они сѣумѣли передать умиротворенное блаженство Нирваны, казалось-бы, недоступное пониманію для дѣятельнаго генія Греціи. Эти нововведенія свидѣтельствуютъ о глу-

бокомъ переворотѣ. Занесенный за предѣлы Индіи, къ народамъ, не проникнутымъ духомъ Браманскихъ мыслителей, Буддизмъ пересталъ быть преимущественно монастырскимъ братствомъ и народнымъ учрежденіемъ, и сталъ религіей, къ тому же, религіей всемірной. Почитаніе Закона стусевалось передъ почитаніемъ Бога. Вторженіе Кушановъ завершило это преобразование, незадолго до наступленія Христіанской эры. Ихъ племена, вытѣсненные изъ степей Монголіи, гдѣ потокъ ихъ разбился о Гуннскія орды, въ своемъ отчаянномъ бѣгствѣ достигли западной подошвы Памира, вытѣснили Скиѳовъ (Саковъ), Грековъ, основали могущественное государство по сю сторону Инда, покорили всю сѣверную Индію, и, въ широкомъ синкретизмѣ, перемѣшали пантеоны Греціи, Ирана, и Индіи. На ихъ монетахъ, гдѣ надпись начертана еще по-гречески, Будда чередуется съ Геліосомъ, Митрой, и Сивой. Самый знаменитый изъ Кушанскихъ государей, Канишка, царствовалъ приблизительно во время рожденія Христа. Повелитель государства, процвѣтавшаго вокругъ Памира и включавшаго въ себѣ долины Ганга, Инда, Окса, и Тарима, онъ покровительствовалъ Буддизму и способствовалъ его распространенію до границъ Китая. Благодарная Церковь увѣковѣчила память своего благодѣтеля. Подобно Асокѣ, чье дѣло онъ какъ будто перенялъ и продолжилъ, Канишка созвалъ Соборъ и поручилъ ему пересмотрѣть собраніе Священныхъ Книгъ. Однако, съ теченіемъ вѣковъ, Община окончательно распалась; соперничающія школы, объединившись около своихъ преданій, мало-помалу скристаллизовавшихся, не были уже склонны къ взаимнымъ уступкамъ. Соборъ Канишки, созванный въ Кашемирѣ, на окраинѣ Варварскаго міра, не былъ болѣе соборомъ вселенскимъ, а собраніемъ школы или секты, которая опредѣленно ставитъ вопросъ „Всемірнаго бытія“, Сарвастивадины. Отличительной чертой этого Собора является преобладающее значеніе, какое получаютъ на немъ вопросы метафизики о „Сверхъ-Законѣ“ (Абгидгармѣ). Не достаточно уже опровергнуть возраженія Брамановъ или доводы соперничающихъ сектъ; соприкосновеніе съ инозем-

ными вѣроученіями ввело новыя задачи. „Верховныя Истины“, которымъ нѣкогда поучалъ Будда въ Бенаресѣ, остались навсегда незыблемымъ догматомъ; но нужно еще доказать правильность пути къ спасенію. Вопросъ о святости всталъ опредѣленнѣе: нужно знать, человѣкъ ли Будда или существо сверхъестественное, и какимъ образомъ человѣческая природа можетъ видоизмѣняться до совершенства. Всѣ эти затрудненія поставили на очередь самую личность Будды, вниманіе постоянно направлялось на жизнь Учителя. Становилось необходимымъ сдѣлать выборъ въ противорѣчивомъ богатствѣ преданія, удержать однѣ черты, стереть другія. Въ монастырей тотъ же вопросъ выдвинуло проповѣдничество среди варварскихъ народовъ. Горцы Памира или Скиѣ степей не обременяли себя теологическими задачами, они не желали ничего больше, какъ слушать повѣствованіе о поучительной и чудесной жизни Спасителя. Повѣсть объ этой жизни, сложенная нѣсколько вѣковъ спустя невѣжественнымъ и благочестивымъ монахомъ и рассказанная въ одномъ изъ монастырей Иерусалима, возбудила уваженіе Христіанской Церкви своимъ обаяніемъ благодати и мудрости: Будда, подъ именемъ Юасафа, былъ включенъ въ списки Христіанскихъ Святыхъ, несмотря на обиліе славныхъ подвижниковъ. Легко представить себѣ успѣхъ подобнаго повѣствованія въ областяхъ еще суровыхъ и грубыхъ. Для своего распространенія Буддизмъ нуждался въ Евангеліи. Асвагоша далъ ему Буддачариту, Жизнь Будды.

Асвагоша—величайшій художникъ, какого породилъ Индускій Буддизмъ, и самый, быть можетъ, сложный геній Индіи. Имя его, однако, воскресло лишь какихъ-нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ—уже много столѣтій какъ оно исчезло изъ преданій Индіи, вмѣстѣ съ воспоминаніями угасшаго Буддизма. Съ того дня, когда Мусульманское завоеваніе уничтожило Буддійскіе монастыри и разсѣяло монаховъ, Браманскій фанатизмъ, очутившись одинъ на одинъ въ схваткѣ съ фанатизмомъ Ислама, уско-

риль гибель всѣхъ памятниковъ ненавистнаго соперника. Въ націоналистической реакціи, вызванной иноземнымъ гнетомъ, Буддизмъ искупаль свою благородную мечту о всемірномъ братствѣ. Индія отвергала свое прошлое, извлекавшее ее изъ самой себя и связывавшее ее съ міровой исторіей. Изъ исполинскаго труда Асвагоши уцѣлѣла лишь горсть изящныхъ стиховъ, собранныхъ составителями антологій. Но никакимъ соединеннымъ силамъ не дано заглушить генія навсегда: рано или поздно наступить его отместка и торжество. Въ безконечномъ лабиринтѣ изысканій о таинственномъ прошломъ Индіи, великій образъ Асвагоши встаетъ повсюду на пути, выявляясь все опредѣленнѣе и лучезарнѣе. Сопоставляя преданія и событія, не невозможно возсоздать его жизнеописаніе и его труды.

Асвагоша родился, приблизительно во время Христа, въ средней области Индіи, въ Сакетѣ (Аудхъ), или въ Бенаресѣ, или въ Паталипутрѣ (Патна). Самые большіе города оспаривали честь быть его колыбелью. Отецъ его назывался Суварнакши, „Золотое Око“. Имя Асвагоши, „Голось Коня“, слишкомъ легко подавалось толкованіямъ, чтобы воображеніе не злоупотребило этимъ. Разнорѣчивые рассказы берутся объяснить его воображаемыми приключеніями, относящимися къ смутному прошлому предыдущихъ его существованій. Прежде, чѣмъ быть великимъ поэтомъ, Асвагоша являлъ примѣръ благочестія въ смиренномъ образѣ коня. Буддизмъ любитъ эти измышленія, выражающія въ трогательной, и часто ребяческой формѣ, глубокое единеніе всѣхъ существъ. Его семья принадлежала къ Браманской кастѣ; ему былъ открытъ доступъ къ образованію, бывшему преимуществомъ однихъ Брамановъ, и прежде всего, къ изученію Санскритскаго языка. Этотъ утонченный и считавшійся священнымъ языкъ не вышелъ изъ круга духовныхъ лицъ, гдѣ онъ и выработался. Секты, сложившіяся внѣ Браманизма, не смѣли заимствовать у него его собственный языкъ. Нѣчто вродѣ нѣмого договора, сообразнаго съ духомъ систематическаго дѣленія, коимъ проникнута вся жизнь Индусскаго общества, удостовѣряло за

каждой религіозной общиной ея нарѣчіе или ея группу нарѣчій. Воспользовавшись Санскритскимъ языкомъ для выраженія Буддійскихъ понятій, Асвагоша произвелъ переворотъ, постигнуть который намъ трудно. По природѣ своей онъ былъ слишкомъ чувствительный и слишкомъ восторженный, чтобы долго уживаться съ сухимъ и обрядовымъ почитаніемъ Браманскихъ боговъ. Сива своимъ дикимъ и романтическимъ обликомъ пробудилъ въ немъ первую восторженность. Но трепетныя ощущенія Буддизма и его смѣлая умозрѣнія не преминули захватить его. Обращеніе его приписывается одному изъ выдающихся ученыхъ Церкви, не то Пуритъ, не то Парсвѣ, нарочно прибывшему изъ Гандхары (сѣверная Индія) съ цѣлью склонить его къ вѣрѣ. Парсва пользовался покровительствомъ царя Канишки и имѣлъ преобладающее значеніе на Соборѣ, созванномъ этимъ государемъ. Это, несомнѣнно, онъ привлекъ молодого монаха ко двору варварскаго самодержца, покорившаго себѣ всю Индію. Тутъ снова вмѣшивается легенда, по своему толкуя главныя черты событія. Канишка, подобно Александру, совершая свой побѣдоносный походъ, съ девяти тысячнымъ войскомъ завоевываетъ царство Паталипутры; одержавъ рѣшительную побѣду, онъ требуетъ съ побѣжденнаго подавляюще огромный выкупъ. Царь Паталипутры, доведенный до послѣдней крайности, предлагаетъ Асвагошу за триста тысячъ золотыхъ. Предложеніе принято, и Асвагоша слѣдуетъ за побѣдителемъ, который возвращается въ свою столицу. По другимъ свидѣтельствамъ, Асвагоша призванъ изъ Средней Индіи въ Кашемиръ для выработки объемистыхъ толкованій Канона, только что составленныхъ созванными на Соборъ монахами. Установившаяся уже за нимъ слава давала ему безспорное право на дѣло такого размаха: извѣстно было, что онъ хорошо знакомъ съ четырьмя Ведами, не говоря уже о правилахъ классическаго Санскритскаго языка, изложенныхъ въ восьми книгахъ Панини, и со всѣми вспомогательными науками Ведійскихъ знаній — этимологіей, обрядовыми книгами, астрономіей, — и, наконецъ, съ Тремя Корзинами Буддійскаго Канона и разсужденіями Восемнадцатидесяти

цати школь. Первые опыты проповѣдованія обнаружили всю силу и богатство его генія. Онъ сочинилъ музыкальное произведеніе (подъ названіемъ Раштрапала — „Покровитель царства“), въ выразительныхъ звукахъ передающее самую сущность ученія: тамъ воспѣвается непрочность вещей, сущность жизни, скорбь непостоянства, блаженство Нирваны. Онъ передалъ его для исполненія музыкантамъ, но столь смѣлая музыка превосходила ихъ обычныя средства. Тогда Асвагоша, облачившись въ бѣлую тунику, самъ сталъ во главѣ ихъ: онъ билъ въ барабанъ, звонилъ въ колоколь, настроилъ лютию и гитару, и грянула симфонія, до того потрясающая, что пятьсотъ князей царской крови въ ужасѣ бѣжали изъ своихъ дворцовъ, чтобы найти убѣжище въ тишинѣ монастырей. Охваченный тревогой, царь Паталипутры навсегда воспретилъ исполненіе музыки, которая угрожала процвѣтанію и даже самому существованію царства.

Это нетерпѣливое рвеніе къ обращенію въ свою вѣру проникаетъ всѣ труды Асвагоши, и разнородность ихъ образовъ таитъ въ себѣ глубокое единство. Его сочиненія о Вѣрѣ въ Великой Повозкѣ (Магайана Шратхотпада) знаменуетъ новое направленіе въ Буддійской Церкви. Древняя Община проповѣдовала отвращеніе къ міру; она видѣла спасеніе лишь въ строгомъ отшельничествѣ. Апостоль поколѣнія болѣе дѣятельнаго, Асвагоша проповѣдуетъ возвратъ къ очищенной дѣятельности; не отвергая послушанія, онъ провозглашаетъ верховность разума. Разумъ, и только разумъ, разсѣиваетъ фантазмагоріи иллюзій; подъ зыбкимъ теченіемъ явленій онъ находитъ неподвижное дно Понятій; достигнувъ верушки своего восхожденія, онъ открываетъ, наконецъ, верховное тождество: Вселенная и Нирвана составляютъ одно единое. Существа отъ вѣчности плаваютъ въ блаженствѣ, подобно тому какъ тѣла плаваютъ въ эфирѣ. Освобожденное отъ обманчиваго и оскверненнаго Я, дѣйствіе чисто, дѣятельность священна, ибо они стремятся къ освобожденію слитнаго сознанія вселенной. Чтобы „возбудить вѣру“, Асвагоша расточаетъ свои чудесныя дарованія, благоговѣйную истовость,

тонкую проникновенность, воображеніе. Исторія свидѣтельствуеъ о его успѣхахъ: за исключеніемъ Цейлона и Индо-Китаю, Буддійская Азія цѣликомъ присоединилась къ Великой Повозкѣ; монастыри Японіи продолжаютъ еще и понынѣ толковать сочиненія Асвагоши съ жаромъ, котораго не охладили двадцать вѣковъ преній.

Ваджрасучи, Алмазная Игла, представляетъ собою лишь краткій памфлетъ, но памфлетъ вдохновенный; въ немъ Асвагоша нападаетъ на систему кастъ въ томъ видѣ, какъ ее установили браманы. Чтобы разбить противника, онъ забавно пользуется его же собственнымъ оружіемъ, осыпая его градомъ цитатъ, заимствованныхъ изъ самыхъ священныхъ его книгъ. Если ему не удалось опрокинуть общественный строй Индіи, и понынѣ отражающій всѣ нападки, онъ все же счумѣлъ быть для него страшнымъ. Въ 1839 году, когда Панселотъ Вилькинсонъ, Британскій чиновникъ въ Бхопалѣ, найдя Санскритскій подлинникъ этого произведенія, поручилъ одному пандиту (Браманскій ученый) приготовить его текстъ для печати, пандитъ согласился на это лишь подъ условіемъ присоединить къ нему опроверженіе. Алмазная Игла все еще продолжала колоть.

Недавнія раскопки въ Средней Азіи прибавили Асвагошѣ новую славу. Въ мелкихъ обрывкахъ старинныхъ рукописей, собранныхъ въ Турфанѣ, Людерсъ (въ 1911 г.) призналъ остатки одной драмы на Санскритскомъ и Пракритскомъ языкѣ, Шарипутра-Пракарана; особая надпись приписываетъ ее Асвагошѣ, „сыну Суварнакши“. Всѣ данныя подтверждаютъ достовѣрность этого. Произведеніе заключало девять дѣйствій; оно выводило на сцену Будду и главныхъ его учениковъ. Исторія Индусскаго театра этимъ открытіемъ отодвигается въ такое прошлое, какого не подозрѣвали; нѣсколько столѣтій раздѣляетъ Асвагошу отъ Калидасы, автора Сакунталы, а между тѣмъ, въ Шарипутрѣ-Пракаранѣ драма является уже вполне опредѣлившейся въ своей окончательной формѣ. Проза чередуется со стихами, дѣйствующія лица говорятъ на разныхъ нарѣчійяхъ. Асвагоша счумѣлъ

угадать въ театрѣ могущественное орудіе пропаганды; съ цѣлью поученія народа онъ создалъ Буддійскую драму, и съ перваго взмаха довелъ ее до совершенства.

Сутраламкара, въ другомъ родѣ, являетъ попытку столь же смѣлую, столь же самобытную, столь же удачную. Одно главіе представляетъ собою программу и почти вызовъ: оно гласитъ о перенесеніи каноническихъ повѣствованій въ область литературы. Грубая, первобытная простота старинныхъ текстовъ оскорбляла бы вкусъ образованныхъ зрителей: слѣдовало ли удовлетворить ему или отказаться отъ замысла? Асвагоша жертвуетъ формой для спасенія духа. Въ сокровищницѣ преданія онъ избираетъ рядъ рассказовъ, которые можно разнообразить по желанію; онъ передаетъ ихъ съ утонченной художественностью, щедро вливаетъ въ нихъ остроуміе, чувство, воображеніе, изящество, величіе, создаетъ небывалое сочетаніе блестящаго лиризма, назидательной важности и свѣтлаго юмора. Санскритскій подлинникъ произведенія утраченъ, но Китайскій переводъ, при надлежащей Кумарадживѣ (около 400 г. по Р. X.), точно сохранилъ все еще ослѣпительный его образъ.

Поэма Саундара-Нанда подготовляетъ и пополняетъ Буддачариту. Ея герой, „красивый Нанда“—сводный братъ Будды; женатый на Сундари „красивой“, онъ весь отдается любви къ своей молодой женѣ и не рѣшается разстаться съ ней ни на минуту. Будда, предвидя, какимъ опасностямъ подвергаетъ брата его страсть, приступаетъ къ обращенію Нанды; ему приходится бороться съ чувственными желаніями молодого супруга, съ соблазнами супруги; его повторныя проповѣди не достаточны, приходится прибѣгнуть къ чародѣйству. Онъ вводитъ Нанду въ рай и показываетъ ему небесныхъ баядеръ; ихъ красота беретъ верхъ надъ воспоминаніемъ о Сундари,—Нанда только о томъ и мечтаетъ, чтобы обладать ими. Возвращенный на землю, онъ краснѣетъ за свою слабость, признаетъ суетность любви, падаетъ къ ногамъ Будды, прося его о принятіи въ монашескій санъ и, въ свою очередь, идетъ проповѣдовать законъ, который привелъ его

къ спасенію. На самомъ же дѣлѣ, истинный герой этой эпопеи въ девятнадцати пѣсняхъ—самъ Будда: онъ почти все время на сценѣ, онъ преобладаетъ на ней и въ своемъ отсутствіи. Слова милосердія, строгія поученія, вложенныя поэтомъ въ его уста, дѣйствительно, достойны этого божественнаго Учителя.

Только такой богато одаренный геній могъ безопасно приступить къ трудностямъ поэмы о Жизни Будды. Сверхчеловѣческой образъ основателя религіи кажется не поддающимся искусству писателя. Красота слога, чарованія рѣчи, примѣненныя къ подобнымъ замысламъ, оскорбляютъ вкусъ и чувство; все, что проявляетъ личность автора, умаляетъ героя. Искренность разсказа требуетъ, прежде всего, скромнаго исчезновенія повѣствователя, Индусская поэзія времени Асвагоши казалась не поддающейся такимъ требованіямъ. Въ ней проявлялась уже та педантичность и пустая утонченность, которая отчуждала ее отъ народа, дѣлая постоянно жеманнаго любительства дворовъ и академій. Остроуміе причиняло ущербъ вдохновенію; могучее очарованіе непосредственности уступало мѣсто игрѣ словъ, намеку, двусмысленности. Асвагоша нашель себѣ поддержку въ горячности своей вѣры. Захваченный драмой спасенія, онъ устоялъ даже передъ соблазнами собственныхъ дарованій: онъ не могъ воспрепятствовать свободному и непосредственному изліянію поэзіи и воображенія, но онъ не гнался за этимъ и не возбуждалъ его. Къ нему можно примѣнить прекрасныя слова, вложенныя имъ въ уста одного монаха передъ лицомъ императора Асоки, въ Сутраламкарѣ.

„Когда я говорилъ о благихъ дѣяніяхъ Будды—народъ слушалъ меня радостно—и на лицахъ отражалось счастье.—Восхваляя добродѣтели Будды—я ниспровергъ еретиковъ.—Я изъяснилъ истинный Путь, всемірную радость.—Вотъ по какой причинѣ—какъ полнолунію осеннему—всѣ радуются мнѣ.—Для восхваленія добродѣтелей Будды—не хватитъ всѣхъ вѣковъ;—но пока не

отсохнетъ языкъ мой—я не перестану это дѣлать... Ибо искусство благого слова мой отецъ—и мать моя краснорѣчіе“.

Чтобы оцѣнить Жизнь Будды Асвагоши, достаточно сравнить ее съ другими жизнеописаніями Учителя, пользовавшимися не меньшимъ успѣхомъ, съ Лалита Вистара. Лалита Вистара относится, приблизительно, къ тому же времени, что и Будда чарита; она переводилась на Китайскій языкъ, начиная съ III столѣтія. Это не поэма; это произведеніе, являющееся помѣсю; оно написано на двухъ нарѣчіяхъ, въ сочетаніи прозы и стиховъ, гдѣ, въ общемъ, одно и то же повторяется дважды. Лалита Вистара не охватываетъ всей жизни Учителя, она останавливается на первой проповѣди Будды, произнесенной имъ въ Бенаресѣ. Обработка чисто эпическая, дѣйствіе происходитъ все время въ мірѣ чудесъ; боги занимаютъ первое мѣсто около героевъ, словно одни только они достойны окружать его. Асвагоша, напротивъ того, поставилъ свою драму въ человѣческія условія, устранивъ сверхъестественное повсюду, гдѣ преданіе не вводило его какъ необходимость. Будда лучшій, мудрѣйшій и милосерднѣйшій изъ людей; но ни мудрость его, ни благость не удаляютъ его отъ человѣчества. Вокругъ него мятутся люди, съ ихъ страстями, слабостями, горестями, и никакая пропасть не отдѣляетъ ихъ отъ Спасителя, несущаго имъ избавленіе. Настроеніе мира, сосредоточенности, надежды, довѣрія, ясности, проникаетъ все произведеніе. Жизнеописаніе, отъ начала до конца, сплошное пѣснопѣніе. Лирика есть естественная форма поэзіи въ Индіи; стихи, каковъ бы ни былъ ихъ размѣръ, всегда являются строфами изъ четырехъ частей, умѣло согласованныхъ: въ строфѣ, какъ въ ларцѣ, заключена жемчужина чувства или настроенія. Эпопея, будь она длинная, какъ Рамáйяна, безъ размѣра, какъ Мáга-Бхáрата, никогда не знала и не примѣняла повѣствовательнаго стиха съ гибкимъ и раздѣльнымъ бѣгомъ, каковъ гекзаметръ Гомера или Виргилія. Гимнъ въ двадцать девять пѣсенъ могъ легко надоесть, но искусство Асвагоши преодолеваетъ всѣ пре-

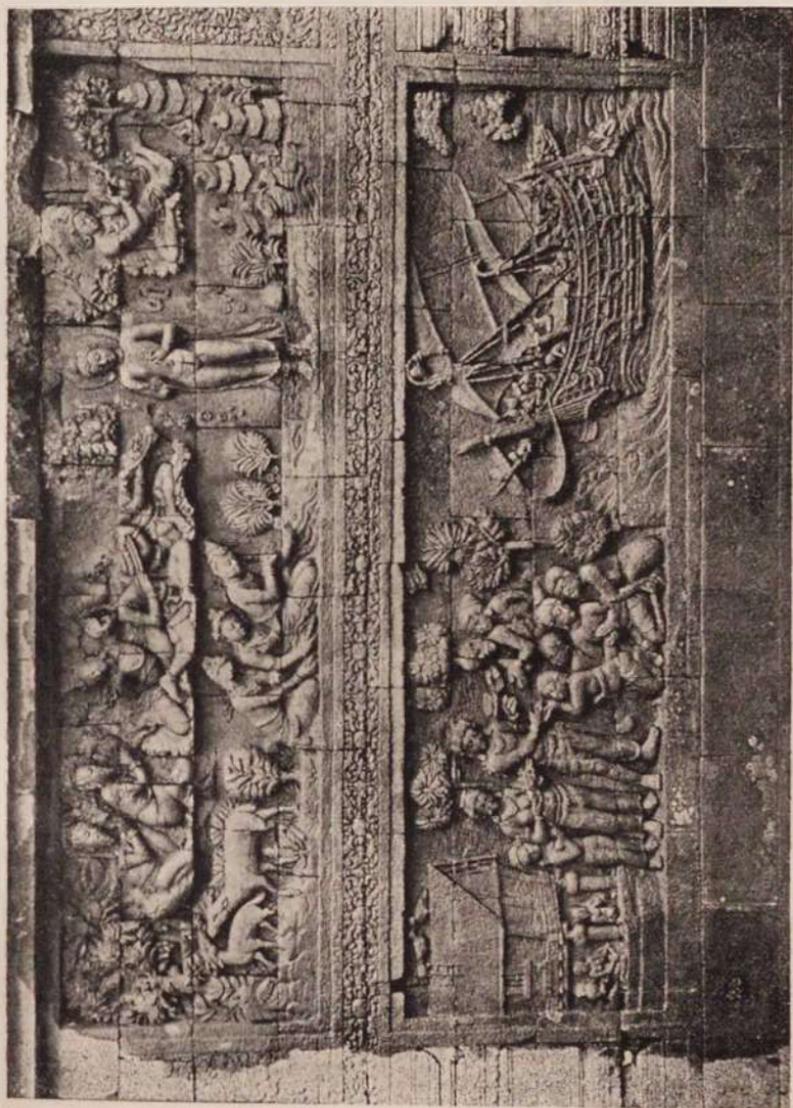
грады. Его музыкальное дарованіе утончается въ составленіи Буддачариты. Главная тема—Святость—широко намѣченная съ самаго начала, проходитъ поочередно черезъ всѣ голоса: боги, ученики, вѣрные, благородные, подвижники, смиренники—всѣ они подхватываютъ напѣвъ, сливаются съ нимъ, преобразуютъ его, и къ концу симфонія разражается хоромъ благословеній, славящихъ Нирвану.

Мы не обладаемъ полнымъ текстомъ Буддачариты на Санскритскомъ языкѣ; сохранившіяся Нэпальскія рукописи заключаютъ въ себѣ лишь 17 пѣсень, изъ коихъ только первыя 13 подлинны. Но все произведеніе въ цѣломъ существуетъ въ Тибетскомъ и Китайскомъ переводѣ. Китайскій переводъ старше, и принадлежитъ одному Индусскому монаху, Дхармакшэмѣ (Биль ошибочно называетъ его Дхармаракша) *). Дхармакшэма родомъ изъ Средней Индіи; онъ прибылъ въ Китай въ 414 году, а въ 433 былъ убитъ. Его изложеніе не есть дословный списокъ съ подлинника: Китайскій языкъ не поддается, какъ Тибетскій, передачѣ ученыхъ сложностей Санскритской стансы. Онъ задался цѣлью передать образы, чувства, духъ произведенія, и это ему вполне удалось. Съ тонкостью и увѣренностью образованнаго Индуса, онъ переложилъ поэму Асвагоши соотвѣтственно уровню образованнаго чужеземнаго читателя. Бальмонтъ, такимъ образомъ, хорошо сдѣлалъ, выбравъ его своимъ образцомъ при передачѣ поэмы Асвагоши. Впрочемъ, можно дать себѣ отчетъ о точномъ характерѣ Санскритскаго текста, ибо Бальмонтъ далъ, въ видѣ образца, четыре пѣсни первичнаго текста (I, II, III, XIII).

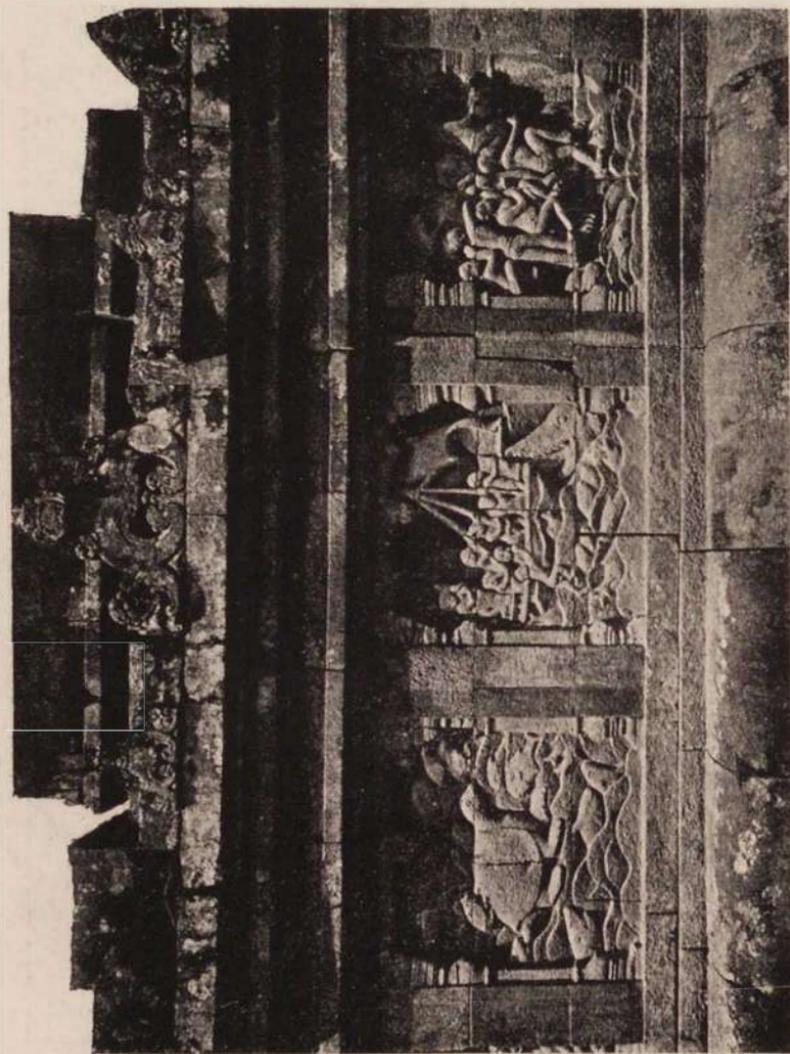
Парижъ, 1913.

Сильвэнъ Леви.

*) Въ чтеніи этого имени я слѣдую Билю.

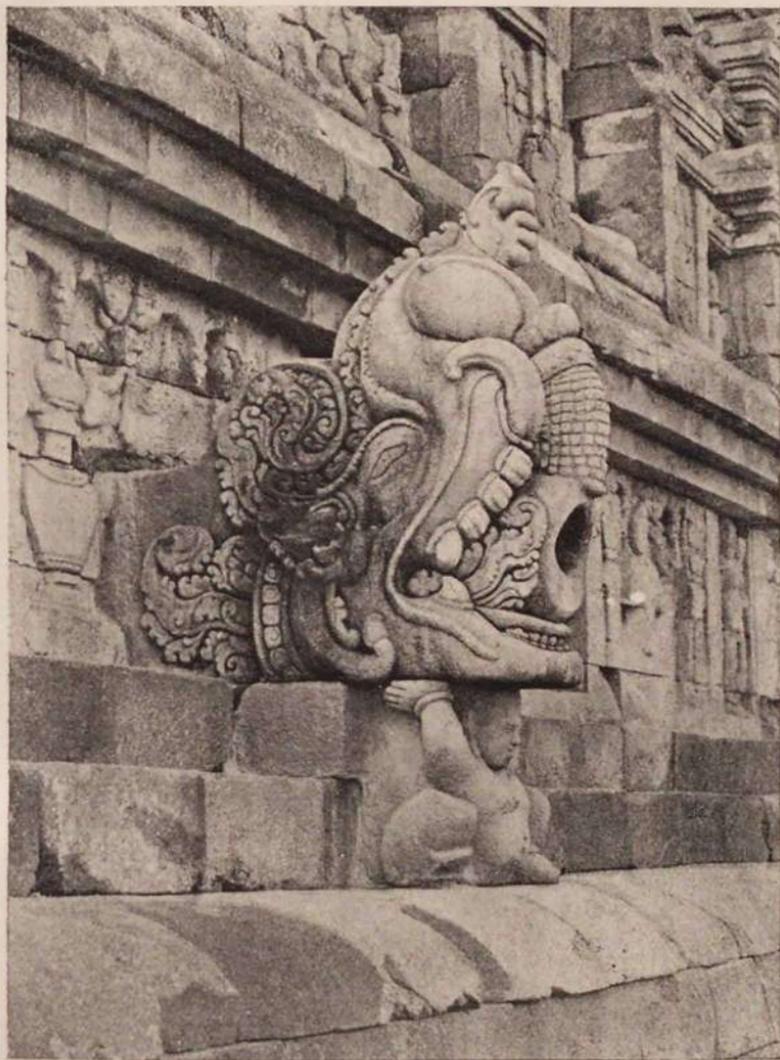

3. ТИШИНА И МОРЕ.
БОРО-БУДУРЪ.

4. МОРЕ МІРОВЪ,
БОРО-БУДУРЪ.

ЖИЗНЬ БУДДЫ.

5. ХИМЕРА.

БОРО-БУДУРЪ.

6. ЗАЧАТИЕ БУДДЫ. ШКОЛА ГАНДХАРЫ.
МУЗЕЙ ВЪ КАЛЬКУТТѢ.

1. РОЖДЕНИЕ.

Былъ нѣкто, рода знатнаго Икшваку,
Что означаетъ — Сахарный Тростникъ,
Непобѣдимый, какъ рѣка, властитель,
Царь Сакья, чистый въ умственныхъ дарахъ,
И въ нравѣ — незапятнанности цѣльной,
Суддхадана, иначе — Чистый Рись.
Свѣтло любимый всѣми существами,
Какъ мѣръ обласканъ новою Луной,
По-истинѣ тотъ царь былъ словно Сакра,
Кому всѣ Дѣвы неба — сонмы слугъ,
Царица же его — богиня Саки.
Сильна, спокойна въ мысляхъ, какъ Земля,
Чиста по духу, словно водный лотосъ,
Опредѣлить ее — никакъ нельзя,
Ея же имя, имя-образъ, Майя.

Духъ снизошелъ, и въ чрево къ ней вошелъ,
Коснувшись той, чей ликъ — Царица Неба.
Мать, матеръ, но свободная отъ мукъ,
Свободная отъ заблуждений Майя.
Не возлюбя шумливости мѣрской,
Вспомнила она сады Люмбини,
Плѣнительное мѣсто, тихій лѣсъ,

Гдѣ источають влагу водометы,
 Цвѣтуть цвѣты, и копятъ сокъ плоды.
 Исполненная нѣжныхъ созерцаній,
 Почтительно заговоривъ съ царемъ,
 Она просила дать соизволенье
 Ей тамъ побыть, и царь, уразумѣвъ
 Дѣйствительность такого пожеланья,
 Былъ рѣдкостной заботою смущенъ.
 Всѣмъ царственнымъ роднымъ, что находились
 Въ дворцѣ и внѣ дворца, онъ повелѣлъ
 Быть съ ней въ тѣни садовой и лѣсистой,
 Ее неукоснительно блюсти.
 И вотъ царица Майя ощутила,
 Что часъ пришелъ родить ребенка ей.
 Спокойно лежа на красивомъ ложѣ,
 Она ждала съ довѣрьемъ, а вокругъ
 Сто тысячъ женщинъ служащихъ стояло.
 Четвертый мѣсяцъ былъ, и день восьмой,
 Спокойный часъ, пріятственное время.

Пока она была среди молитвъ
 И въ соблюденіи правилъ воздержанья,
 Родился Бодгисаттва отъ нея,
 Черезъ правый бокъ, во избавленье міра,
 Великимъ состраданьемъ побужденъ,
 Не причинивши матери мученья.
 Какъ изъ бедра рожденъ былъ Аурва,
 Какъ изъ руки рожденъ владыка Притху,
 Какъ царь Мандхатри былъ изъ головы,
 Какшивать же рожденъ былъ изъ-подмышки,
 Такъ Бодгисаттва, въ день, какъ былъ рожденъ,
 Изъ праваго онъ появился бока;
 Изъ чрева постепенно исходя,
 Лучи по всѣмъ струилъ онъ направленьямъ.

Какъ тотъ, кто изъ пространства порождень,
А не черезъ врата вотъ этой жизни,
Черезъ несчетный рядъ круговременъ,
Собой осуществляя добродѣтель,
Онъ въ жизнь самосознательнымъ вошелъ,
Безъ тѣни всеобычнаго смущенья.
Въ себѣ сосредоточень, не стремглавъ,
Украшень безупречно, выявляясь
Блистательно, онъ, излучая свѣтъ,
Возникъ изъ чрева, какъ восходить Солнце.
Глядѣли люди, мыслили они,
Какъ необыченъ блескъ, но созерцанье
Не повредило зрѣнія у нихъ:
Онъ далъ глядѣть имъ, утаивъ на время
Блистательность лучистаго лица,
Какъ мы порой глядимъ на Мѣсяцъ въ небѣ,
И видимъ только мягкій лунный свѣтъ.
Однако жъ тѣло у него сіяло;
Какъ Солнце погашаетъ свѣтъ свѣчи,
Златистой красотою Бодгисаттвы
Быть изливаемъ всюду яркій блескъ.

Прямой и стройный, въ разумѣ не шаткій,
Сознательно онъ сдѣлалъ семь шаговъ,
И на землѣ, пока онъ шелъ такъ прямо,
Отпечатлѣлись ровно тѣ слѣды,
Какъ семь блестящихъ звѣздъ они остались.
Идя, какъ царь звѣрей, могучій левъ,
Смотря во всѣ четыре направленья,
До средоточья правды взоръ стремя,
Онъ такъ сказалъ, и молвилъ достоверно:
„Родившись такъ, родился Будда здѣсь.
За симъ—ужь больше новыхъ нѣтъ роженій.
Теперь рождень я только этотъ разъ,

Дабы спасти весь міръ своимъ рожденемъ".
И вотъ, изъ средоточія Небесъ
Два тока снизошли воды прозрачной,
Одинъ былъ тепель, холоденъ другой,
Они ему все тѣло освѣжили,
И освятили голову его.

И вотъ онъ помѣщенъ въ дворець роскошный,
Его постель—вся въ яхонтахъ она,
Цари Небесъ, златистыми руками,
Стеблистыми руками, въ четырехъ
Мѣстахъ, гдѣ ножки, ложе закрѣпили.
Межъ тѣмъ въ пространствѣ, Дѣвы, ухвативъ
Цвѣтистые, какъ яхонтъ, балдахины,
Запѣли пѣсни, хоръ—зовущій хоръ,
Чтобъ укрѣпить его въ свершеньяхъ правыхъ.
А Нага-раджи, радуясь ему,
И къ вѣрному склонясь благоговѣнью,
Навстрѣчу къ Бодгисаттвѣ изошли,
Какъ раньше честь являли прежнимъ Буддамъ.
Они предъ нимъ разсыпали цвѣты;
И существа, что въ чистыя одежды
Всегда одѣты въ Небѣ, передъ нимъ
Веселымъ предавались ликованьямъ,
Не радостью пристрастной восхитясь,
А потому, что все творенье міра,
Что въ океанъ скорбей погружено,
Снискало вѣрный путь освобожденья.
Сумеру, перевозданная гора,
Что прочный есть устой Земли великой,
Когда явился Бодгисаттва въ міръ,
Предъ этимъ совершенствомъ содрогнулась.
Весь міръ былъ чрезвычайно сотрясенъ,
Какъ бы челнокъ, гонимый сильнымъ вихремъ;

Цвѣточная утонченная пыль,
 Сандаля духъ, и скрытый запахъ лилій,
 Ихъ нѣжность сокровенная—взнеслись,
 И въ воздухѣ возвышенномъ смѣшались,
 И вмѣстѣ такъ на Землю пали вновь.

Луна и Солнце, въ правильномъ теченьи,
 Удвоили свой лучезарный блескъ,
 И свѣтъ огня, повсюду загораясь,
 Въ топливѣ не нуждался, чтобъ горѣть.
 Вода, ключомъ свѣжительно-прохладнымъ,
 Мерная, проступала здѣсь и тамъ,
 И радовались женщины на это,
 И пили, и купались онѣ.
 Во всѣхъ возникли радостныя мысли,
 И сонмы духовъ, словно облака,
 Доподлинностью вѣры услаждались.
 Въ садахъ Люмбини, посреди стволовъ,
 Въ великомъ изобильи расцвѣтали,
 Вънѣ времени, чудесныя цвѣты,
 Всю рѣдкость особую являя.
 Разряды же зловолящихъ существъ
 Постигли сразу любящее сердце;
 Всѣ скорби и недуги межъ людей
 Безъ всякаго лѣченья исцѣлились.
 Звѣриный крикъ, разнообразный вопль
 Притихъ, и воцарилось молчанье.
 Всплеснулася стоячая вода,
 И потекла рѣчнымъ потокомъ быстро.
 И всѣ ручьи, гдѣ слизь и грязь была,
 Внезапно стали свѣтлы и прозрачны.
 На небѣ не сгущалось облаковъ,
 И музыка была слышна повсюду.
 Всѣ существа, что чувствуютъ, живя,

Узнали свѣтъ вселенскаго покоя.
 Лишь Мара, царь желаній и страстей,
 Не радуясь, печалился глубоко,
 И былъ одинъ.

Властительный отецъ,
 Столь дивнаго когда увидѣлъ сына,
 Хотя увѣренъ былъ въ своей душѣ,
 Однако былъ подвигнуть изумленьемъ,
 И измѣнился въ ликѣ, между тѣмъ
 Какъ взвѣшивалъ значеніе событія,
 То радуясь, то сѣтуя. А мать,
 Царица, увидавши, что ребенокъ
 Родился — всѣмъ законамъ естества
 Противорѣча, въ робкомъ женскомъ сердцѣ
 Сомнительна была, и умъ ея
 Межъ крайностей качался, схваченъ страхомъ:
 Не различая въ знаменіяхъ сихъ,
 Чтò — радостно, а чтò, быть можетъ, грустно,
 Давала доступъ скорби вновь и вновь.
 И женщины глубокой Долгой Ночи,
 Блюстительницы Ночи Міровой,
 Небеснаго просили указанья,
 Молили, чтобы новое дитя
 Благословеннымъ въ этой жизни было.

Въ тотъ часъ, въ священной рошѣ, былъ Браминъ,
 Былъ нѣкоторый вѣрный прорицатель,
 Съ достойнымъ видомъ, славный, потому,
 Что былъ искусенъ онъ и полонъ знанья.
 Увидѣвъ знаки, въ сердцѣ онъ своемъ
 Возликовалъ на дивное событіе.
 Дабы смущеннымъ не былъ больше царь,
 Ему сказалъ онъ голосомъ правдивымъ:
 „У всѣхъ, кто въ этомъ мірѣ порождень,

Желанье есть, чтобъ сынъ родился славный,
И нынѣ царь, какъ полная Луна,
Быть въ радованьи долженъ завершеномъ,
Затѣмъ, что у него родился сынъ
Единственный и дивно-несравнимый,
Что будетъ славой роду своему.
Веселымъ будь и прогони сомнѣнья,
Всѣ знаменія нынѣ говорить,
Что дому твоему—преуспѣянье.
Прекрасно одаренное дитя
Съ собой несетъ освобожденье міра;
Такое тѣло, съ цвѣтомъ золотымъ,
Имѣеть лишь учитель, данный Небомъ.
Достигнетъ просвѣтленности вполнѣ,
Кто надѣленъ примѣтами такими,
А ежели восхочетъ быть въ мірскомъ,
Всемірнымъ онъ пребудетъ самодержцемъ.
Вездѣ пріять властителемъ Земли,
Монархомъ будетъ четырехъ имперій.
Какъ Солнца свѣтъ среди другихъ огней,
Онъ между всѣхъ пребудетъ превосходнымъ.
Но, если будетъ онъ искать жилия
Среди пустынь лѣсныхъ и горъ безлюдныхъ,
Но, если сердце мудрости отдавъ,
Онъ обратится весь къ освобожденью,
Вселенную онъ свѣтомъ озарить,
Затѣмъ что, какъ средь горъ, монархъ—Сумеру,
Иль золото средь цѣнностей есть царь,
Иль Океанъ—предѣлъ среди потоковъ,
Или Луна есть первая межъ звѣздъ,
Иль Солнце—между всѣхъ свѣтилъ небесныхъ,
Такъ Совершенный, что родился въ міръ,
Идущій тѣмъ путемъ, который начать,
Есть самый совершенный межъ людей.

Его глаза свѣтлы, и, расширяясь,
 Все видятъ больше, больше предъ собой;
 Ихъ затѣняютъ длинныя рѣсницы,
 А цвѣтъ очей—фіалковый есть цвѣтъ,
 Раекъ въ глазу—кружокъ есть свѣтло-синій,
 Весь очеркъ—словно полная Луна:
 Такіе знаки, безъ противорѣчья,
 Даютъ узнать, какъ бы отбросивъ тѣнь,
 Что состоянье мудрости—здѣсь полно“.
 Царь, усомнившись, снова вопрошалъ,
 И снова отвѣчалъ рожденный дважды.
 Онъ изъяснилъ, что были у другихъ
 Царей Земли сыны предназначенья.
 Воспомнилъ Бхригу, и Віасу онъ,
 И назвалъ сладкогласнаго Вальмики,
 Среди именъ, которыя горять
 Въ умахъ людей, какъ звѣзды свѣтять въ Небѣ.
 „Наполни, царь, восторгомъ свѣтлымъ духъ,
 Какъ свѣтлый медъ златится въ полной чашѣ,
 Не позволяй сомнѣнья говорить“.
 И радовался царь словамъ провидца.

Въ саду же Риши былъ, что свято жить,
 Асита звался онъ, и былъ искуснымъ
 Въ истолкованьи знаковъ и примѣтъ.
 Онъ молвилъ, вдохновясь: „О, правосудный!
 Во имя правыхъ—въ прежнихъ жизняхъ—дѣлъ,
 Теперь плоды прекрасные явились.
 Услышь меня, скажу, зачѣмъ я здѣсь.
 Когда я шелъ сюда дорогой Солнца,
 Я слышалъ, какъ въ пространствѣ міровомъ
 Вѣщали Дѣвы, что рождень царевичъ,
 Который мудрость явитъ въ полнотѣ.
 И сверхъ сего я видѣлъ предвѣщанья

Чудесныя, которыя меня
Предстать передь тобою побудили,
Да будеть мною узрѣнь Сакья царь,
Установитель Праваго Закона".
Царь повелѣлъ младенца принести.
Царевича увидѣвъ, на подошвахъ
Тѣхъ дѣтскихъ ногъ увидѣвъ колесо,
Тысячекратной явлено чертою,
Между бровей увидѣвъ бѣлый серпъ,
Межъ пальцевъ тканевидность волоконца,
И, какъ бываетъ это у коня,
Сокрытость тѣхъ частей, что очень тайны,
Увидѣвъ цвѣтъ лица и кожи блескъ,
Заплакаль мудрый, и вздохнулъ глубоко.

Царь, видя слезы Риши, былъ смущень,
И у него пресѣклося дыханье.
Привставъ, онъ съ безпокойствомъ спросилъ:
„Что въ сынѣ есть моемъ, такомъ прекрасномъ,
Что мало отъ Боговъ отличень онъ,
И видомъ обѣщаетъ совершенство,
Изященъ безподобно и красивъ,—
О, что въ немъ есть, что такъ тебя печалить?
Иль, можетъ быть (да не свершится так!),
Онъ въ жизни краткодневень? Иль онъ только
Не больше какъ осенній есть цвѣтокъ,
Изъ инея цвѣтокъ, —дохнешь, и гдѣ онъ?“

Увидѣвши, что царь такъ огорчень,
Немедленно ему отвѣтилъ Риши:
„Да ни на мигъ не будеть царь смущень,
Да помнитъ, что сказала я, а сомнѣнью
Да никогда не дасть онъ въ сердце ходъ.
Великое всѣ знаменья вѣщаютъ.

Но, вспомнивъ про себя, что вотъ я старъ,
 Я слезы не сдержалъ. Конецъ мой близокъ.
 Твой сынъ,— всѣмъ міромъ будетъ онъ владѣть,
 Родившись, онъ закончилъ кругъ рожденій,
 Придя сюда во имя всѣхъ живыхъ.
 Отъ царства своего онъ отречется,
 Онъ отъ пяти желаній ускользнетъ,
 Онъ избересть суровый образъ жизни,
 И истину ухватить, пробудясь.
 За симъ, во имя всѣхъ, въ комъ пламя жизни,
 Преграды онъ незнанья раздробить,
 Препоны тьмы незрячей уничтожить,
 И солнце вѣрной мудрости возжесть.
 Всю плоть, что потонула въ морѣ скорби,
 Въ пучинѣ безграничной громоздясь,
 Недуги всѣ, что пѣнятся, пузырясь,
 Преклонный возрастъ, порчу, какъ бурунь,
 И смерть, какъ океанъ, что все объемлетъ,—
 Соединивъ, онъ въ мудрости челнокъ,
 Въ свою ладью, все нагрузить безстрашно,
 И міръ отъ всѣхъ опасностей спасетъ,
 Отбросивъ мудрымъ словомъ токъ вскипѣвшій.
 Власть размышленья, словно свѣжій ключъ,
 Его ученье, словно близкій берегъ,
 Достаточны для всѣхъ неожиданныхъ птицъ.
 Въ рѣкѣ широкой есть довольно влаги.
 Всѣ существа, что знаютъ страсти зной,
 Здѣсь могутъ пить, преграды не встрѣчая,
 Всѣ тѣ, что знаютъ встрѣчный вѣтръ скорбей,
 Всѣ тѣ, что впали въ плѣнъ пяти желаній,
 Обмануты пустынею глухой,
 Лежащей межъ рожденіемъ и смертью,
 Безъ знанья, гдѣ же путь, чтобъ ускользнуть,—
 Для этихъ въ міръ родился Бодгисаттва,

Чтобъ путь освобожденья показать.
Огонь хотѣнья, чье горѣнье—вещи,
Которыхъ жадно жаждешь, больно жечь,—
Онъ тучкѣ милосердыя далъ возникнуть,
Быть облачкомъ далъ жалости своей,
И дождь Закона можетъ погасить ихъ.
Вратами хищной жадности хранимъ,
Оплоть тяжелый мрачнаго безвѣрья,
Сцѣпившій всѣ живыя существа,
Замкнутымъ былъ,—и вотъ, врата разъяты.
Щипцами этой мудрости, что есть
Алмазная, противорѣчья хоти
Онъ вырываетъ. Петли бредней всѣхъ
Распутавъ, распустилъ онъ сѣть незнанья,
И кто былъ связанъ, вотъ, онъ безъ цѣпей.
Не сѣтуй же, о, царь, а знай лишь радость.
Что до меня, чрезъ старость въ смерть иду,
И не смогу, увы, его услышать.
Хоть мыслью осѣненный, все же я
Не прикоснусь къ ученью Бодгисаттвы,
Миѣ не дано, я тѣло износилъ,
Родиться долженъ вновь, какъ высшій Дэва,
Но все-таки подверженъ бѣдамъ тремъ,
Которыя, скорбя, еще узнаю:—
Упадокъ силъ, преклонный возрастъ, смерть“.
Узнавъ причину истой скорби Риши,
Промолвилъ царь: „Ты миѣ даешь покой.
Но мысль, что онъ свое оставитъ царство,
Покинетъ домъ, та мысль меня гнететъ“.

Услышавъ это, Риши обратился
Къ царю, и молвилъ вѣрныя слова:
„Онъ просвѣтленья полного достигнетъ“.

Такъ утишивъ сомнѣнія царя,
Велѣнїемъ своей духовной силы
Поднялся въ воздухъ Риши, и исчезъ.

Суддхѳдана, услыша все, что слышала,
И видя предвѣщательность примѣтъ,
Проникнуть былъ почтенїемъ къ дитяти,
И рядъ своихъ заботъ удвоилъ онъ.
Онъ издалъ повелѣнїе по царству,
Что узники свободны отъ темницъ,
И, согласуясь съ волей книгъ священныхъ,
Распространилъ на всѣхъ свои дары.
Когда дитя прошло чрезъ завершенность
Десятидневья, зоркій умъ отца
Вполнѣ спокоенъ сталъ, и возвѣстилъ онъ,
Что будутъ нынѣ жертвы всѣмъ Богамъ,
И общинамъ благоговѣйнымъ будутъ
Обильные дары, и всѣмъ роднымъ,
И всѣмъ, не только властнымъ, но и бѣднымъ.
И кто хотѣлъ, являлся за скотомъ,
За деньгами, конями, и слонами,
И всякъ, въ размѣрѣ нуждъ, былъ награжденъ.
Потомъ, гаданьемъ часъ избравъ счастливый,
Дитя переселили во дворецъ,
Поставивъ колыбельку на повозку
И давъ повозку ту везти слону,
Съ прекрасно бѣлоснѣжными клыками,
Сїяющему дивной красотой,
Блестящему отъ разныхъ умащеній
И яркому отъ множества прикрасъ.
Обнявъ дитя, царица кругъ свершила,
Благоговѣнья духамъ вознося,
Потомъ въ свою блестящую повозку
Она взошла, а царь сопровождалъ,

И сонмы слугъ, и весь народъ шли вмѣстѣ.
Такъ Сакра, царь Небесъ, черезъ лазурь
Идетъ, а вокругъ него толпятся Дѣвы.
Такъ Магесвара, полный торжества,
Младенца шестиликаго родивши,
Давалъ даянья щедрою рукой.
Такъ нынѣ царь, какъ былъ рожденъ царевичъ,
Возликовалъ, съ царемъ же весь народъ,
И было въ ликованіи все царство.

2. ДВОРЕЦЪ.

И вотъ чертогъ царя былъ весель,
И всѣ родные были щедры,
Затѣмъ что былъ рожденъ царевичъ
Необычайной красоты.
Слоны, и кони, и повозки,
И драгоцѣнные сосуды
Приумножались каждодневно
Вездѣ, гдѣ въ нихъ была нужда.
Изъ нѣдръ Земли самоисторгнуть,
Являлся блескъ сокровищъ скрытыхъ,
И самоцвѣтные каменя,
Придя изъ тьмы, впивали свѣтъ.
Съ вершины снѣжныхъ горъ спускаясь,
Слоновъ явилось стадо бѣлыхъ,
И вотъ, хоть были не ручными,
Пришли безшумными они.
Не укрощенные рукою
Ничьей, но самоподчинившись,
И непревзойденно прекрасны,
Явились кони всѣхъ мастей.
Ихъ гривы въ яхонтахъ сверкали,
Хвосты ихъ были словно волны,
И рьяно такъ они скакали,
Какъ бы примчавшись на крылахъ.

Коровы, съ тѣломъ тучно-стройнымъ,
И съ шерстью очень чистой въ цвѣтѣ,
И съ молокомъ душисто-свѣжимъ,
Пришли, въ числѣ — какъ облака.
Вражда и зависть уступили,
Давая путь покою мира,
Вездѣ довольство возмогало,
И единеніе сердець.
Былъ тихій воздухъ, дождикъ въ мѣру,
Не слышно было вскриковъ бури,
Не выжидая часа, стебли
Взросли и дали урожай.
Созрѣла пятикратность злаковъ,
Съ зерномъ душисто-полновѣснымъ,
У тварей всѣхъ родились чада,
Не повредивши ихъ тѣла.
Всѣ люди, даже тѣ, что мыслью
Не знали Четырехъ Великихъ,
Являли свѣтлый ликъ беззлобы,
Существовали безъ вражды.
Всѣ люди съ женами своими,
Всѣ женщины, что были въ мірѣ,
Являли свѣтъ души глубинной,
Какъ люди самыхъ первыхъ дней.
Всѣ Божьи храмы, всѣ часовни,
Сады, ключи, криницы, рощи,
Въ неукоснительное время
Являли всю свою красу.
Былъ неизвѣстенъ голодь съ жаждой,
Оружье бранное дремало,
Недуги скрылись, и повсюду
Лишь были дружба и любовь,
Взаимно нѣжа наслажденье,
Безъ оскверняющихъ желаній

Всѣ соблюдали справедливость,
И быть не слышенъ звонъ монетъ.
И всѣ, кто могъ, давали щедро,
Не помышляя о возвратѣ,
Четыре правила свершая,
Желанной Высшимъ, чистоты.
Какъ въ оно время Ману-раджа
Родиль дитя, что называлось
„Блескъ Солнца“,— злое прекратилось,
И быть расцвѣтъ во всей странѣ,—
Такъ нынѣ быть рождень царевичъ,
И всѣ примѣты возвѣстили
Благополучіе и счастье,
И быть Сиддхартой названъ онъ.
И нынѣ царственная мать,
Царица Майя, видя сына
Такимъ отмѣченнаго блескомъ,
Въ чрезмѣрномъ счастья—умерла.
Вознесена была на Небо.
Праджâпати же Гаутâми,
Дитя подобное увидя,
Ему была какъ мать сама.
Какъ въ свѣтѣ, Солнце или Мѣсяцъ
Ростуть, крѣпчая понемногу,
Дитя росло въ духовной силѣ,
Росло въ тѣлесной красотѣ.
Струило тѣло духъ сандала,
Неоцѣнимость аромата,
Дышало полностью здоровья,
Блестя въ запястьяхъ золотыхъ.
Владыки-данники, узнавши,
Что у царя рождень наследникъ,
Дары послали: колесницы,
Коней, оленей, и быковъ,

Одежды, цѣнные сосуды,
И много разныхъ украшеній,
Но, хотъ дары блистали ярко,
Царевичъ былъ невозмутимъ.
Еще былъ малымъ очеркъ тѣла,
Но сердце въ маломъ было стойко,
И духъ, для замысловъ созрѣвшій,
Не могъ быть тронуть суетой.
И вотъ царевичъ сталъ учиться,
Но, только что ему расскажутъ,
Уже все зналъ онъ безъ запинки,
И превзошелъ учителей.
Отецъ, такого сына видя,
И чувствуя его рѣшимость
Уйти отъ всѣхъ соблазновъ міра,
Сталъ вопрошать о именахъ
Тѣхъ, кто въ его былъ славень родъ
Среди утонченно-красивыхъ,
И первую межъ дѣвъ пріязныхъ,
Средь всѣхъ, была Ясѳдхара.
Она во всемъ была такая,
Чтобы плѣненъ ей былъ царевичъ,
Чтобъ это сердце было можно
Ей нѣжной сѣтью уловить.
Царевичъ столь отъ всѣхъ далекій,
Душой и съ виду—чарователь,
И дѣва, въ прелести любезной,
Столь утонченна и нѣжна,
Всегда тверда и величава,
И весела и днемъ, и ночью,
Полна достоинства и чары,
Спокойствія и чистоты,—
Какъ нѣкій холмъ, легко взнесенный,
Какъ бѣлизна осенней тучки,

Тепла—по времени, или же
Согласно часу—холодна.
Со свитою поющихъ женщинъ,
Чьи слышны голоса, согласно,
И неприятнаго нѣтъ звука,
Но всѣ забвеніе дають,
Подобныя Гандхарвамъ Неба,
Онѣ желанными всѣ были
И увлекали нѣжно сердце
Зовущей очи красотой.
Такъ, слыша сладкіе напѣвы,
Прекрасный юный Бодгисаттва
Жиль во дворцѣ своемъ высокомъ,
Гдѣ вѣчно музыка слышна.
А царь-отецъ, во имя сына,
Въ свершенъе Праваго Закона,
Въ своемъ дворцѣ жилъ чистой жизнью,
Изгнавъ изъ сердца темноту.
Не осквернялъ себя чрезмѣрнымъ
Хотѣньемъ, видя въ томъ отраву,
И мысли тѣ любя, чрезъ кои
Покорены сердца людей.
Тѣхъ обращая, въ комъ безвѣрье,
Мірѣ направляя къ просвѣтленю,
Хотѣлъ всеобщаго покоя,
Что нашимъ дѣтямъ мы хотимъ.
Онѣ также былъ благоговѣйнымъ,
Предъ духами сжигалъ онѣ жертвы,
И, сжавъ ладони рукъ въ молитвѣ,
Въ себя впивалъ онѣ блескъ Луны.
Купался въ чистыхъ водахъ Ганга,
Купая сердце въ водахъ вѣры,
Стремясь не къ малымъ совершеньямъ,
Чистосерденно міръ любя.

Горя сочувствіемъ къ живому,
И понимая мудрость духовъ,
Служа добру, себя явилъ онъ
Какъ мудрый зодчій на Землѣ.
Съ самимъ собою въ полномъ мирѣ,
Являя въ членахъ соразмѣрность,
Блюдя покой глубокой сердца,
Онъ совершенія свершилъ.
Межъ тѣмъ царевичъ жилъ въ согласьи
Съ Ясодхарой, своей супругой,
И время шло своимъ порядкомъ,
Сынъ Рагула имъ былъ рождень.
И мыслилъ царь: „Мой сынъ, царевичъ,
Теперь уже дитя имѣеть,
Престоль наслѣдованьемъ точнымъ
Вполнѣ надежно укрѣплень.
И такъ какъ сынъ мой сына любитъ,
Какъ я люблю его любовью,
Онъ не захочетъ домъ оставить,
А будетъ праведнымъ царемъ“.
Такъ превосходнѣйшую карму
Онъ уготовалъ лучезарно,
Какъ Солнце тысячами въ мірѣ
Шлетъ свѣтоносные лучи.
И лишь хотѣлъ, чтобъ сынъ, являя
Свои достоинства, былъ славень,
Чтобъ, свѣтлое снискавши имя,
„Рожденный Богомъ“ звался онъ.

3. ТРЕВОГА.

Тамъ, во-виѣ, лежатъ лужайки,
Брызжетъ влагой водометь,
Чисты свѣжія озера,
Разно свѣтятся цвѣты.
На вѣтвяхъ деревь, рядами,
Золотистые плоды,
Отъ вѣтвей глубоки тѣни,
Стебли — нѣжный изумрудъ.
Много тамъ и птицъ волшебныхъ,
Въ играхъ вьются посреди,
И цвѣтовъ — четыре рода
На поверхности воды.
Краски — свѣтлы, духъ — душистый,
Дѣвы стройныя поютъ,
И царевича плѣniają
Струнной музыкой онѣ.
Изъ чертога слыша пѣнье,
Онѣ вздыхаетъ о садахъ,
Хочетъ онѣ усладъ садовыхъ,
Быть въ смарагдовой тѣни.
И, делѣя эти мысли,
Хочетъ выйти изъ дворца, —
Слонъ въ цѣпяхъ такъ тяготится,
Хочетъ воли и пустынь.

Царь, услышавъ, что царевичъ
Быть желаетъ во садахъ,
Повелѣлъ ихъ разукрасить
И въ порядокъ привести.
Сдѣлать царскую дорогу
Очень ровной и прямой,
Все убрать съ пути, что можетъ
Взоръ глядящій оскорбить.
Старыхъ, хилыхъ, и недужныхъ,
Иль увѣчныхъ, или тѣхъ,
Кто, нуждаясь, непригляденъ,
Иль чрезмѣрно возскорбѣлъ.
Царь - отецъ объ этомъ думаль,
Чтобъ царевичъ, въ этотъ часъ,
Сердца юнаго не ранилъ,
Огорченіе узнавъ.
Во свершеніе приказанья
Разукрашены сады,
И царевичъ приглашенъ былъ
Предъ отцомъ-царемъ предстать.
Сынъ приблизился съ почтеньемъ,
Тронулъ царь его чело,
Цвѣтъ лица его увидѣлъ,
Грусть и радость ощутилъ.
Но, въ своихъ сдержавшись чувствахъ,
Ихъ во-внѣ не показаль,
Рту его хотѣлось молвить,
Сердце онъ свое сдержалъ.

Вотъ, въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ,
Колесница, а предъ ней
Четверня красивыхъ, статныхъ,
Равныхъ въ прыткости коней.
Кони выучки хорошей,

Бѣгъ ихъ точно предрѣшенъ,
Бѣлоснѣжные, а сбруя
Перевита вся въ цвѣтахъ.
Строенъ тотъ, кто въ колесницѣ
Направляетъ бѣгъ коней.
Путь усыпанъ весь цвѣтами,
По бокамъ висятъ ковры.
Деревца, малютки ростомъ,
Обрамляютъ царскій путь.
На столбахъ рѣзныя вазы,
Разноцвѣтный вьется стягъ.
Чуть повѣетъ легкій вѣтеръ,
Шевельнется балдахинъ,
Свѣтлый занавѣсъ качнется,
Шелкъ узорчатый шуршитъ.
Вдоль дороги много зрящихъ,
Смотрятъ зорко ихъ глаза,
Но не грубъ тотъ взоръ, а кротокъ,
Словно лотосъ, что склоненъ.
Вкругъ царевича-владыки,
Свита слѣдуетъ за нимъ,
Словно это—царь созвѣздя,
Окруженный сонмомъ звѣздъ.
Всюду шопоть заглушенный,
Рѣдокъ въ мірѣ видъ такой,
Всѣ сошлись, богатый, бѣдный,
Кто смиренъ и кто взнесенъ.
Бросивъ домъ—какъ только былъ онъ,
Не поставивъ скоть въ загонъ,
И монеты не считая,
И дверей не заперевъ,—
Всѣ пошли къ дорогѣ царской,
Башни всѣ полны людей,
Люди въ окнахъ, на балконахъ,

На валахъ, среди деревь.
Всѣ тѣла склонивъ согласно,
Взоры всѣ стремя въ одно,
Всѣ умы въ одинъ сливая,
Были зрящіе—какъ кругъ.
И окружно устремленный,
Къ одному тянулся умъ:
Видъ какъ бы небесной тѣни
Возникалъ и проплывалъ.
Словно лилія, что только
Передъ этимъ расцвѣла,
На садовыя лужайки
Свѣтлоликій устремленъ.
Во свершенье предвѣщанья,
Старца Риши словъ святыхъ,
Вкругъ себя царевичъ смотритъ,
Приготовлены пути.
Влагой политы дороги,
У толпы нарядный видъ,
Ткани свѣтлы,—и царевичъ
Ликованье ощутилъ.
Въ колесницѣ златосвѣтной
Предъ толпою онъ возникъ,
И народъ смотрѣлъ на блески
Этой юной красоты.
Между тѣмъ Властитель-Дѣва,
Изъ предѣловъ Чистоты,
Снизошелъ, и близъ дороги
Онъ съ внезапностью возникъ.
Превративши ликъ свой свѣтлый
Въ дряхлый обликъ старика,
Онъ изношеннымъ явился,
Съ сердцемъ слабымъ отъ тяготъ.
И царевичъ, видя старца,

Страхъ тревоги ощутилъ,
Вопрошаетъ онъ возницу:
„Это что за человѣкъ?
Голова его—сѣдая,
Тѣломъ дряхль, въ плечахъ согбенъ,
Очи тусклы, держать палку,
Ковыляетъ вдоль пути.
Иль онъ высохъ вдругъ отъ зноя?
Иль такимъ онъ былъ рожденъ?“
И возница, затрудненный,
Не умѣетъ отвѣчать.
Онъ бы вовсе не отвѣтилъ,
Если бъ Дэва вмигъ ему
Не умножилъ силу духа
И отвѣтъ не предрѣшилъ:
„Видь его инымъ былъ видомъ,
Пламень жизни въ немъ изсякъ,
Въ измѣненномъ—много скорби,
Мало радости живой.
Духъ въ немъ слабъ, безсильны члены,
Это знаки суть того,
Что зовемъ — «Преклонный возрастъ».
Былъ когда-то онъ дитя,
Грудью матери питался,
Рѣзвымъ юношей онъ былъ,
Пять онъ чувствовалъ восторговъ,
Но ушелъ за годомъ годъ,
Тѣло порчѣ подчинилось,
И изношенъ онъ теперь“.
И взволнованный царевичъ
Вновь возницу спросилъ:
„Человѣкъ тотъ — онъ одинъ ли
Дряхлымъ возрастомъ томимъ,
Или буду я такимъ же,

Или будутъ всё какъ онъ?“
И возница вновь отвѣтилъ,
И промолвилъ, говоря:
„О, царевичъ, и тобою
Тотъ наслѣдованъ удѣлъ.
Время тонко истекаетъ,
И пока уходитъ часъ,
Ликъ мѣняется,—измѣнѣ
Невозможно помѣшать.
Что приходитъ несомнѣнно,
То должно къ тебѣ придти,
Юность въ старость облачая,
Общій примешь ты удѣлъ“.
Бодгисаттва, что готовилъ
Съ давнихъ дней оплотъ ума,
Зодчимъ мудрости высокой
Безупречнымъ быть хотѣлъ,—
О преклонности печальной
Слыша вѣрныя слова,
Такъ сраженъ былъ, что внезапно
Каждый волосъ дыбомъ всталъ.
Какъ въ грозу раскаты грома
Обращаютъ въ бѣгство скотъ,
Такъ сраженъ былъ Бодгисаттва
И глубоко воздохнулъ.
Съ сердцемъ, сжатымъ пыткой «Старость»,
Взоръ застылый устремивъ,
Думалъ онъ о томъ, какъ скорбно
Время дряхлости узнать.
„Что за радость“, — такъ онъ думалъ,—
„Могутъ люди извлекать
Изъ восторговъ, что увянуть,
Знаки ржавчины пріять?
Какъ возможно наслаждаться

Тѣмъ, что нинче силенъ, юнъ,
Но измѣнишься такъ быстро,
И, исчахнувъ, будешь старъ?
Видя это, какъ возможно
Не желать — бѣжать, уйти?“
И возницѣ Бодгисаттва
Говорить: „Скорѣй назадъ!
Что сады мнѣ, если старость
Надвигается, грозя,
Если годы этой жизни
Словно вѣтеръ, что летить?
Поверни же колесницу,
Во дворецъ вези меня“.
Но, какъ бы придя къ гробницамъ,
Быль и дома скорбенъ онъ.

Царь, узнавъ о грусти сына,
Побудилъ его друзей
Предпринять прогулку снова,
И велѣлъ прибрать сады,
И еще пышнѣй украсить
Всю дорогу повелѣлъ.
Но теперь явился Дэва
Какъ недужный человѣкъ.
Онъ стоялъ тамъ у дороги,
Безобразенъ и раздутъ,
Съ бормотаньемъ, весь заплаканъ,
Руки, ноги—сведены.
И спросилъ опять царевичъ:
„Это что за человѣкъ?“
Отвѣчалъ ему возница
И отвѣтъ гласилъ: „Больной.
Всѣ четыре естества въ немъ
Въ беспорядкѣ сплетены,

Силы нѣтъ, и весь онъ слабость,
 Просить помощи—другихъ“.
 И царевичъ, это слыша,
 Сразу сердцемъ грустенъ сталь,
 И спросилъ: „Одинъ ли только
 Скорбенъ онъ, иль есть еще?“
 И отвѣтъ гласилъ: „Такіе
 Всюду въ мірѣ люди есть,
 Кто живетъ, имѣя тѣло,
 Долженъ въ жизни вѣдать боль“.
 Слыша это, былъ царевичъ
 Мыслью скорбною смущенъ:—
 Такъ, порой, на ряби водной
 Схваченъ зыбью ликъ Луны.
 „Кто въ печи великой горя
 Вверженъ въ дымъ и въ жгучій жаръ,
 Какъ онъ можетъ быть спокойнымъ,
 Можетъ вѣдать тишину?
 Горе, горе ослѣпленнымъ,
 Если можетъ воръ-болѣзнь
 Каждый мигъ предстать предъ ними,
 И въ веселье бросить тьму“.
 Вновь золотая колесница
 Повернулася назадъ,
 И скорбѣлъ онъ—боль недуга
 Видя въ зеркалѣ ума.
 Какъ израненный, избитый,
 Тотъ, кто посохъ долженъ взять,
 Въ одиночествѣ, въ безлюдьи,
 Такъ онъ жилъ въ своемъ дворцѣ.

Царь, узнавъ, что сынъ вернулся,
 Вопросаешь—почему.
 И отвѣтъ ему былъ точный:
 „Боль недуга увидалъ“.

На блюстителей дороги
Царь посѣтоваль весьма,
Сердце онъ сдержалъ, тревожась,
Ничего онъ не сказалъ.
Онъ число поющихъ женщинъ
Увеличилъ во дворцѣ,
Вдвое громче раздавались
Звуки пѣнія теперь.
Эти лики, эти звуки
Чарой быть должны тому,
Кто, лелѣя наслажденья,
Домъ не долженъ разлюбить.
Днемъ и ночью, множа чару,
Умножается напѣвъ,
Но царевичъ не внимаетъ,
И не тронуть чарой онъ.
Царь нисходитъ самолично,
Чтобъ сады всѣ осмотрѣть,
Избираетъ свиту женщинъ
Съ наилучшей красотой.
Тѣхъ, что смогутъ все устроить,
Съ быстрымъ вкрадчивымъ умомъ,
И мужское сердце могутъ
Нѣжнымъ взглядомъ уловить.
Онъ еще поставилъ стражей
Вдоль по царскому пути,
И убрать велѣлъ съ дороги
Все, что можетъ ранить взоръ.
Знаменитому возницѣ
Убѣдительно сказалъ,
Чтобъ смотрѣлъ онъ хорошенько,
Належащій выбралъ путь.

Между тѣмъ, великій Дэва
Изъ пречистой высоты,

Снизойдя опять, какъ прежде,
Ликъ умершаго явиль.
Передъ взоромъ Бодгисаттвы
Тѣло четверо несли,
Это видѣлъ лишь царевичъ
И возница, не народъ.
„Что несутъ они?“ спросиль онъ,
Тамъ знамена и цвѣты,
Свита, полная печали,
Много плакальщиковъ тамъ“.
И возница, знаку свыше
Повинуясь, отвѣчалъ,
И къ царевичу промолвилъ:
„Это мертвый человѣкъ.
Жизнь ушла, и силы тѣла
Истожились у него,
Умъ—безъ мысли, сердце—камень,
Духъ ушелъ, и онъ—чурбанъ.
Нить семейная порвалась,
Въ бѣломъ траурѣ друзья,
Ужъ его—не радость видѣть,
Въ ямѣ скрыть его несутъ“.
Имя Смерти услыхавши,
Быль царевичъ угнетень,
Сердце сжалось мыслью трудной,
И печально онъ спросиль:
„Онъ одинъ ли, этотъ мертвый,
Или въ мірѣ есть еще?“
И услышалъ онъ, что въ мірѣ
То же самое вездѣ.
„Жизнь начавшій—жизнь окончить,
Есть начало—есть конецъ.
Силень, молодъ—но, имѣя
Тѣло, долженъ умереть“.
И царевичъ, отуманень,

Мыслью скорбною смущень,
Весь пригнулся къ колесницѣ,
Словно принялъ тяжкій гнеть.
Пресѣкалося дыханье
У него, какъ онъ сказалъ:
„О, безумье заблужденья,
Роковой самообманъ!
Тѣло—прахъ, и, это зная,
Не печалюся, живу,ть,
Сердце бьется—и не хочетъ
Знать, что все исчезнетъ здѣсь“.
Онъ къ возницѣ обратился,
Повернуть велѣлъ назадъ,
Чтобъ не тратить больше время,
Не блуждать среди садовъ.
Какъ бы могъ онъ, съ этимъ страхомъ
Смерти, ждущей каждый мигъ,
Съ легкимъ сердцемъ веселиться,
Уѣзжая вдоль пути!
Но возница помнилъ слово
Говорившаго царя,
И назадъ боялся ѣхать,
И впередъ помчалъ коней.
Кони дрогнули, и мчались,
Задыхаясь, ко садамъ,
И примчались къ тихимъ рощамъ,
Гдѣ журчали ручейки.
Возвышались деревья
Въ изумрудной красотѣ,
Звѣри разные блуждали
По землѣ среди травы.
И летучія творенья
Пѣли ласково кругомъ,
Взоръ и слухъ имѣли радость,
Было дивно во садахъ.

4. ОТРЕЧЕНИЕ.

Вотъ вступилъ въ сады царевичъ,—и кругомъ
Стали женщины являть внушенья чаръ,
Взоры манять, мысли вольныя у нихъ,
Каждой мнится: „Я понравлюсь тѣмъ и тѣмъ“.
Съ тайнымъ замысломъ другъ къ другу наклонясь,
Бьютъ въ ладоши и ногами движутъ въ ладъ,
Или тѣломъ къ тѣлу льнуть, рука съ рукой,
И сливаются совѣмъ другъ съ другомъ вилоть.
Или въ шуткахъ ищутъ быстрый дать отвѣтъ
И улыбкой на улыбку проблестѣть,
Иль задумчивый принять и грустный видъ,
Чтобъ сочувствіемъ внушить ему любовь.
Но увидѣли онѣ—царевичъ хмуръ,
Въ тѣлѣ стройномъ нѣтъ его обычныхъ чаръ,
И смотрѣли всѣ, и ждали, вверхъ смотря,
Какъ мы ждемъ, порой, восшествія Луны.
Но напрасно были хитрости ихъ всѣхъ,
Въ Бодгисаттвѣ сердце тронуть имъ нельзя,
И столпились всѣ онѣ, и сбились въ кругъ,
Озадачены, испуганы, молчать.
Брамапутра былъ въ тотъ мигъ тамъ во садахъ,
Онѣ Удаи звался. Женщинамъ сказалъ:
„Вы красивы, но плѣните ль всѣ хоть разъ?
Красота имѣетъ власть, но не навѣкъ.“

Все же держать-держитъ міръ она въ плѣну,
 Силой чувственной и тайностью путей,
 Все же въ міръ вашимъ чарамъ не идти
 Вровень съ чарами небесныхъ дивныхъ дѣвъ.
 Боги, видя ихъ, ушли бы отъ Богинь,
 Духи были бы въ соблазны введены,—
 Что жъ царевичъ, пусть онъ даже царь Земли?
 Почему бы не проснуться чувствамъ въ немъ?
 Въ оно время вѣдь была же Сундарі,
 Ей великій Риши былъ же сокрушенъ,
 Вовлекла она его въ любовь къ себѣ,
 И принизила хваленость высоты.
 Также былъ еще Висвâмитра Браминъ,
 Прожилъ онъ въ молитвахъ десять тысячъ лѣтъ,
 А корабль его былъ сразу сокрушенъ,
 Въ день одинъ царицей Неба былъ плѣненъ.
 Если были тѣ Брамини сражены,
 Много можете вы, женщины, теперь,
 Измышляйте жъ сѣти новыя любви,
 И запутанъ царскій сынъ въ нихъ будетъ вмгъ.
 Слабы женщины, природа такова,
 Но мужчинами умѣютъ управлять,
 И чего же не сумѣютъ совершить,
 Чтобы чувственность желанья въ нихъ зажечь?

Свита женщинъ, услыхавъ его слова,
 Всколыхнулась и ободрилась вполнѣ,—
 Услыхавши такъ касанія бича,
 Залѣнившійся проснется сразу конь.
 Снова—музыка, веселый разговоръ,
 Зубы бѣлы, брови подняты у нихъ,
 Очи смотреть, — взоръ, горя, идетъ во взоръ,—
 Въ легкихъ тканяхъ видны бѣлыя тѣла.
 Изгибаясь и жеманно подходя,

Какъ невѣста, что застѣнчиво идетъ,
Такъ идутъ онѣ съ желаніемъ любви,
Женской сдержанности больше нѣтъ у нихъ.
Но царевичъ въ сердцѣ былъ неколебимъ,
Былъ безгласенъ, соблюдая тишину,—
Такъ стоитъ, порой, одинъ могучій слонъ,
Стадо жъ все толпится шумно вокругъ него.
Такъ божественный былъ Сакра въ небесахъ,
Вкругъ него же Дэви Неба всей толпой,
Какъ царевичъ нынѣ медлилъ во садахъ,
Свѣтлымъ множествомъ красавицъ окружень.
Но напрасно имъ одежду поправлять,
Изливая благовонья на тѣла,
Но напрасно имъ цвѣты перевивать
И шептать другъ другу тайныя слова,—
Вмѣстѣ, порознь, говорятъ или молчать,
Для соблазна выгибаютъ ли тѣла,—
Бодгисаттва, какъ скала, въ себѣ замкнуть,
И для грусти, и для радости закрыть.
Видя странныя старанія ихъ всѣхъ,
Глубже думаетъ, все глубже мыслить онъ,
Видитъ женскіе онъ замыслы насквозь,
Начинаетъ понимать всю ихъ тщету.
„И не вѣдаютъ,“—такъ молча мыслить онъ,—
„И не вѣдаютъ, какъ скоро красота
Опадаетъ, какъ увядшій лепестокъ,
Смята старостью и смертію взята.
Въ томъ великая бѣда, что знанья нѣтъ!
Обольщенье затѣняетъ ихъ умы.
День и ночь тотъ обоюдоострый мечъ
Имъ грозить,—но вотъ, не помнятъ про него.
Старый возрастъ, и болѣзнь, и съ ними смерть,
Эти чудища возможно ль созерцать,
И, глядя на нихъ, смѣяться и шутить,

Съ мертвой петлею на шеѣ—вѣдать смѣхъ?
 Человѣка—человѣкомъ ли назвать,
 Если внутренняго знанья онъ лишень!
 Не изъ камня ли фигура онъ тогда,
 Не изъ дерева ли сдѣланная тѣнь!
 Не растетъ ли такъ въ пустынѣ стройный стволъ,
 Есть плоды на немъ, и вѣтви, и листы,
 Но спилать его, а призракъ отъ него
 И не вѣдаетъ, что вотъ послѣдній мигъ!“

Тутъ къ царевичу Удаи подошелъ,
 И, увидѣвши, что пять желаній спятъ,
 „Магараджа“,—такъ онъ началъ говорить,—
 „Другомъ сыну своему велѣлъ мнѣ быть.
 Говорить мнѣ можно ль дружески съ тобой?
 Другъ—троякъ: онъ, что не нужно, устранить,
 Въ чемъ дѣйствительно нужда есть—достаешь,
 И въ превратности онъ съ другомъ тутъ какъ тутъ.
 Про такого—просвѣтленный говорятъ,
 Просвѣтленнымъ другомъ быть тебѣ хочу.
 Въ чемъ же три истока выгоды узрѣть?
 Слушай, вѣрныя слова тебѣ скажу.
 Если молодость созрѣла и свѣжа,
 И въ расцвѣтѣ всѣ улады красоты,
 Нѣги женскаго влiянiя не принять,—
 Это значить, что безсиленъ человѣкъ.
 Иногда лукавство должно допустить,
 Подчиниться малымъ хитростямъ вполнѣ,
 Тѣмъ, что въ сердцѣ тамъ гнѣзятся, въ глубинѣ,
 Какъ въ теченiяхъ подводныхъ держать путь.
 Въ наслажденiяхъ коль шалостью ты взять,
 То не худо въ женскомъ мнѣнiи, никакъ,—
 Если въ сердцѣ нѣтъ желанiя сейчасъ,
 Все же играмъ этимъ нужно уступать.

Сердцу женскому согласіе—восторгъ,
Уступить ему—естъ полная краса.
Если жь это отвергаетъ человѣкъ,
Онъ какъ дерево безъ листьевъ и плодовъ.
Почему жь однако нужно уступать?
Чтобы въ этомъ всею удѣлъ свой получить,
Разъ возьмешь его,—конецъ тревогамъ всѣмъ,
Перемѣнчивость мечты не мучить насъ.
Наслажденіе—помысль первый есть у всѣхъ,
Безъ него самимъ Богамъ не обойтись.
Сакра-богъ къ женѣ былъ Риши привлеченъ,
Онъ супругу Гаутамы полюбилъ.
И Агастія такъ Риши, что ужь былъ
Въ долгой ночи воздержанья много лѣтъ,
Пожелавши Дэви нѣжную обнять,
Вспыхнулъ такъ, что всѣ заслуги потерялъ.
Бригаспати, Чандрадэва, и еще,
Парасара, Каваньджара, и еще,
Эти всѣ, и съ ними множество другихъ,
Были женскою любовью сражены.
Сколь же больше долженъ ты медвяность пить,
Преимущества имѣя всѣ свои,
Знать въ плѣнительныхъ усладахъ свой удѣлъ,
Окруженный всѣми тѣми, кто съ тобой“.
Слыша то, что говорилъ Удаи другъ,
Тѣ искусно сочетанныя слова,
Этихъ тонкихъ различій образцы,
И примѣры, приведенные съ умомъ,—
Такъ царевичъ, отвѣчая говорилъ,
Такъ словами онъ подробный далъ отвѣтъ:
„Я за искренность тебя благодарю,
Дай и мнѣ отвѣтить искренно тебѣ,
И покуда ты внимаешь,—приговоръ
Пусть помедлитъ, молча, въ сердцѣ у тебя.

Я совсѣмъ не безучастенъ къ красотѣ,
Человѣческихъ восторговъ знаю власть,
Но на всемъ измѣны вижу я печать,
Оттого въ тяжеломъ сердцѣ эта грусть.
Если бъ это достовѣрно длилось такъ,
Если бъ старость, смерть, болѣзнь—не ждали насъ,
Упивался бы любовію и я,
Не узналъ бы пресыщенье и печаль.
Если женщинамъ ты этимъ возбранишь
Измѣняться или вянуть въ красотѣ,
Пусть въ любовныхъ наслажденьяхъ есть и зло,
Все же имъ держать въ неволѣ умъ дано.
Знать же только, что другіе гдѣ-то тамъ
Заболѣли, постарѣли, видятъ смерть,
Только это знать—и радости ужъ нѣтъ,—
Что же, если это вѣдать про себя!
Знать, что эти наслажденія спѣшатъ,
Ускоряютъ порчу тѣлъ и гнилость ихъ,
И однако жъ предаваться снамъ любви,—
Люди въ этомъ превращаются въ звѣрей.
Многихъ Риши ты приводишь имена,
Что по чувственнымъ дорогамъ въ жизни шли,—
Ихъ примѣры умножаютъ скорбь мою,
Въ томъ, что сдѣлали, погибель ихъ была.
Ты приводишь имя славнаго царя,
Что служилъ свободно всѣмъ своимъ страстямъ,—
Какъ они, и онъ въ дѣяньи томъ погибъ,
Побѣдителемъ отнюдь онъ не былъ въ томъ.
Въ сѣтъ уклонныхъ словъ кого-то уловить,
Улестить кого-то, волю взять его,
Умъ мутя, узнать уступчивое „Да“,—
Или замыселъ тотъ правильно-красивъ?
Это значить лишь—обманомъ соблазнить,
То пути не для меня, и не для тѣхъ,

Кто достоинство и правду возлюбилъ,
Ибо истинно неправы тѣ пути.
Въ этомъ слѣдовать нельзя миѣ ни за кѣмъ,
Ни съ бунтующимся сердцемъ—уступать.
Старый возрастъ, и болѣзнь, и смерть—градуть,
Горе движуть къ намъ и горе громоздятъ.
Ихъ вліяньемъ все кругомъ меня полно,
Ихъ присутствіе вездѣ, увы, увы!
И вотъ въ этомъ-то нѣтъ друга у меня,
О, Удайи, это въ мысляхъ—можетъ встать!
Боль рожденья, старый возрастъ, смерть, болѣзнь,—
Это мучаетъ и это намъ грозитъ,
Очи видятъ, какъ все падаетъ кругомъ,
И однако жъ сердце слѣдуетъ за всѣмъ.
Въ этомъ мало что могу я повелѣть,
Сердце слабое совсѣмъ поглощено,
Вижу старость, вижу болѣсть, вижу смерть,
Такъ я не былъ никогда еще смущенъ.
Ночь не сплю, и мыслю днемъ,—восторгъ ли знать!—
Старость ждетъ, болѣзнь придетъ, и смерть вѣрна,—
Если бъ не былъ я печалью омраченъ,
Деревяннымъ бы иль каменнымъ я былъ^а.

Такъ царевичъ, въ усложненный свой отвѣтъ
Пытки сладостей вводя, ихъ означалъ,
И не видѣлъ, что, пока онъ говорилъ,
День блѣднѣлъ и, догорая, угасалъ.
Звоны музыки и чары унося,
Увидавъ, что всѣ старанья ни къ чему,
Удалилися всѣ женщины, стыдясь,
Возвратилася въ столицу ихъ толпа.
И царевичъ, въ той безлюдной тишинѣ,
Увидавши опустѣлыя сады,
Вдругъ почувствовать измѣнчивость вдвойнѣ

И вернулся опечаленъ во дворець.
Царь-отець, спросивъ о сынѣ и узнавъ,
Что отъ радостей царевичъ отвращенъ,
Былъ такой великой скорбью пораженъ,
Точно въ сердце острый мечъ его пронзилъ.
Онъ немедленно же созвалъ весь совѣтъ,
Вопрошалъ, и всѣ отвѣтили ему:
„Недостаточно желаній для того,
Чтобы сердце, полонивши, удержать“.

5. РАЗЛУКА.

И царь увеличилъ возможности чары,
Влеченья тѣлесныхъ усладъ.
Ни ночью, ни днемъ не смолкали напѣвы,
Царевичъ отъ звуковъ усталъ.
Ему опостылѣли нѣжные звоны,
Онъ жаждалъ отсутствія ихъ.
Онъ думалъ о старости, боли, и смерти,
Какъ левъ быть, пронзенный стрѣлой.
Послалъ къ нему, зоркой заботой тревожимъ,
Отмѣнныхъ совѣтниковъ царь,
И тѣхъ изъ родныхъ, что съ младыми лѣтами
Красу сочетали и умъ.
Чтобъ, ночью и днемъ пребывая съ грустящимъ,
Вліяли они на него.
Черезъ малое время царевичу снова
Возжаждалось выѣздъ свершить.
Опять колесница золотая готова,
Рысистыхъ коней четверня,
И съ свитой блестящей друзей благородныхъ
Изъ пышныхъ онъ выѣхалъ вратъ.
Какъ, съменемъ вырощенъ четырехкратнымъ,
Подъ Солнцемъ сіяетъ цвѣтокъ,
Такъ въ блескѣ духовномъ быть свѣтелъ царевичъ,
Въ немъ юное время—какъ лучъ.

Межь тѣмъ какъ изъ города ѣхалъ въ сады онъ,
Ему уготованъ былъ путь,
Цвѣтами, плодами сіяли деревья,
И сердцемъ безпеченъ онъ былъ.
Но возлѣ дороги онъ пахарей видѣлъ,
Что шли, проводя борозду,
И черви тамъ вились,—и дрогнуло сердце,
И вновь былъ пронзенъ его духъ.
О, горестно видѣть свершенье работы,
Работаютъ люди съ трудомъ,
Тѣла склонены ихъ, и волосы сбились,
На лицахъ сочащійся потъ.
Запачканы руки и пылью покрыты,
Пригнулись волы подъ ярмомъ,
Разъяты ихъ рты, и неровно дыханье,
И свѣсился на бокъ языкъ.
Царевичъ, исполненъ огнемъ состраданья,
И съ любящимъ нѣжнымъ умомъ,
Былъ раненъ такою пронзающей болью,
Что въ пытку своей застоналъ.
Сойдя съ колесницы и сѣвши на землю,
На зрѣлище боли смотрѣлъ,
И въ мысляхъ, сплетясь, протянулись дороги
Рожденья и смерти предъ нимъ.
„Увы“, онъ вскричалъ, „злополучіе міру,
Въ несвѣдущей онъ темнотѣ!“
И спутникамъ онъ предложилъ, чтобы каждый,
Гдѣ вздумаетъ, тамъ отдыхалъ.
Самъ сѣлъ онъ подъ тѣнію дерева Джамбу
И мыслямъ отдался своимъ.
Онъ думалъ о жизни, о смерти, о смѣнѣ,
О тлѣннѣ, о дальнемъ пути.
Такъ сердце свое закрѣпивъ безъ смущенья,
И тучкой пять чувствъ затянувъ,

Въ просвѣтѣ онъ внутреннемъ весь потерявшись,
Извѣдалъ первичный восторгъ.
Первичная чистая степень восторга,
Все низкое прочь отошло,
Настало затѣмъ совершенство покоя,
Сліянье съ Верховнымъ въ одно.
Отдѣльность души отъ препоны тѣлесной,
Одинъ ясновидящій взоръ.
Онъ видѣлъ страду и томленіе міра,
Предѣльное горе его.
Болѣзнь разрушаетъ, и въ старости—тлѣнье,
И смерть убиваетъ совсѣмъ,
И люди не могутъ для правды проснуться,
И гнетъ онъ чужой принималъ.
„Я буду искать“, онъ сказалъ, „и найду я
Одинъ благородный Законъ,
Чтобъ всталъ онъ на смерть, на болѣзнь, и на старость,
Людей бы отъ нихъ защитилъ“.
Въ спокойномъ потерянный такъ созерцаньи,
Онъ думалъ, что юность и мощь
И жизненность силы, въ повторномъ возвратѣ,
Свершаютъ конечный свой тлѣнь.
О томъ онъ безъ радости мыслилъ чрезмѣрной,
Безъ скорби, безъ смуты ума,
Безъ грезы дремотной, безъ крайней истомы,
И безъ отвращенья души.
Онъ думалъ объ этомъ въ спокойствіи міра,
Лучами внутри осіянь.
И Дэва изъ Чистыхъ высотъ появился,
Какъ Бхикшу, какъ нищій, предъ нимъ.
Дошелъ онъ до мѣста, гдѣ медлилъ царевичъ,
Царевичъ почтительно всталъ,
Спросилъ его, кто онъ, и Дэва отвѣтила,
Отвѣтствуя, молвила: „Шаманъ.“

При мысли о старости, смерти, недугѣ
Томительно я заскучалъ,
Оставилъ свой домъ, чтобъ искать избавленья,
Но всюду, куда ни взгляну,
Все старость да старость, все смерть и недуги,
Все гибнуть, не прочно ничто.
Ищу я блаженства чего-нибудь въ мірѣ,
Къ чему не притронется тлѣнь,
Того, что не вянетъ, того, что не гибнетъ,
Начала не знаетъ совсѣмъ,
На друга и недруга съ равенствомъ смотреть,
Не ждать красоты и богатствъ,—
Ищу я блаженства—того, кто находитъ
Покой самъ съ собою одинъ,
Въ обители тихой, далеко отъ міра,
Куда не приходитъ никто,
Нетронуть истокомъ мірскихъ оскверненій,—
Что нужно поѣсть,—попрошу“.
И какъ онъ стоялъ предъ царевичемъ,—кверху
Поднявшись, въ пространствѣ исчезъ.
Царевичъ, съ отрадой, подумавъ, вспомнилъ
О Буддахъ, что были въ вѣкахъ,
И въ полномъ нашелъ соотвѣтствіи видъ ихъ
Съ явленьемъ того, кто исчезъ.
Такъ все сопоставивъ въ умѣ, самоцѣльно,
Онъ мысли о правдѣ достигъ,
И какъ до нея достигнуть. Пребывая
Въ молитвенной этой тиши,
Онъ чувства свои подавилъ, онъ всѣмъ членамъ
Послушными быть приказалъ,
И въ городъ направился. Въ это же время
Вся свита сбѣжалась къ нему,
Помедлить просили его; но, лелѣя
Тѣ тайныя мысли въ умѣ,

Онъ двигался тѣломъ по той же дорогѣ,
А сердцемъ былъ въ дальнихъ горахъ:—
Привязанный слонъ такъ, плѣненный цѣпями,
Все въ дикихъ пустыняхъ умомъ.
И въ городъ царевичъ вошелъ, и увидѣлъ
Въ людскомъ закрѣпленныхъ людей.
О дѣтяхъ своихъ умолялъ его старецъ,
Молилъ молодой о женѣ,
Другіе для братьевъ чего-то просили,
У каждаго просьба была.
Всѣ тѣ, кто былъ связанъ родствомъ и семьею,
Стремилась къ тому иль тому,
Всѣ бывшіе слитыми родственной связью,
Разлуки страшились они.
И сердце царевича радость узнало,
Когда онъ услышалъ слова —
„Разлука и слитность“. — „То добрые звуки“,
Онъ тихо сказалъ про себя.
„Они мнѣ вѣщаютъ, что будетъ свершонъ онъ,
Обѣтъ, что я принялъ душой“.
Онъ думалъ о счастья „родства, что порвалось“,
Въ Нирвану онъ мыслью вошелъ.
И было все тѣло его—въ свѣтосилѣ,
Какъ скалы Горы Золотой,
И плечи его—какъ слона были плечи,
И голосъ—какъ вышній былъ громъ,
Лазурны глаза—какъ у перваго въ стадѣ,
У сильнаго рогомъ быка,
И свѣтель былъ ликъ—какъ Луна въ полнолуны,
Шаги—были поступью льва.
Въ дворецъ такъ вступилъ онъ, и, полный почтения,
Какъ Сакры-Властителя сынъ,
Онъ прямо къ отцу подошелъ и, склонившись,
Спросилъ: „Какъ здоровье царя?“

Затѣмъ, изъяснивши свой страхъ, что внушили
И старость, и смерть, и болѣзнь,
Почтительно онъ попросилъ позволенья
Уйти и отшельникомъ стать.
„Все въ мѣрѣ“, сказалъ онъ, „хоть нынѣ и слито,
Все въ мѣрѣ къ разлукѣ идетъ“.
И мѣръ онъ оставитъ просилъ разрѣшенья,
Чтобъ „истинность воли узнать“.
Отецъ его, слыша о бѣгствѣ отъ міра,
Сердечной былъ дрожью пронзенъ,—
Могучій такъ слонъ потрясаетъ клыками
И хоботомъ стволъ молодой.
Онъ всталъ и, царевича за руки взявши
И слезы роняя, сказалъ:
„Постой! Говорить тебѣ такъ еще рано,
Не время въ молельность уйти.
Ты силенъ и юнъ, въ сердцѣ—полность бѣнья,
Въ молитвенность съ этимъ идти
И трудно и страшно, смущенья приходятъ,
Желанья возможно ль пресѣчь.
Оставить свой домъ, истязаніямъ плоти
Отдаться—нелегкій то путь,
Жить въ дикихъ пустыняхъ и въ долахъ безлюдныхъ
Возможетъ ли сердце твое.
Я знаю, ты любишь молитвенность духа,
И мысль о высококомъ—въ тебѣ,
Но ты еще сердцемъ не сможешь смириться,
Вѣдь годы твои—не мои,
Ты долженъ принять управленіе царствомъ,
Мнѣ первому нужно уйти.
Оставить отца и свершеніе долга,—
Въ томъ набожность есть ли, скажи.
Ты долженъ изгнать эти мысли о томъ, чтобъ
Оставить родимый свой домъ,

Свой долгъ соверши, и составь себѣ имя,
И послѣ уйди отъ семьи“.

Царевичъ, почтительность чувства явивши,
Мольбу предъ отцомъ повторилъ,
Оставить свой замыселъ онъ обѣщался,
Коль бѣдъ четырехъ избѣжить.

„Коль дашь безконечную жизнь мнѣ“, сказалъ онъ,
„И старости я избѣгу,
Болѣзнь не узнаю и гибель владѣній,
Тогда не оставлю я домъ“.

И царь отвѣчалъ, и царевичу молвилъ:
„Нельзя этихъ словъ говорить.
Здѣсь нѣтъ никого, кто бы могъ устранить ихъ,
Сказать ихъ явленію—Нѣтъ,
Ты вызовешь смѣхъ у людей, если будешь
Стремиться до тѣхъ четырехъ.“

Не думай же больше, чтобъ домъ свой оставить,
Усладамъ предайся опять.“

Царевичъ промолвилъ: „Коль эти четыре
Исполнить не можешь мольбы,
Тогда отпусти, не удерживай больше,
Дозволь мнѣ оставить мой домъ.
Молю, затрудненій не ставь на дорогѣ,
Въ горящемъ чертогѣ твой сынъ,
Ужели жь удерживать будешь въ пожарѣ,
Покуда и онъ не сгорить?
Кто хочетъ сомнѣнья распутать, онъ воленъ,
Не держать его, а не то
Себя онъ разрушить, дойдетъ до разгадки
Инымъ безвозвратнымъ путемъ.
Неправой дорогой. А послѣ, за смертью,
Кто сможетъ его удержать?“

И царь увидалъ, что рѣшеніе твердо,
Что тратить напрасно слова.

Онъ женскую свиту сзываетъ немедля,
 Чтобъ сына къ уладамъ увлечь.
 Беречь наказаль онъ пути и дороги,
 Чтобъ онъ не покинулъ дворець.
 Онъ также созвалъ всѣхъ совѣтниковъ края,
 Дабы рассказали они
 Примѣры сыновняго сильнаго чувства,
 Царевича тронуть ниша.

Царевичъ же, видя, что царь весь заплаканъ,
 И скорбью своей отягченъ,
 Въ чертогъ удалился къ себѣ, и сидѣлъ тамъ
 И думалъ въ молчаніи онъ.
 Всѣ женщины, бывшія въ пышныхъ палатахъ,
 Придя, окружили его,
 И молча смотрѣли на обликъ красивый,
 Не бѣглымъ былъ взглядъ ихъ очей,—
 Смотрѣли какъ лани, что въ чащѣ осенней,
 Увидя охотника, ждуть,
 Царевичъ же стройный, царевичъ красивый
 Застылъ какъ утесъ золотой.
 Въ сомнѣньяхъ, танцовщицы медлили, ждали,
 Велить ли онъ пѣть и играть,
 И въ сердцѣ ихъ—страхомъ удержано чувство,
 Такъ медлить олень за кустомъ.
 И день ужъ блѣднѣлъ и блѣднѣлъ постепенно,
 Сидѣлъ онъ въ вечерней зарѣ,—
 И свѣтъ отъ него исходилъ лучезарно,
 Какъ свѣтъ отъ Сумеру горы,—
 На ложѣ, блестящемъ отъ цѣнныхъ каменій,
 И въ дымахъ сандала кругомъ.
 Вокругъ же танцовщицы съ музыкой были,
 И рѣдкостный длился напѣвъ,
 Но мысли царевича гнали напѣвность,

Онъ звуковъ умомъ не хотѣлъ,
И страстные звуки чертогъ наполняли,
Но онъ не слыхалъ ихъ совѣмъ.

Узнавъ, что царевича время приспѣло,
Туть Дѣва изъ Чистыхъ высотъ,
Во образѣ внѣшнемъ спустился на Землю,
Чтобъ женскія чары убить.
И полуодѣтые призраки эти,
Забывшись въ сковавшемъ ихъ снѣ,
Являли глазамъ некрасивыя формы,
Ихъ скорчены были тѣла.
Разбросаны лютни, разметаны члены,
Спина прилѣпилась къ спинѣ;
Другія какъ будто потопшими были,
А ихъ ожерелья—какъ цѣпь;
Одежды ихъ были увиты какъ саванъ,
Или выявлялись комкомъ;
Красивыми были, и вотъ ужъ увяли,
Какъ сломанный маковый цвѣтъ;
Иныя во снѣ до стѣны прижимались,
Какъ будто повѣшенный лукъ;
Иныя руками цѣплялись за окна,
Смотря какъ раскинутый трупъ;
Иныя свой ротъ широко раскрывали,
Противно сочилась слюна,
И волосы были всклокочены дико,
Безумія жалостный ликъ;
Цвѣточная перевязь порвана, смята,
Растоптанный въ прахѣ лохмотъ;
И въ страхѣ иныя приподняли лица,
Какъ въ пустоши птица одна.
Царевичъ сидѣлъ, въ красотѣ лучезарной,
И молча на женщинъ смотрѣлъ,

Какъ юны сейчасъ онѣ были и иѣжны,
Какъ искристь веселый былъ смѣхъ!
Какъ были прекрасны! И какъ измѣнились!
И какъ непріятень ихъ видъ!
Вотъ женщины нравъ. Лишь обманчивый призракъ.
Заводятъ мужскіе умы.
И молвилъ себѣ: „Я проснулся для правды,
Оставляю я тѣхъ, въ комъ обманъ“.
А Дѣва изъ Чистыхъ высотъ, снизошедши,
Приблизился, дверь отомкнулъ.
Царевичъ всталъ съ мѣста, и между простертыхъ
Поверженныхъ женщинъ прошелъ,
Дойдя съ затрудненьемъ до внутреннихъ горницъ,
Возницу онъ, Чандаку, звалъ.
„Душа моя жаждетъ, испить она хочетъ
Отъ влаги иѣжнѣйшей росы.
Сѣдлай же коня мнѣ. Скорѣе. Желаю
Я въ городъ безсмертный войти.
Я жажду. Рѣшилъ. И связанъ я клятвой.
Нѣтъ чаръ въ этихъ женщинахъ мнѣ.
Врата, что замкнутыми были, разъяты.
Въ судьбѣ моей здѣсь поворотъ“.
И Чандака думалъ, что, долженъ ли слушать
Велѣнье царевича онъ,
Царю не сказавши объ этомъ, и этимъ
Снискавъ наказанье себѣ.
Но Дѣвы послали духовную силу,
И конь, ужь осѣдланъ, стоялъ,
Скакунъ превосходный, и въ сбруѣ блестящей,
Готовымъ онъ въ путь выступалъ.
Съ высокою гривой, съ хвостомъ словно волны,
Съ широкой и сильной спиной,
Съ значительнымъ лбомъ, съ головой какъ бы птичьей,
Съ ноздрями какъ будто клешни,

Съ дыханьемъ какъ будто дыханье дракона,
Во всемъ благороденъ онъ былъ.
И царственный всадникъ, трепля его шею
И тѣла касаясь, сказалъ:
„Отецъ мой и царь мой съ тобой былъ повсюду,
И въ битвѣ безстрашнымъ ты былъ,—
Теперь на тебя я хочу положиться,
Съ тобою достигнуть туда,
Гдѣ жизнь безконечная токомъ струится,
И биться съ оплотомъ враговъ,
Съ людьми, что въ погоню идутъ за услугой,
И ищутъ богатства себѣ.
Иду я искать исцѣленья отъ пытки,
И это во имя того,
Во имя свободы твоей и всеобщей,
Да будетъ достойнымъ твой бѣгъ“.
Такъ молвивъ, вскочилъ на коня, и поѣхалъ,
И былъ онъ какъ Солнце зари,
И конь былъ какъ облачный столпъ устремленный,
Бѣжалъ, но, бѣжа, не храпѣлъ.
Съ нимъ были четыре незримые духа,
И каждый ногамъ помогалъ,
Скрывая копыть повторительный топотъ,
Безшумнымъ содѣлавши скокъ.
Былъ духами чтимъ и отецъ безгрѣховный,
И сынъ несравненный его,
Всѣ члены семьи были въ равенствѣ чтимы,
Отъ Дэвъ благотворнымъ—привѣтъ!
Сдержавъ свои чувства, но память лелѣя,
Изъ города выѣхалъ онъ,
Такой незапятнанный, свѣтлый, и чистый,
Какъ лилія, бросивъ свой иль.
Свой взоръ на отцовскій дворецъ приподнявши,
Свой замыселъ онъ возвѣстилъ,

И въ записяхъ міра тѣхъ словъ не хранится,
Но эти слова не прейдуть:
„Когда бъ не избѣгъ я рожденья и смерти
Навѣки,—я такъ бы не шелъ!“
И духи въ пространствѣ, и Дэвы въ высотахъ,
Воскликнули: „Такъ! Это такъ!“
И духи въ пространствѣ, и Дэвы въ высотахъ,
Свѣтло совершенства храня,
Сіянье свое излучали обильно,
И свѣтъ былъ на длинномъ пути.
Такъ всадникъ и конь, оба сильные сердцемъ,
Какъ звѣзды, пошли и ушли,
Но прежде чѣмъ свѣтъ возсіялъ на Востокѣ,
Ужь были они далеко.

6. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧАНДАКИ.

И ночь прешла въ одно мгновенье,
Вернулось зрѣнье ко всему,
Царевичъ посмотрѣлъ, и въ чащѣ
Обитель Риши увидалъ.
Ключи журчали и звенѣли
Необычайной чистоты,
И, увидавъ, что человѣка
Здѣсь не боится звѣрь лѣсной,
Возликовалъ царевичъ сердцемъ,
Усталый конь свершилъ свой бѣгъ,
И воздохнулъ, остановившись,
И онъ подумалъ: „Добрый знакъ.
Знать, воля свыше одобряетъ,
И указываетъ это мнѣ“.
Сосудъ для сбора подаяній
Онъ въ домѣ Риши увидалъ.
Увидѣлъ и другія вещи,
Въ порядкѣ полномъ были всѣ.
Сойдя съ коня, его ласкалъ онъ,
И вскрикнулъ: „Вотъ, привезъ меня!“
И взоромъ глазъ любовно-тихихъ,
Какъ нетревожимый затонъ,
Взглянувъ на Чандаку, онъ молвилъ:
„О, быстроногій! Ты—какъ конь,

Какъ легкокрылая ты птица,
Повсюду слѣдоваль за мной,
Пока я ѣхаль,—и сердечно
Благодарить тебя хочу.
Тебя какъ вѣрнаго лишь зналь я,
Теперь какъ сильный ты предсталъ,
А можетъ человекъ быть вѣрнымъ
И силы въ тѣлѣ не имѣть.
А ты теперь и честность сердца
И тѣло сильное явилъ,
И, быстроногій, ты за мною,
Не ждя награды, поспѣшаль.
Тебя держать не буду больше,
Хоть можно много словъ сказать,
Соотношенье завершилось,
Возьми коня и поѣзжай.
Что до меня, я въ долгой ночи
Неисчислимыхъ перемѣнъ
Искаль найти вотъ это мѣсто,
И наконецъ его нашель“.
Снявъ съ шеи цѣпь, златое чудо,
Ее онъ Чандакѣ вручилъ.
„Она твоя“, сказалъ, „возьми же,
И да утѣшить скорбь твою“.
Взявъ изъ тиары цѣнный камень,
Что какъ звѣзда на немъ сіяль,
Въ его протянутую руку
Онъ это солнце положилъ.
Сказалъ: „О, Чандака, возьмешь ты
Вотъ этотъ камень-самоцвѣтъ,
И отъ меня отцу свезешь ты,
Какъ знакъ сердечнѣйшей любви.
Предъ нимъ почтительно положишь,
И отъ меня моли царя,

Чтобы привязанности чувство
Въ своемъ онъ сердцѣ подавить.
Скажи ему, чтобы избѣгнуть
Треликой горестной бѣды,—
Рожденья, старости, и смерти,—
Въ лѣсъ истязаній я вступилъ.
Не для небеснаго рожденья,
Не оттого, что сердцемъ сухъ,
Не оттого, что въ сердцѣ горечь,
Но чтобъ страхнуть тотъ гнетъ скорбей.
Нагроможденья долгой ночи,
Желанья жаждущей любви,
Желаю эту свергнуть тяжесть,
И опрокинуть навсегда.
Къ конечному освобожденью
Я такъ отыскиваю путь,—
Освобожусь, и ужь не нужно
Миѣ будетъ больше порывать
Семейной связи, и не нужно
Миѣ будетъ покидать мой домъ.
О, больше не скорби о сынѣ!
Онъ въ этомъ выбралъ вѣрный путь.
Пять возжеланій скорбь рождаютъ,
Черезъ страсть они приводятъ скорбь.
Отъ предковъ, отъ царей побѣдныхъ,
Я получилъ блестящій тронъ,
Но, лишь блудя благоговѣйность,
Я отказался отъ него.
Ты говоришь, я слишкомъ молодъ,
И мудрости искать—не часъ;
Ты долженъ знать, что вѣрной вѣры
Искать—всегда удобный часъ.
Непостоянство и превратность
И смерть—всегда насъ стерегутъ;

И потому я обнимаю
Текущий настоящий день,
И знаю, часъ вполне подходит,
Чтобъ вѣру вѣрную искать.
Но пусть отецъ, томясь, не рвется
За мною въ помыслахъ своихъ,
И пусть не помнитъ призракъ сына,
И ту привязанность порветъ.
А ты, прошу я, не печалься
О томъ, что такъ я говорю,
Но сохрани заветный камень
И вѣсть мою царю снеси.“
Съ почтеньемъ, слову увѣщанья
Смущенный Чандака внималъ,
И, стирая руки, молвилъ,
И такъ царевичу сказалъ:
„Тѣ повелѣнья, что даешь мнѣ,
Боюсь, прибавятъ къ скорби скорбь,
Что въ сердце глубже погрузится,
Какъ слонъ, что бьется межъ трясинъ.
Когда порвутъ внезапно-грубо
Привязу нѣжную любви,
Какъ можетъ тотъ, въ комъ бьется сердце,
Не тосковать и не скорбѣть!
Руда золотая подъ чеканомъ
Быть можетъ сломана порой,—
Такъ какъ же съ сердцемъ, если сердце
Печали тяжело пригнетутъ!
Царевичъ былъ въ дворцѣ сохраненъ,
Онъ былъ какъ чадо между нянь,—
Какъ быть ему въ лѣсу дремучемъ
И истязанья выносить?
Когда коня сѣдлать велѣлъ мнѣ,
Я былъ мучительно смущенъ,

Но силы Неба мнѣ внушили,
Что долженъ я послушнымъ быть.
А ты, царевичъ, такъ рѣшаясь
Дворецъ оставить вѣрный свой,
Какимъ намѣреньемъ влекомъ ты,
И чимъ покорствуешь словамъ?
Скорбить народъ Капилавасту,
Объята скорбью вся страна,
Отецъ твой, помнящій про сына,
Вѣдь онъ не молодъ ужъ теперь,
Его оставить—дурно это.
Коль кто не чтить отца и мать
И домъ родимый покидаетъ,—
Одобрить это можно ль намъ?
Ты былъ безпомощнымъ ребенкомъ,
Готами грудь тебѣ дала,
И молокомъ тебя кормила,—
Къ ней обращаться ли спиной?
Среди семей достопочтенныхъ,
Гдѣ добродѣтельная мать,
Возможенъ ли такой поступокъ,
И одобрителенъ ли онъ?
Дитя Ясодхары, что будетъ
Отъ года къ году созрѣвать,
Оно такъ не уйдетъ изъ дома
И не покинетъ мать свою.
Но, если ты семью покинулъ
И отъ царя-отца ушелъ,
Не прогоняй меня отсюда,
Ты мой хозяинъ, я слуга.
Съ тобой монмъ я связанъ сердцемъ,
Какъ жарь—съ кипящею водой,—
Какъ безъ тебя могу вернуться,
Тебя оставивъ межъ пустынь?

Какъ во дворець придти къ царю мнѣ,
Какъ буду я отвѣтъ держать?
Какъ отвѣчать мнѣ на упреки
Всѣхъ обитателей дворца?
И какъ описывать тебя мнѣ?
Отшельникъ тѣломъ искаженъ.
Я полонъ страха, я робѣю,
Словъ подходящихъ не найду.
Кто въ цѣломъ царствѣ мнѣ повѣритъ?
Коли скажу, что жжетъ Луна,
Скорѣй повѣрятъ, чѣмъ, что можетъ
Царевичъ—жестко поступать.
Утонченъ сердцемъ онъ и нѣженъ,
Въ немъ къ людямъ—жалость и любовь,
А бросить тѣхъ, кто былъ любимымъ,
Не постоянный въ этомъ духъ.
Вернись домой, вернись, молю я,
Свое томленіе смири.“
И слушалъ Чандаку царевичъ,
И пожалѣлъ его печаль.
Но сердцемъ былъ онъ твердъ въ рѣшеніи,
И такъ ему онъ отвѣчалъ:
„Зачѣмъ такая боль разлуки,
Зачѣмъ она изъ-за меня?
Всѣ существа, путемъ различнымъ,
О постоянствѣ говоря,
Явить хотятъ свое вліянье,
Чтобъ не покинулъ я родныхъ.
Когда жъ умру и стану тѣнью,
Тогда—какъ смогутъ удержать?
Я былъ во чревѣ у родимой,
И родила она меня,—
И умерла,—вскормить родного
Судьбой ей не было дано.

Одна жива, мертва другая,
Гдѣ разность встрѣтится дорогъ?
Какъ въ чащѣ лѣса, на деревьяхъ,
Всѣ птички—по двѣ въ темнотѣ,
Придетъ заря—и разлетѣлись,
Такъ всѣ разлуки въ мѣрѣ здѣсь.
Встаютъ высоко въ небѣ тучки,
Какъ сонмы островерхихъ горъ,
Но вмигъ опять они разъяты,—
Такъ съ человѣкомъ человѣкъ.
Начально это заблужденье,
Любовь и общность межъ людей,
Все, какъ мечта—за сномъ, растаетъ,
Не называй же имена.
Коли весенніе листочки
Спадаютъ осенью съ вѣтвей,
Здѣсь часть отъ цѣлаго отходить,—
Такъ какъ же въ обществѣ людскомъ?
Межъ сочетанныхъ человѣковъ
Еще сильнѣй явленье то.
Оставь же горестъ и упреки,
Послушенъ будь, вернись домой.
Лишь твой возвратъ—мое спасенье,
Быть можетъ, такъ вернусь и я.
Узнавъ, что твердь своимъ я сердцемъ,
Не будутъ думать обо мнѣ.
Но ты слова мои повѣдай:
„—Коли пройду я океанъ,
Пучину смерти и рожденья,
Тогда опять приду назадъ.
Но я рѣшился непреклонно,
Коль не найду—чего ищу,
Мой прахъ развѣется по вѣтру,
Среди безлюдья и пустынь.—“

И бѣлый конь, его услыша,
Когда сказалъ онъ тѣ слова,
Паль на колѣни предъ высокимъ,
И ноги онъ ему лизалъ,
И плакалъ грустными очами,
И испускалъ глубокой вздохъ,—
Царевичъ нѣжною рукою
Его по темени ласкалъ.
И молвилъ бѣлому коню онъ:
„Товарищъ вѣрный, не скорби,
Хоть я грущу, скакунъ мой быстрый,
Такъ расставаясь съ тобой.
Твоя окончилась заслуга,
И доблесть ты явилъ сполна,
Надолго отдыхъ ты узнаешь
Отъ мукъ рожденія теперь.
И вотъ сейчасъ твоя награда,
Каменя цѣнные возьми
И этотъ мечъ, что искры мечеть,
И вслѣдъ за Чандакой ступай“.
Горящій какъ драконье око,
Царевичъ вынулъ острый мечъ,
И узелъ онъ волосъ имъ срѣзалъ,
Въ которомъ яркій яхонтъ рдѣлъ.
Онъ бросилъ волосы въ пространство,
Они взошли на небосводъ,
И плыли тамъ въ провалахъ свѣта,
Какъ крылья феникса плывутъ.
И тамъ, гдѣ тридесять три бога,
Схватили духи Свѣта ихъ,
И, завладѣвши волосами,
Они вернулись въ небеса.
Свершители благоговѣній,
Они свершаютъ ихъ вдвойнѣ,

Владѣя тѣмъ вѣнцомъ лучистымъ,
Покуда Правый живъ Законъ.
Царевичъ царственный подумалъ:
„Моя краса теперь ушла,
Освободиться только нужно
Отъ этихъ шелковыхъ одеждъ“.
Узнавъ, о чемъ царевичъ мыслить,
Туть Дѣва Чистой высоты
Взялъ лукъ, за поясъ вставилъ стрѣлы,
И вмигъ охотникомъ предсталъ.
На немъ покровъ былъ темноцвѣтный,
И такъ къ царевичу онъ шелъ,
Царевичъ видѣлъ цвѣтъ покрова,
Смотрѣлъ на этотъ цвѣтъ земли,
И думалъ—онъ подходитъ къ Риши,
Нейдетъ къ охотнику совсѣмъ.
Его къ себѣ онъ подзываетъ,
И мягко говорить ему:
„Какъ будто бы онъ не былъ темнымъ,
Мнѣ приглянулся твой покровъ,
Дай мнѣ, прошу, твою одежду,
А я въ обмѣнъ отдамъ свою“.
„— Хоть мнѣ нужна моя одежда,
Чтобъ дичь не видѣла меня“,—
Тоть молвилъ,— „но тебѣ въ угоду,
Отдамъ ее въ промѣнъ твоей“.
Охотникъ, взявъ нарядъ роскошный,
Вновь принялъ свой небесный ликъ,—
Царевичъ съ Чандакой, то видя,
Мысль рѣдкостную ощутилъ:
„Покровъ тотъ—не покровъ обычный,
Не человѣкъ мірской былъ въ немъ“.
И былъ возрадованъ царевичъ,
Смотря на этотъ темный цвѣтъ.

Потомъ, какъ туча, что нависла
И окружила ликъ Луны,
На мигъ застывшимъ глянувъ взглядомъ,
Онъ въ гротъ отшельника вступилъ.
Не отрываясь зоркимъ взоромъ,
Печально Чандака глядѣлъ,
И вотъ ушелъ, исчезло тѣло,
Его ужъ больше не видать.
„Мой господинъ и мой хозяинъ
Теперь покинулъ отчій домъ“, —
Вскричалъ онъ горестно, — „покинулъ
Любимыхъ, кровныхъ, и меня.
Онъ въ цвѣтъ земли теперь одѣлся,
Вошелъ въ мучительный онъ лѣсъ“.
Воздѣвши руки, такъ скорбѣлъ онъ,
И въ скорби двигаться не могъ.
И наконецъ, руками взявшись
За шею бѣлаго коня,
Пошелъ впередъ онъ, спотыкаясь,
И, медля, все смотрѣлъ назадъ.
И тѣло шло своей дорогой,
А сердце шло своимъ путемъ,
И въ мысляхъ такъ онъ забывался,
И потуплялъ свой взоръ къ землѣ,
И упадающія вѣки
Онъ снова къ небу поднималъ,
Вставалъ, упавъ, и снова падалъ,
И плакалъ, и домой такъ шелъ.

7. Л Ъ С Ъ.

Когда царевичъ, съ Чандакой разставшись,
Въ жилище Риши мудраго вступилъ,
Весь лѣсъ онъ озарилъ, сіяя тѣломъ,
Онъ въ Мѣстѣ Пытокъ ярко возсіялъ.
Онъ одаренъ былъ всякимъ совершенствомъ,
И совершенства отразили свѣтъ.
Какъ царь звѣрей, могучій левъ, когда онъ
Въ толпу звѣрей властительно войдетъ,
Изъ ихъ умовъ обычность мыслей гонитъ,
И каждый видитъ подлинно себя,—
Такъ эти Риши тотчасъ все собрались,
И, увидавъ, что чудо между нихъ,
Испытывали радость вмѣстѣ съ страхомъ,
И, руки сжавъ, глядѣли на него,
Кто что держалъ въ рукѣ,—не выпуская,
И вмигъ застывъ, смотрѣлъ передъ собой.
Павлины и другія птицы, съ крикомъ,
Явили чувство хлопаньемъ крыла.
Отшельники оленьяго устава,
Что всюду за оленями идутъ
Среди прогалинъ горныхъ, наблюдая
Согласно съ ними образъ жизни свой,
Увидѣвши царевича, смотрѣли
Блестящими глазами на него.

Одинъ другому говорилъ, дивясь:
„Одинъ онъ изъ восьми Великихъ Дэвъ“,
Другіе говорили: „Звѣздный Геній“,
И третьи говорили: „Мара онъ,
Великій искуситель“, и другіе
Сказали: „Сурья-Дэва, Солнце-Духъ“.
Царевичъ обратилъ,—привѣтъ пріавши,—
Къ Отшельникамъ почтительный отвѣтъ,
И спросилъ онъ старшаго межъ ними,
Какоеъ есть вѣрной вѣры правый путь.
И отвѣчалъ ему рожденный дважды,
Всѣ трудности устава изъяснилъ.
Одни ѣдятъ—не то, что есть въ селеньяхъ,
А только то, что въ чистой есть водѣ;
Другіе—только вѣтки молодья,
Плоды, цвѣты, и корни, что въ землѣ;
Одни живутъ какъ птицы, и какъ птицы
Что словятъ, то и служить пищей имъ;
Другіе щиплютъ травы, какъ олени;
Иные только воздухомъ живутъ,
Какъ змѣи; а иные просятъ пищу,
И отдаютъ, остатки лишь ѣдя;
Иные лишь ѣдятъ двумя зубами,
Пока не будетъ ранъ у нихъ во рту;
На голову иные принимаютъ
По каплѣ воду; служатъ и огнемъ;
Въ водѣ живутъ иные, словно рыбы;
Отшельники въ лѣсу есть видовъ всѣхъ,
Они идутъ дорогой истязаній,
Чтобы въ концѣ родиться въ Небесахъ.
Царь человѣковъ, мастеръ превосходный,
О всѣхъ услышавъ способахъ тяготъ,
И въ нихъ совсѣмъ зерна не видя правды,
Отрады въ сердцѣ онъ не ощутилъ.

Задумавшись, глядѣль онъ съ состраданьемъ,
Въ согласи съ сердцемъ ротъ его сказалъ:
„Поистинѣ, подобныя страданья
Прискорбно видѣть,—и притомъ ихъ цѣль
Людская или небесная награда.
Въ возвратности рожденій и смертей,
Какъ много вы выносите мученій,
Какъ скудно награжденіе у васъ!
Съ друзьями разставанье, отреченье
Отъ положеній тѣхъ, гдѣ былъ почетъ.
Вашъ внѣшній ликъ, разрушенный чрезъ васъ же,
Чрезъ пытку многократную вашъ путь,—
И это все лишь съ тѣмъ, чтобъ вновь—рожденье,
Продленье пятикратнаго „Хочу“,
Черезъ страданье—ищете страданья,
Рожденье—смерть, и вновь съ рожденьемъ—смерть.
Бояся боли, длите пребыванье
Въ пучинѣ боли, въ морѣ вѣчныхъ мукъ,
Бѣжите одного разряда жизни,
Чтобы другой немедленно создать.
Кто дѣломъ возстае на здравый разумъ,
Тотъ въ сердцѣ какъ бы корчами стѣсненъ,
Тѣлесное есть лишь причина смерти,
Исходитъ сила только изъ ума.
Коль умъ изъ поведенья удалимъ мы,
Тѣлесное дѣянье есть лишь гниль,
Такъ должно упорядочить намъ разумъ,
И тѣло будетъ правильно идти.
Ѣсть чистое, то въ набожномъ заслуга,
Вы говорите;—если это такъ,
И звѣри, что питаются травою,
Знать, въ набожномъ заслугу совершать.
Страдать, вы говорите, есть заслуга
Дальнѣйшая, когда ты сердцемъ добръ;—

Такъ почему же тѣ, кто не страдаетъ,
Не могутъ сердца добраго имѣть?
И если изступленные всѣ эти,
Живя въ водѣ, лишь чисты потому,—
И тотъ, кто духомъ золь, вступая въ воду
Онъ тоже, значить, будетъ чистъ и святъ?
Коль праведность—основа чистой жизни,
Такое обиталище есть зло:—
Что праведно, должно быть очевидно,
Его не прятать нужно, а являть“.
Такъ о вопросахъ вѣры разсуждая,
Заката Солнца дождались они.
Огнепоклонства видѣль онъ обряды,
Какъ чистый пламень въ деревѣ сверлятъ,
И какъ его обрядно раздувають
И возліянья дѣлаютъ изъ маслъ,
И слышалъ, какъ поютъ притомъ молитвы,
А Солнце между тѣмъ совсѣмъ зашло.
Смыслъ надлежащій въ этомъ не увидѣвъ,
Царевичъ восхотѣль отъ нихъ уйти.
Отшельники же всѣ вокругъ собрались,
И умоляли, чтобъ остался онъ.
„Пришелъ сюда изъ мѣстъ ты нечестивыхъ,
Въ нашъ лѣсъ, гдѣ вѣра правая цвѣтетъ,
И вотъ уже уйти отъ насъ желаешь,
Итакъ, тебя мы просимъ, подожди“.
Всѣ старые отшельники, что были
Въ одеждѣ изъ коры, и чьи власы
Лохматы и запутанны торчали,
Просили Бодгисаттву: „Подожди“.
Увидя этихъ возрастомъ преклонныхъ,
Подъ деревомъ Бодгисаттва подождаль,
И юные и старые сошлись,
И, окруживъ его, просили такъ:

„Придя сюда нежданно, въ эти роши,
Исполненныя всяческихъ прикрасть,
Зачѣмъ теперь уходишь ты отсюда,
Чтобъ совершенство межъ пустынь искать?
Какъ человѣкъ, что любить долготѣе,
Не хочетъ тѣло отпустить свое,
Такъ мы теперь тебя остаться просимъ,
И не хотимъ отсюда отпустить.
И Риши, и Брамины, постоянно,
Здѣсь пребывали, набожность блюдя,
Небесныя и царственныя Риши
Здѣсь въ этихъ самыхъ медлили лѣсахъ.
Мѣста, что возлѣ снѣжныхъ горъ ютятся,
Гдѣ каются—кто кровію высокъ,
Сравниться съ этимъ тѣ мѣста не могутъ,
Отсюда всѣ взошли на Небеса.
Коль насъ ты усмотрѣлъ какъ нерадивыхъ,
Въ насъ видишь не довольно чистоты,
Такъ мы должны тогда уйти отсюда,
А ты останься и почти сей лѣсъ“.
И молвилъ Бодгисаттва, и отвѣтилъ:
„Ищу пути я праваго спастись,
Хочу разрушить всѣ вліянья міра,
У васъ же всѣхъ—пресильныя сердца.
Къ вамъ всѣмъ исполненъ я благожеланья,
Пріятная бесѣда всѣмъ мила,
Васъ слыша, я окрѣпъ въ благоговѣнны,
И вы ко мнѣ съ почтеньемъ отнеслись.
Но вынужденъ я нынѣ удалиться,
И сердце оттого весьма скорбитъ,
Оставилъ я своихъ родныхъ и кровныхъ,
А нынѣ съ вами разлучаться мнѣ.
Боль разставанья съ тѣми, кто содругъ твой,
Терзаніе разлуки—велико,

Не может не скорбѣть мой духъ при этомъ,
Какъ недостатки долженъ видѣть онъ.
Но вы, терпя страданія, хотите
Отраду знать рожденья въ Небесахъ,—
А я хочу отъ Трехъ Мировъ спастися,
Что умъ отвергъ, отбросить долженъ я.
Законъ, что вы свершаете здѣсь жизнью,
Наслѣдство прежнихъ есть учителей,—
Я жъ накопленья всѣ хочу разрушить,
Закона не такого я ищу.
Подобнаго Законъ мой не допустить.
И потому я медлить не могу,
И въ роцѣ мнѣ не должно оставаться,
Чтобъ бесполезный продолжать здѣсь споръ“.
Отшельники, услыша Бодгисаттву,
Всей правдой полновѣсныя слова,
Въ основахъ превосходство раздѣлений,
Почтеніемъ исполнились въ сердцахъ.
Въ то время былъ тамъ нѣкій Брамачаринъ,
Который постоянно спалъ въ пыли,
Съ запутанными былъ онъ волосами,
Одѣтъ онъ былъ въ древесную кору,
Глаза его отъ гноя пожелтѣли,
Онъ полность истязаній проходилъ,
Тѣмъ, что зовется тамъ „высокость носа“,—
Поднявши носъ, на Солнце онъ глядѣлъ.
Онъ къ Бодгисаттвѣ съ словомъ обратился:
„Ты, сильный волей, мудростью маякъ,
Рѣшившій выйти изъ границъ рожденья,
И знающій, что въ этомъ лишь—покой,
Не жаждущій небесныхъ благодатей,
Хотящій плотскій ликъ разбить въ вѣкахъ,
По-истинѣ, чудесенъ ты по виду,
Какъ ты одинъ такой имѣешь умъ.
Осуществляя жертвы предъ Богами

И умерщвления плоти проходя,
Готовимъ мы небесное рожденье,
Безъ смерти себялюбнаго „Хочу“.
Въ томъ замыселъ еще себялюбивый,
Предѣльнаго жъ спасенія искать,
То—истинный учитель замышляетъ,
То—мастеръ просвѣтленный восхотѣль.
Тебѣ—не подходящее здѣсь мѣсто,
Твой путь—на гору Пандаву идти,
Туда, гдѣ живъ мудрецъ великій, Муни,
Арада Рама—имя есть его.
Лишь онъ увидѣлъ цѣль благоговѣній,
Закона око, правую мету.
Ступай же въ мѣсто, гдѣ онъ пребываетъ,
И слушай, какъ толкуетъ онъ Законъ.
Научись свершать его велѣнья,
И въ сердцѣ возликуешь ты весьма.
Что до меня, твое рѣшенье видя,
И за покой свой собственный страшась,
Еще однажды долженъ отпустить я
Учениковъ, что слѣдуютъ за мной,
Искать другихъ, и голову прямѣе
Еще держать, глядѣть во всѣ глаза,
Смочить свой ротъ, свои очистить зубы,
Покрывши плечи, ликъ мой озарить,
И сдѣлать мой языкъ подвижно-гладкимъ.
Амриты такъ испивъ, росы живой,
Что ты даешь въ криницѣ лучезарной,
Пучинъ неизслѣдимыхъ я бѣгу.
Ничто съ тѣмъ во вселенной не сравнимо,
Не знали Старцы, Риши,—узрю я“.
Услышавъ это слово, Бодгисаттва
Сообщества Отшельниковъ ушелъ,
Они же, вкругъ него ступая вправо,
Вернулись всѣ на прежнія мѣста.

8. СКОРБЬ ВО ДВОРЦѢ.

И Чандака скорбящій
Дорогой вель коня,
И шель, и горько плакаль,
Души не облегчить.
Съ царевичемъ былъ ночью,
Отосланъ онъ теперь,
Приказано вернуться,
Держать домой свой путь.
Когда вокругъ сомкнулась
Ночная темнота,
Онъ въ духѣ колебался,
Рѣшиться онъ не могъ.
На день восьмой онъ прибыль
До города, и конь,
Скакунь тотъ благородный,
Отлично поспѣшалъ.
Но, быстроту являя,
Вокругъ себя смотрѣль,
Сомнительно искаль онъ:
Царевичъ, гдѣ же онъ?
И ноги утомились,
Сгибаясь отъ труда,
И голова и грива
Утратили свой блескъ.

Со скорбью въ звукъ ржанья,
Ни ночью онъ, ни днемъ
Не захотѣлъ напитокя,
Или травы поѣсть.
И вотъ Капилавасту,
Печальная страна,
Весь край—опустошенный,
Какъ брошенный лежалъ.
Какъ будто бы селенье,
Гдѣ жителей ужъ нѣтъ,
Иль мѣръ, когда сокрылся
Ликъ Солнца за горой.
Не били водометы
Прозрачною струей,
Всѣ цвѣтики-цвѣточки
Повяли на стебляхъ.
Померкли на деревьяхъ
Златистые плоды,
Изсохли и опали,
И вотъ ихъ больше нѣтъ.
Потеряны въ печали,
На улицахъ вездѣ
Мужчины тосковали,
И женщины при нихъ.
Такъ Чандака, неспѣшно,
И съ нимъ тотъ бѣлый конь,
Шли молча, какъ проходятъ
Во время похоронъ.
Царевича не видя,
Лишь Чандаку съ конемъ,
Скорбѣлъ народъ и плакалъ,
И голосъ былъ въ толпѣ:
„Царевичъ, сладость міра,
Народа вѣрный другъ,—

Куда его ты спряталъ,
Гдѣ нынѣ онъ живетъ?“
И Чандака, печалясь,
Народу отвѣчалъ:
„Вослѣдъ я за любимымъ
Пошелъ, его любя.
Не я его оставилъ,
Онъ отослалъ меня.
Обычныя одежды
Всѣ сбросилъ онъ съ себя,
И съ бритой головою,
Монашескій покровъ
Надѣлъ онъ, и вошелъ онъ
Въ дающій муку лѣсъ“.
Услышавъ, что царевичъ
Отшельникъ сталъ теперь,
Кругомъ всѣ дивовались,
Извѣдавъ странность думъ.
И тяжело вздыхали,
И плакали они,
И такъ одинъ другого,
Дивясь, вопрошалъ:
„Что цѣлесообразно
Намъ нынѣ предпринять?“
И сразу всѣ вскричали:
„Мы поспѣшимъ за нимъ.
Тѣлесная основа
Ослабнетъ у кого,—
Весь остовъ умираетъ,
И отлетаетъ духъ.
Такъ наша жизнь—царевичъ,
И наша жизнь ушла,—
Какъ это пережить намъ,
И какъ намъ дальше жить?“

Сей городъ, что прекрасенъ
Среди своихъ холмовъ,
Сии лѣса и рощи
На городскихъ холмахъ,—
Все прелести лишилось,
И опустѣло все,
Какъ будто это мертвый,
И точно это трупъ“.
И тщетно ожидая,
Что онъ вернется къ нимъ,
Спѣшили на распутья,
И ждали у дорогъ.
Не знали, что, царевичъ,
Потерянъ или живъ,
И всячески скорбѣли,
И стонъ стоялъ кругомъ.
„Смотрите!“ говорили,
„Какъ Чандака идетъ,
Какъ медленно идетъ съ нимъ
И бѣлогривый конь.
Царевичъ вѣрно умеръ,
Царевича ужь нѣтъ“.
Къ печали прибавлялась
Въ сердцахъ еще печаль.
И Чандака, какъ плѣнный,
Влекомый предъ царя,
Вошелъ въ дворецъ—съ глазами
Ослѣпшими отъ слезъ.
Тогда, взглянувъ на Небо,
Онъ громко возстоналъ,
Заржалъ и бѣлогривый,
Услышать—скорбь одна.
Всѣ кони на конюшняхъ,
Всѣ птицы, звѣри всѣ,

Услышавъ это ржанье,
Отвѣтили ему.
Всѣ думали: „Царевичъ
Вернулся во дворецъ“.
Царевича не видя,
Сдержали возгласъ свой.
И женщины, что ждали
Тамъ сзади во дворцѣ,
Услыша эти ржанья,
И крикъ звѣрей и птицъ,—
Болѣзненные тѣни,
Приподняли тѣла,
Безъ всякихъ чарованій,
Какъ звѣздочки во мглѣ.
Ихъ волосы—всѣ сбиты,
Ихъ лица—желтый цвѣтъ,
Изсохли рты и губы,
Нечисты ихъ тѣла,
Нечисты и немывы,
Нѣтъ силы для прикрасъ,
Разорваны одежды,
Веселья въ лицахъ нѣтъ,—
Разбойникъ такъ бываетъ,
Запачканъ, загрязнень.
Вонъ Чандака, онъ плачетъ,
Вонъ конь, и онъ въ слезахъ,
А жданный, а желанный,
Сокрылся, не пришелъ.
И поднялось рыданье,
Вознесся дружный вопль,—
Такъ плачутъ объ умершемъ.
Металися онѣ,
Какъ стадо, потерявшихъ,
Въ грозу свой путь, быковъ.

Праджапати Готами,
Услыша о бѣдѣ,
Безъ чувствъ упала на-земь,
Какъ сломанная вся.
Такъ вихремъ сумасшедшимъ
Крушится вдругъ платанъ,
И падаетъ на землю
Всей золотой листвою.
И снова, услыхавши,—
Отшельникъ сынъ ея,—
Вздыхала безутѣшно,
И думала она:
„Увы, что эти кудри,
Гдѣ каждый волосъ—лучъ,
И вольный, и блестящій,
Иль связанный въ вѣнецъ,—
Увы, что эти кудри
Обрѣзаны теперь,
Нисброшена корона,
Повержена въ траву!
Покатя тѣ плечи,
Походка—поступь льва!
Сверкающія очи,
Какъ у царя быковъ!
Сіящее тѣло,
Какъ золотой отливъ!
И этотъ голосъ Брамь,
И эта сила-грудь!
Достоинства такія
Имѣя, ты ушель,
И въ лѣсъ вступилъ, который
Даетъ печаль и скорбь.
Для міра что жь осталось,
Когда потерянь имъ

Такой, средь всѣхъ единый,
Святой и добрый царь?
Подумать, эти ноги,
Что нѣжной бѣлизной
И гибкостью подобны
Лилейному цвѣтку,
Ступать по камню будутъ,
По терніямъ, шипамъ!
О, какъ это возможно
Имъ будетъ такъ ступать?
Воспитанъ и воскормленъ
Въ сохранности дворца,
Омыть водой душистой,
Въ тончайшее одѣть,
Избрѣнность ароматовъ
Пріявши тѣломъ всѣмъ,—
А нынѣ въ служѣ вѣтра,
Въ сырой ночной росѣ!
Онъ гдѣ же зябкимъ утромъ
Найдетъ себѣ покой?
Гдѣ отдыхъ онъ отыщетъ
Въ полдневный жаркій зной?
О, цвѣтъ среди родимыхъ,
Прибѣжище для всѣхъ,
Отыскиваемъ всюду,
И всѣми вознесенъ,—
Зачѣмъ неосторожно
Ты сдѣлалъ такъ, что вотъ,
Забрезжить день—и долженъ
Ты попросить поѣсть?
На ложѣ на царевомъ
Привыкшій почивать,
Въ часы, когда не спалъ ты,
Лишь знавшій блескъ усладъ,—

Какъ вынесешь пустыню,
И горы и лѣса,
Какъ будешь возлежать ты
На той травѣ сырой!“
Такъ думая о сынѣ,
Сидѣла на землѣ.
И женщины изъ свиты
Приподняли ее,
И слезы осушали
На горестномъ лицѣ.
Другія же, тоскуя,
Печали предались,
Недвижныя отъ скорби,
Со скованнымъ умомъ,
Какъ будто на картинѣ
Сидѣли такъ онѣ.

Ясодхара грустила,
Такъ Чандаку браня:—
„Онъ гдѣ жъ теперь, онъ гдѣ же,
Кто здѣсь въ умѣ всегда?
Ушли вы вмѣстѣ, двое,
При васъ былъ третій, конь,—
Одинъ съ конемъ вернулся
Лишь ты, а гдѣ же онъ?
Все сердце износилось
Отъ боли и тоски,
Тревога въ немъ и мысли,
Нѣтъ отдыха ему.
Обманчивый товарищ!
Невѣрный человѣкъ!
Лихой кователь злого!
Усмѣшка подъ слезой!
Измѣнникъ ты, измѣнникъ,

Какъ уходилъ, былъ съ нимъ,
И безъ него вернулся,
То былъ коварный планъ.
Ты только другъ по виду,
Въ душѣ ты злѣйшій врагъ!
Являешь свѣтъ и нѣжность,
Затаивая тьму!
И нынѣ домъ весь царскій
Такъ сразу сокрушенъ,
И царственныя эти
Здѣсь женщины скорбятъ!
И ихъ печаль безмѣрна,
Тускнѣеть красота,
Загрязнены ихъ лица,
Ихъ щеки—путь скорбей!
Когда бъ царица Майя
Была теперь жива,
На немъ одномъ покоясь,
Какъ горы на землѣ,—
Узнавши, что случилось,
Она бы умерла.
Какой удѣлъ печальный,
И какъ его снести!“
Съ конемъ заговоривши,
Промолвила она:
„И ты, несправедливецъ!
Какъ можетъ это быть,
Чтобъ, взявъ его, увезъ ты,—
Какъ воръ во тьмѣ ночной,
Жемчужину похитивъ,
Бѣжить проворно съ ней!
Когда скакалъ ты въ битвахъ,
Ни стрѣлы, ни мечи
Тебя не устрашали,

Ни быстрый свистъ копья!
Теперь же, какъ преступень
И вѣтренень твой нравъ,
Мою похитилъ душу,
Цѣннѣйшій самоцвѣтъ!
О, ты не конь, ты только
Ползучая змѣя,
И я тебѣ не вѣрю,
Когда ты такъ скорбишь!
Теперь ты ржешь печально,
И всюду этотъ вопль;—
Какъ милаго укралъ ты,
Зачѣмъ же ты не ржалъ?
Когда бъ тогда заржалъ ты,
И всѣ бы во дворцѣ
Проснулись,—этой скорби
Не знали бъ мы теперь“.
И Чандака, услышавъ
Тѣ горькія слова,
Вобралъ въ себя дыханье,
Собой онъ овладѣлъ,
Съ лица отеръ онъ слезы,
И, руки сжавъ, сказалъ:
„Молю тебя, послушай,
Дай оправдаться мнѣ,
Да не войдемъ въ опалу
Ни я, ни бѣлый конь.
Не порицай, прошу, насъ,
Не гнѣвайся на насъ,
Вины мы не свершали,
Велѣли Боги такъ.
Почтительно хранилъ я
Велѣніе царя,
Но Боги устремили

Его на путь пустынь,
И ревностно погнали
Они впередъ коня.
Съ дыханіемъ притихшимъ,
Онъ мчался на крылахъ,
Едва земли касаясь,
Беззвучно онъ летѣлъ!
Ворота городскія
Открылись передъ нимъ!
Пространство было въ свѣтахъ,
Озарено собой!
То Боги совершили.
И что бы значиль я?
И что моя есть сила
Въ сравненьи съ силой ихъ?"
Ясодхара, услыша
Правдивыя слова,
Почувствовала въ сердцѣ
Особенную мысль.
Что Боги совершаютъ,
Свершеніе есть ихъ,
Того вмѣнить другому
Никакъ нельзя въ вину.
И гнѣвные упреки
Въ себѣ сдержавъ, она
Дозволила печали
Великой—тлѣть и тлѣть.
Такъ на землѣ простершись,
Невнятно про себя
Слова печальныхъ жалобъ
Твердила между слезъ:
„Двѣ птички были рядомъ,
Два голубя вдвоемъ,—
Зачѣмъ же раздѣлять ихъ,

И какъ имъ розно быть!
Ушла моя опора,
Моей поддержки нѣтъ!
Молясь, два были вмѣстѣ,
Разлука между нихъ!
Что слитно, раздѣлилось,
И какъ мнѣ жить теперь?
И гдѣ того искать мнѣ,
Что было столь мое?
Въ дни оны властелины
Любили съ свитой быть,
И съ женами искали
Премудрости они.
Въ ихъ обществѣ бродили
По доламъ и лѣсамъ,
А нынѣ онъ оставилъ,
Покинулъ онъ меня!
Тотъ, кто приноситъ жертву,
Уставъ Браминскій чтя,
Онъ хочеть, чтобы съ мужемъ
Жена была одно,—
Вдвоемъ да совершаютъ
Служеніе они,
И оба да получаютъ
Награду въ должный часъ.
А ты скупой, царевичъ,
Въ служеніи своемъ!
Блуждать одинъ пошелъ ты,
Меня прогналъ ты прочь!
Меня когда ревнивой
Ты что ли увидаль,
Что такъ оборотился
Ты сердцемъ на меня?
Тѣхъ ищешь, кто тебя ужь

Не будетъ ревновать?
Иль мной ты утомился,
Небесной жаждешь ты?
Но кто прекрасенъ въ личномъ
Изяществѣ своемъ,
Зачѣмъ же умерщвленья
Отыскивать ему?
Удѣлъ со мною общій
Быть можетъ презрѣлъ ты,
И на меня такъ сердце
Затѣмъ ты ополчилъ!
Возьми же на колѣни
Ты Рагулу къ себѣ!
Увы, красивъ ты ликомъ,
Но сердцемъ ты алмазъ!
Въ тебѣ весь блескъ и гордость,
Весь твой преславный родъ,—
И тѣхъ ты ненавидишь,
Кто сердцемъ чтить тебя!
О, какъ же это можно—
Такъ спину повернуть
Къ малюткѣ, что едва лишь
Улыбку изучилъ!
Въ груди нѣтъ больше сердца!
Мой господинъ бѣжалъ!
Ужель меня забудеть?
Ужель изъ камня онъ?“
Такъ молвила и смолкла,
Умъ помутился въ ней.
И дико повторяла
Безумныя слова.
И мнилось ей, что видитъ
Видѣнія она.
Въ рыданіяхъ лишилась

Всей власти надъ собой,
Дыханье ослабѣло,
И на-земь пала, въ прахъ.
Такъ лилія, раскрывшись,
Лежить, извѣдавъ градъ.

Царевича утративъ,
И царь-отецъ скорбѣлъ,
Постился, утѣшенья
Искалъ онъ у боговъ.
Изъ вратъ священныхъ вышелъ,
Молитву совершивъ,
И вдругъ услышалъ крики,
Рыданія, и стонъ.
И духъ его смутился,
Какъ, если громъ гремитъ,
Подъ вспышкой молній, стадо
Слоновъ бѣжитъ, стая.
Онъ Чандаку увидѣлъ
И царскаго коня,
Узналъ, что сынъ—отшельникъ,
И на-земь палъ безъ чувствъ.
Сановники, немедля,
Блюда и чтя уставъ,
Къ спокойствію взывая,
Приподняли его.
Какъ только онъ немного
Собою овладѣлъ,
Къ коню онъ обратился,
И такъ ему сказалъ:
„Какъ часто на тебѣ я
Легко скакалъ въ бою,
Тебя любилъ я въ битвѣ
И восхвалялъ всегда!

Но нынѣ ненавижу,
Гнушаюсь я тобой,
И чувство то сильнѣе,
Чѣмъ вся моя любовь!
Мой сынъ былъ превосходень,
А ты его унесъ
И между горъ оставилъ,
Вернулся ты одинъ!
Возьми жь меня отсюда,
Назадъ не приноси,
Со мной не возвращайся
Зачѣмъ мнѣ больше жить!
Зачѣмъ мнѣ править царствомъ,—
Единый мой восторгъ
Былъ сынъ мой, сынъ родимый,
Мнѣ безъ него не жить!
Скорбѣлъ о сынѣ Ману,
Владыка жизнью всѣхъ,—
Насколько жь скорбь сильнѣе
У смертнаго меня!
Царь Аджа, въ оно время,
Такъ сына миловалъ,
Что потерялся въ мысляхъ,
И вдругъ былъ въ Небесахъ.
Я умереть безсиленъ!
На долгую я ночь
Такъ закрѣпленъ въ печали,
Кругомъ—большой дворецъ,
Я думаю о сынѣ
Я жажду, я одинъ,
Я какъ одинъ изъ духовъ,
Что пить и ѣсть хотятъ.
Я пить хочу, и влага
Вотъ здѣсь, въ моей рукѣ,

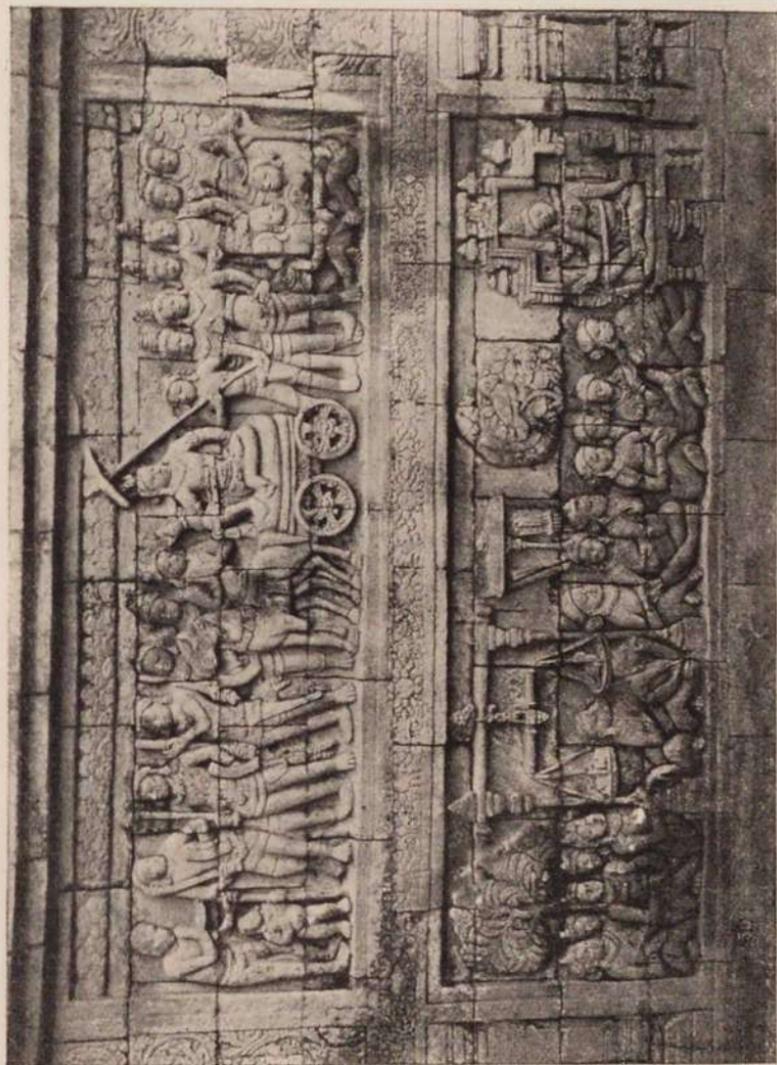
Но только наклонюсь я,
Ни капли нѣтъ воды.
И все жь не умираю,
И все же я живу!
Скорѣе же отвѣтъ мнѣ,
Скажи мнѣ, гдѣ мой сынъ?
Да не умру отъ жажды,
И да не буду я
Средь духовъ тѣхъ, чья пытка
Быть въ жаждѣ навсегда.
Въ дни прежніе, бывало,
Я силенъ волей былъ,
Былъ твердъ, нельзя подвинуть,
Какъ землю не качнуть.
А сына такъ лишившись,
Всего лишился я,
Нѣтъ больше въ сердцѣ воли,
Разсудокъ раздробленъ“.
И царственный учитель,
Значительный мудрецъ,
И главный съ нимъ совѣтникъ,
Прославленный умомъ,
Царя увѣщевали,
И каждый говорилъ:
„Прошу тебя, опомнись,
И къ мысли пробудись,
Да судорогой умъ твой
Не будетъ искривленъ,
Да скорь тебя не держитъ
Сведеннымъ въ пытку злой!
Родимый край оставивъ,
Могучіе цари
Въ дни оны разсѣвались,
Какъ бы опавшій цвѣтъ.

Путь мудрости проходить
Твой сынъ теперь,—итакъ,
Зачѣмъ же предаваться
Печали и скорбямъ?
Пророчество Аситы
Припомни въ этотъ часъ,
И то, что вѣроятно,
Надежнымъ ты сочти.
Твое наслѣдство—радость,
Помысли, царь земли!
А ежели ты будешь
Такъ напрягать свой духъ,—
То какъ же не промолвятъ,
Твой сумракъ увидавъ:
„Мѣнять владыка можетъ
Сердечный жемчугъ свой!“
Пошли же насъ немедля,
Намъ повелѣвъ искать
То мѣсто, гдѣ царевичъ,
Чтобъ мы нашли его.
Чтобъ замысломъ искуснымъ,
И увѣщаньемъ мы
Его поколебали,
И стихла бъ скорбь твоя“.
И радуясь на слово,
Имъ тотчасъ царь сказалъ:
„О, если вы поспѣшно
Уже теперь бы шли
Такъ быстро, какъ голубка
Несется изъ гнѣзда,
Со всѣмъ проворствомъ птичьимъ,
Чтобъ накормить птенцовъ!
Съ единственною мыслью
О сынѣ, лишь о немъ,

Я буду ждѣть, и думать,
Найдете ли его!
Тѣ двое, лишь услышавъ
Слова его, пошли,
Принявши повелѣнья,
Лелѣино ихъ неся.
А царь, съ своей роднею,
Не торопясь пошелъ,
Чтобъ отдохнуть немного,
И, грустный, все жъ дышалъ.

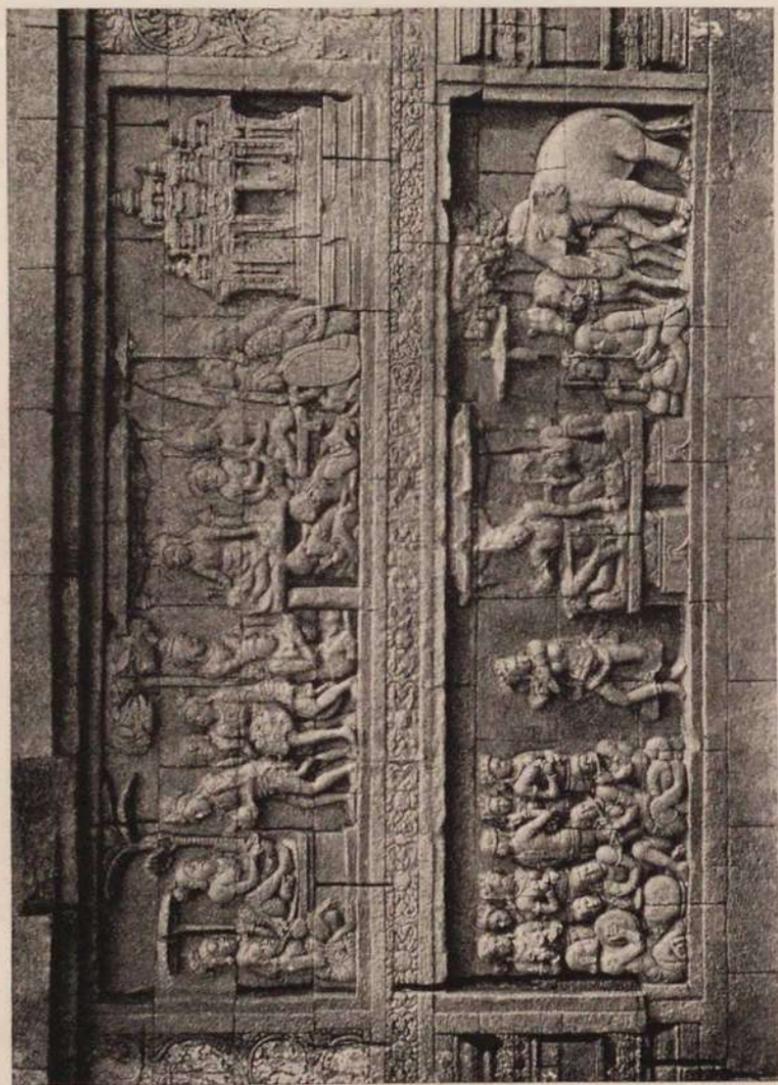
9. ПОИСКИ.

Учитель и совѣтникъ торопились,
Царь торопиль ихъ, скорбь свою сдержавъ:—
Такъ горячатъ коня, и конь ретивый,
Почуя хлысть, стремится какъ потокъ.
Устали, но съ усильемъ неослабнымъ
Пришли они въ дающій пытки лѣсъ.
Свой ликъ тогда согласовавши съ должнымъ,
Сложивъ пять отличительныхъ примѣтъ,
Достоинства всѣ видимые знаки,
Они вошли въ Браминскій тотъ уютъ,
И почитанье выказали Риши.
Тѣ, въ свой чередъ, просили ихъ присѣсть.
Они спросили: „Гдѣ царевичъ свѣтлый,
Что сдѣлался отшельникомъ, ища
Отъ старости и смерти и болѣзни
Освобожденья? Мы за нимъ пришли.
Брамини, отвѣчая, такъ сказали:
„Тотъ юноша—всѣ признаки есть въ немъ
Великаго? Свободно говорилъ онъ
О жизни и о смерти, и ушелъ
Къ Арадъ, полный путь освобожденья
Желая отыскать“. И двое тѣ,
Не смѣя колебаться въ предпріятъи,
Немедленно отправилися въ путь.

7. ВЫЪЗДЪ ЦАРЕВИЧА.

БОРО-БУДУРЪ.

8. ПЛЯСКА.
БОРО-БУДУРЪ.

Прибывши въ лѣсъ, гдѣ жилъ царевичъ свѣтлый,
Увидѣли его, онъ имъ предсталъ
Какъ внѣшняго достоинства лишенный,
Но тѣло изливало яркій свѣтъ:—
Такъ Солнце, исходя изъ черной тучи,
Цвѣтъ ворона сіяньемъ золотить.
Учитель края и страны совѣтникъ,
Придворныя съ себя одежды снявъ,
Къ отшельнику неспѣшно приближались,
Среди лѣсовъ, почтенье принесли,
Привѣтствуя его, и онъ отвѣтилъ,
Привѣтствуя, какъ должно, этихъ двухъ.
Затѣмъ, его велѣнью повинуюсь,
Предъ нимъ усѣлись оба, какъ въ ночи
На небесахъ сіяетъ бѣлый Мѣсяцъ,
И двѣ звѣзды, два близнеца, при немъ.
Почтительно они заговорили:
„О сынъ мысля, царственный отецъ
Печалится своимъ пронзеннымъ сердцемъ,
Какъ будто въ этомъ сердцѣ—остріе.
Разсѣянъ умъ; онъ бродитъ одиноко;
Истерзанный, на пыльной спитъ землѣ;
И днемъ и ночью полонъ размышленій;
Какъ дождь струятся слезы по щекамъ;
Тебя искать, сюда теперь послалъ насъ.
О, если бы ты слушать захотѣлъ!
Благоговѣйность чтишь—мы это знаемъ,
Но вотъ еще не часъ—въ пустынѣ быть.
Снѣдаетъ жалость насъ, и, если только
Благоговѣньемъ движимъ ты, смягчись;
Не дай печали вовсе захватить насъ,
Не оставляя выхода въ сердцахъ.
Потоки рвутся по горамъ зеленымъ,
И буря есть, и молнія, и зной,—

Не дай же сердца нашего въ добычу
 Неистовымъ тѣмъ бѣдамъ четыремъ.
 Затѣмъ что у тоскующаго сердца
 Четыре эти бѣды есть вполнѣ:—
 Смятеніе, и знойная засуха,
 Жаръ страсти, и паденье въ глубину.
 Пойдемъ, и возвратимся въ край родимый,
 Настанетъ часъ—отшельникъ будешь ты.
 Теперь же, презирать свой долгъ семейный,
 И на отца и мать свою возстать,—
 Любовью какъ назвать мы это можемъ?
 Любовь объятъемъ осянуетъ все.
 Не требуетъ пустынь благоговѣйность,
 Не надобно отъединеній ей,—
 Отшельникомъ ты можешь быть и дома,
 Мысль, изученье, тщанье—это путь.
 Быть съ бритой головой, въ одеждѣ грязной,
 Наединѣ блуждать среди пустынь,—
 Не пробужденье это правой жизни,
 А лишь возможность вѣчный страхъ питать.
 Пусть за руку тебя возьмемъ мы лучше,
 Водю брызнемъ на главу твою,
 Небесной увѣнчаемъ діадемой,
 И подъ цвѣтной посадимъ балдахинъ,
 Чтобъ всѣ глаза могли тебя увидѣть,—
 Тогда можешь домъ оставить свой.
 Разъ очи усладить сіяньемъ вѣрнымъ,
 Зайти свободна яркая звѣзда.
 Ануджаса, Ваджрабагу, и Друма,
 Ватаджана,—цари временъ былыхъ,—
 Съ себя свою корону не сложили,
 Сіяли въ самоцвѣтностяхъ они;
 Они не отлучались отъ восторговъ,
 И пребывали женщины при нихъ,—

Вернись и ты, и, долгъ свой совершая,
 Земное чтя, свой скипетръ не бросай.
 Дозволь намъ прекратить рыданья наши,
 И радостную вѣсть провозгласить,
 Отецъ и мать твоя осушать слезы,
 И вновь ты будешь кормчимъ корабля.
 Когда возьмутъ теленка у коровы,
 Она мычить, и стонеть, и не спать,—
 Такъ какъ же мать твоя, что вся забота,
 Должна теперь мучительно страдать.
 Поистинѣ, ты долженъ къ ней вернуться,
 И жизнь ея предохранять отъ зла:—
 Какъ птица ты, что потеряла стаю,
 Какъ слонъ, что въ джунгляхъ путь свой потерялъ,—
 Единственное чадо молодое,
 Защиты не имѣя никакой,
 Не можешь ты не причинять печали,
 Не возбуждать заботу: «Что же съ нимъ?»
 Разсѣй же этотъ сумракъ цѣпящій,
 Какъ, если затмѣвается Луна,
 Всѣ вѣрные затмѣнье гонять кликомъ,
 Чтобъ чудище не съѣло свѣтъ ночной.
 Взметенные заставъ утихнуть вздохи,
 И тѣмъ, кто ищетъ влаги, дай ее,
 Ее получать—и огонь потушать,
 Огонь потухнетъ—вновь прозрѣетъ взоръ“.

Весьма смущенъ былъ въ духѣ Бодгисаттва,
 Услыша про своихъ отца и мать,
 И, сидя, онъ предался размышленью,
 И въ должный мигъ почтительно сказалъ:
 „Отецъ мой царь, я знаю, обладаетъ
 Внимательнымъ и любящимъ умомъ,
 Но страхъ рожденья, дряхлости, и смерти

Мое повиновенье устранилъ.
 Услышавъ о его глубокой скорби,
 Я тронуть возростаніемъ любви,
 Однако жъ все, какъ греза сновидѣнья,
 Проворно обращается въ ничто.
 Узнайте жъ, безъ возможности отвергнуть:—
 Не одноликъ порядокъ всѣхъ вещей.
 Природа скорби не необходимо
 Есть отношенье сына и отца.
 Что создаетъ страданія разлуки,
 Вліянье заблужденья это есть,—
 Внезапно люди встрѣтятся въ дорогѣ,
 Лишь мигъ—и разлучаются они,
 И каждый вновь своимъ путемъ уходитъ,—
 Такъ силой совокупности растутъ
 Соотношенья, родственныя связи,
 Удѣлъ отдѣльный, и разлука вновь.
 Кто прослѣдитъ внимательно ту ложность
 Соотношенья связи и родства,
 Не долженъ онъ печаль въ себѣ лелѣять:—
 Семейная здѣсь порвана любовь,
 Въ другомъ же мірѣ вновь той связи ищутъ,
 И грубый—за мгновеньемъ—вновь разрывъ.
 Вездѣ куется цѣпь родства и связи,
 Всегда въ цѣпяхъ, всегда разъята цѣпь.
 Кому скорбѣть о вѣчности разлуки?
 Зачатый постепенно измѣненъ,
 Родится въ мірѣ, снова разставанье,
 Черезъ смерть разлука, и родится вновь.
 Все то, что есть во времени, погибнетъ,
 Лѣса и горы,—что безъ часа есть?
 Во времени вся пятикратность чувства,
 И съ временемъ мірское все живетъ.
 Такъ, если смерть все время заполняетъ

И всюду застилаетъ путь его,
 Сбрось смерть съ себя—и времени не будетъ.
 Меня хотите сдѣлать вы царемъ,
 И долгъ любви такъ трудно не исполнить,
 Но, разъ—недугъ, тогда его врачуи,
 Безъ врачеванья жъ какъ его снесу я,
 И какъ снести тотъ санъ тяжелый мнѣ.
 Въ высокомъ ли иль низкомъ состояннн,
 Безумье и незнаніе вездѣ,
 И люди съ беззаботностью проходятъ,
 Велѣннямъ покорствуя страстей.
 Приходить страхъ, и тѣло—въ вѣчномъ страхѣ,
 Вся мысль—о внѣшнемъ лишь, и вянетъ духъ,
 Съ благоговѣннємъ—сердце не содружно,
 Коли идти за множествомъ вослѣдъ.
 Но поведеніе мудраго—не это,
 Весь въ яхонтахъ дворецъ—но въ немъ пожаръ,
 Сто вкусныхъ яствъ средѣ трапезы обильной,
 Но примѣсь въ нихъ—язвнщн яды.
 Тамъ въ лиліи, на озерѣ спокойномъ,
 Глянн, много насѣкомыхъ, нѣсть числа,
 И въ домѣ у богатаго—злосчастье,
 Высокъ,—но мудрый въ немъ не будетъ жить.
 Я не дерзаю жить въ дворцѣ обширномъ,
 Въ немъ черная склублилася змѣя.
 Я царское достоинство отбросилъ,
 Я отъ пяти желаній ускользнулъ,
 И, чтобъ скорбей подобныхъ могъ избѣгнуть,
 Блуждаю я среди пустынныхъ горъ.
 И я, благоговѣнность возлюбившій,
 И въ мудрость углубляющій свой путь,
 И я оставлю тишь лѣсовъ спокойныхъ,
 Вернусь домой, вернусь къ страстямъ? О, нѣтъ.
 Великій вождь преславнаго народа,

Молитвенность всѣмъ сердцемъ возлюбя,
 Отъ чести племенной навѣкъ ушедши,
 Чтобы духовнымъ сдѣлаться вождемъ,
 Отбросивъ ликъ свой прежній,—вновь отброшу
 Теперешній отшельнической ликъ,
 И растопчу свой замыселъ высокій?
 Хотя бы было Небо мнѣ дано,
 Не могъ бы это я свершить,—ужели жъ
 Къ тому меня земной подвигнетъ домъ!
 Невѣдѣнье отвергъ я, страсть отвергъ я,—
 Такъ что жъ, опять ихъ яствами избрать?
 Желать опять—свою блевоту видѣть?
 Такой позоръ не могъ бы я снести.
 Пожаръ, и домъ горитъ, хозяинъ вышелъ,
 Изъ пламени сумѣлъ онъ ускользнуть,—
 Войдетъ ли онъ опять въ свой домъ горящій?
 Войдетъ,—такъ онъ къ ничтожеству причтенъ.
 Ища покоя, все жъ стремиться къ царству—
 Противорѣчя, разныя то два:
 Спасеніе и царственность—враждебны,
 Покой—движеніе, пламя—и вода,
 Соединить ихъ вмѣстѣ—невозможно.
 Приманку связи я содвинулъ прочь,
 Прямое примѣнилъ при этомъ средство,
 Оставилъ домъ,—зачѣмъ же я вернусь?

Совѣтникъ, мысля, про себя промолвилъ:
 „Царевичъ мыслить правильно сейчасъ,
 Приятно къ добродѣтели склоненъ онъ,
 И мысль вложилъ въ разумныя слова.“
 И, обратясь къ царевичу, онъ молвилъ:
 „Какъ царственно изволилъ ты изречь,
 Кто хочетъ въ правой вѣрѣ укрѣпиться,
 Ее онъ долженъ правильно искать.

А часъ твой—онъ не этотъ часъ текущій.
На убыли твой царственный отецъ,
Въ преклонности онъ думаетъ о сынѣ,
Къ печали прибавляется печаль.
Ты говоришь: «Въ освобожденьи—радость.
Возвратъ есть отреченье отъ себя.»
Не въ мудрости твоя возникла радость,
И нѣтъ въ томъ размышленьи глубины.
Плода ты ищешь, а того не видишь,
Что долгъ текущій долженъ быть свершонъ.
Иные говорятъ: «Тотъ свѣтъ», «Есть Послѣ».
Твердятъ другіе: «Послѣ—ничего».
Итакъ, пока вопросъ виситъ вопросомъ,
Зачѣмъ восторгъ текущій отвергать?
Коль есть «Тотъ свѣтъ», коль «Послѣ» есть, должны мы
Взять все, что это «Послѣ» намъ несетъ.
Коль скажешь ты: Не существуетъ «Послѣ»,
Освобожденья, значить, нѣтъ тогда.
Коль скажешь ты, что «Послѣ» существуетъ,
Не скажешь ты: «Причины избѣги».
Земля тверда, огонь горячъ, вода же
Сыра, а вѣтеръ движется всегда,—
«Тотъ свѣтъ»—таковъ же, «Послѣ»—въ томъ же строѣ,
Отличная природа у него.
Разъ говоримъ о чистомъ и нечистомъ,
Нечистое и чистое идетъ
Изъ собственный природы той отличной.
Коль скажешь: «Мыслью это устрани»,—
Такая мысль, какъ доводъ, есть безумье.
Основа чувствъ, какъ чувствъ, предрѣшена,
Всѣ корни, по природѣ, изначальны.
И память и забвеніе—суть два,
Природа ихъ отчетлива въ рисунокѣ.
Преклонный возрастъ, смерть, болѣзнь, печаль,—

Кто воинской уловкой ихъ избѣгнетъ?
Коль скажешь ты: «Вода зальетъ огонь»,
Иль: «Воду вскипятить, огонь потухнетъ»,—
Различность ихъ природъ лишь утвердишь,
Природа въ строѣ—создаетъ живое.
Такъ человѣкъ, разъ въ чревѣ онъ зачатъ,
Весь,—руки, ноги, всѣ иныя части,
И умъ его, и духъ его,—ростеть,
Но кто же онъ, кто это совершаетъ?
Кто онъ, кто заостряетъ цѣпкій тернъ?
Въ самодозорѣ, то природа снова.
Различные возьми ряды звѣрей,
Что есть, то есть, имъ быть такими должно.
Неборозжденныхъ, вновь, коснись существъ,
Владычествуетъ ими Самобытный,
У нихъ же самоцѣльныхъ нѣтъ путей.
Когда бъ они могли создать причинно
Рожденье, смерть могли бы провѣрять.
Къ чему жъ тогда искать освобожденья?
Иные говорятъ, что это «Я»
Причина есть рожденья, а другіе
Твердятъ, что «Я»—причина смерти есть.
Иные утверждаютъ, что рожденье
Идетъ изъ ничего, и гибнемъ мы
Не выполняя замысла кончиной.
Родится такъ счастливое дитя,
Въ семьѣ, что благородна и богата,
Завѣщанному учится, ростеть,
Великія Богамъ приносить жертвы,
И имя знаменитое его
Является какъ путь освобожденья,
Въ томъ имени идетъ къ намъ цѣнный кладъ.
Но, если такъ, сколь тщетно и бесплодно
Освобожденья все жъ еще искать.

Ты вольности возжаждалъ, ты желаешь
 Свой замысль высокій совершить,
 А твой отецъ тѣмъ временемъ тоскуеть
 И ты едва вступилъ на этотъ путь,—
 Не будетъ зла, коли домой вернуться.
 Царь Амбариша, въ оны времена,
 Въ печальномъ лѣсѣ долгое жиль время,
 Оставивши всю царскую родню,
 И вновь пришелъ, и царствовалъ онъ снова.
 И Рама, царскій сынъ, родимый край
 Покинувши, ушелъ въ глухія горы,
 Но, услыхавъ разлучности упрекъ,
 Вернулся, и страной разумно правиль.
 Царь Друма былъ, ушли отецъ и сынъ,
 Отшельниками были и блуждали,
 Въ концѣ-концовъ вернулись назадъ.
 Еще мнѣ говорить ли о Васитѣ?
 Атрею называть ли? Эти всѣ
 Достойные, отмѣченные древле,
 Ушли, пришли, какъ звѣзды, свѣтъ струить,
 Свѣтильники прекрасные для міра.
 Пустыню горъ оставить—и царить
 Благоговѣно—нѣтъ въ томъ преступленья“.

Царевичъ, слыша добрыя слова,
 Храня въ душѣ свой закрѣпленный доводъ,
 Слова любя, не расточая словъ,
 Не споря по примѣру школь различныхъ,
 Совѣтнику спокойно отвѣчалъ:
 Быть и не быть—то трудныя понятья,
 Вопросъ о бытіи, небытіи—
 Напрасенъ онъ, сомнительность лишь множить,
 Недостовѣрность шаткаго ума.
 Наклонности бесѣдовать объ этомъ—

Нѣтъ у меня. Я духъ свой устремилъ
На мудрость, чистоту, и отречение,
И съ этой достовѣрностью я слить.
Миръ полонъ тщетныхъ знаній и открытій,
Учители, свой совершая долгъ,
Искусно сочетаютъ паутину.
Но вѣрности основы нѣтъ у нихъ,
И съ ними не хочу имѣть я дѣла.
Тотъ отдѣляетъ правду ото лжи,
Кто просвѣтленъ. Но какъ родиться можетъ
Отъ этихъ—правда? Это суть слѣпцы,
Ведущіе слѣпыхъ. Въ ночи проходятъ,
Во тьмѣ густой,—имъ извлеченья нѣтъ.
Вопросъ о томъ, что чисто и нечисто,
Вовлекъ людей въ сомнѣнья, и они
Не могутъ видѣть правды. Много лучше
Дорогу чистоты осуществлять,
Идти, и вѣдать самоотречение,
Нечистоты не совершать, идя,
О сказанномъ издревле размышляя,
Не запершись въ преданіи одномъ,
Въ единомъ не упорствуя, а въ умъ свой
Всѣ вѣрныя слова свѣтло пріять,
Чуждаясь тьмы, источника печали.
А что о Рамѣ здѣсь ты рассказалъ,
И о другихъ, ушедшихъ и пришедшихъ,
Чтобъ снова вѣдать чувственный восторгъ,—
Дороги ихъ по-истинѣ напрасны,
И мудрый имъ не будетъ подражать.
Теперь, для васъ, мнѣ разрѣшите, вкратцѣ,
Правдивую основу изложить:
Луна и Солнце могутъ пасть на землю,
Гора Сумеру сокрушится внизъ,
Но никогда мой замысль не дрогнетъ.

Скорѣ чѣмъ въ запретное вступить,
Да буду брошенъ я въ огонь свирѣпый.
И ежели я право не свершу,
Что самъ себѣ въ душѣ я предназначилъ,
И ежели на родину вернусь,
Дабы вступить въ огонь пяти желаній,—
Да будетъ то со мной, въ чемъ клялся я“.

Такъ вымолвилъ царевичъ и сказалъ.
И доводы его сіяли остро,
Какъ совершенства солнечныхъ лучей.
Потомъ онъ всталъ, и въ нѣкомъ отдаленій
Помедлилъ. А совѣтникъ, и другой,
Учитель, видя тщетность убѣжденья,
И видя, что напрасны ихъ слова,
Поговоривъ между собой, рѣшили
Идти въ обратный путь, въ родимый край,—
Царевича не смѣя беспокоить,
Присутствіемъ своимъ обременять,
Рѣшеніе свое они явили
Почтительно и грустно вздохнувъ.
И все жь, неподобающую спѣшность
Изъ всѣхъ своихъ движеній устранивъ,
Велѣніе царя осуществляя,
Они спокойно медлили въ пути,
И, ежели кого они встрѣчали,
Избравши тѣхъ, кто мудрыхъ ликъ являлъ,
Они такими мыслями мѣнялись,
Въ какихъ для всѣхъ ученыхъ радость есть,
И санъ высокій свой отъ всѣхъ скрывали,
Потомъ, прейдя, ускорили свой путь.

Учителя съ совѣтникомъ оставивъ,
 И отойдя отъ этихъ двухъ,
 Пошелъ, одинъ, царевичъ по теченью,
 И, воды Ганга перейдя,
 Держаль онъ путь къ Вершинѣ Ястребиной,—
 Пятью горами скрытый верхъ,
 Пріятственный утесъ, межъ скаль—какъ кровля,
 Онъ, зеленѣя, былъ одинъ.
 Кусты, деревья, и цвѣты въ расцвѣтѣ,
 Ключи, прохладные ручьи,
 Пріятно холодящіе потоки,—
 На это все онъ бросилъ взоръ.
 Потомъ, пройдя, вступилъ неторопливо
 Въ пятиуtesный городъ онъ,
 Спокойный, въ осіянии мирной славы,
 Какъ нѣкто, кто нисшелъ съ Небесъ.
 Царевича увидя, поселяне,
 Его чрезмѣрную красу,
 Въ младыхъ лѣтахъ, но въ столь великомъ блескѣ,
 Какъ бы великаго вождя,
 Исполнились предивныхъ странныхъ мыслей,
 Какъ бы увидя свѣтлый стягъ,
 Какъ бы узрѣвъ, внезапно, знамя Индры,
 Завѣсу Ёшвары въ лучахъ.

Кто путь переходилъ, тотъ шагъ замедлилъ,
Кто сзади былъ, тотъ поспѣшилъ,
Кто впереди, назадъ онъ обернулся,
И долго, пристально глядѣлъ.
Примѣты и особенные знаки
Впивали взорами они,
Глядѣли, невозможно наглядѣться,
И преклонились, подходя,
Сложивши руки, почестъ отдавали,
Дивясь и радуясь предъ нимъ.
Все, что имѣли, щедро предлагали,
Склоняли скромныя тѣла,
Исправивъ всѣ небрежности движеній,
Являли молча свой почетъ.
И ниже всѣхъ склонялись тѣ, кто, въ скорби,
Любовью двигнуть, мира ждалъ.
Великіе, что къ важному стремились,
Мужчины, женщины, равно,
Мгновенно на дорогѣ задержались,
И, преклонясь, не шли назадъ.
Затѣмъ что бѣлый серпъ между бровями,
Фіалки глазъ его большихъ,
И тѣло благородное, какъ злато,
И волоконце межъ перстовъ,—
Пусть онъ отшельникъ былъ,—то знаки были,
Что передъ ними царь святой,
И старъ и малъ, ликуя, восклицали:
„Такъ свѣтель онъ, что радость намъ!“
А въ то же время, Бимбисара Раджа,
Въ дозорной башнѣ помѣстясь,
Мужчинъ и женщинъ видя удивленныхъ,
Что это значитъ, спросилъ.
И спрошенный, склонивъ свои колѣна,
Что зрѣлъ и слышалъ, все сказалъ:

„Изъ рода Сакья, знатнаго издревле,
Царевичъ, полный совершенствъ,
Небесно - мудрый, не путями міра
Идущій въ прохожденіи здѣсь,
Царь, чтобъ царить надъ восемью краями,
Бездомный, здѣсь,—и чтуть его.“
Царь, слыша это, былъ весьма взволнованъ,
И, радостный почуя страхъ,
Задержанъ тѣломъ былъ на томъ же мѣстѣ,
Душой же онъ своей ушелъ.
Призвавъ своихъ совѣтниковъ поспѣшно
И приближенныхъ, онъ велѣлъ
Идти вслѣдъ за царевичемъ сокрыто,
Слѣдя, что сдѣлать надлежитъ.
Они, велѣныя это совершая,
Пошли и видѣли, что онъ
Вступилъ съ невозмутимымъ видомъ въ городъ
И милостыни попросилъ,
Уставъ блюда отшельниковъ великихъ,
Съ невозмущаемымъ умомъ
И съ яснымъ ликомъ, не заботясь, сколько,
Великъ ли, малъ ли даръ дадутъ.
Что получалъ, въ свою слагалъ онъ чашу
И снова возвращался въ лѣсъ,
И, это съѣвъ, пилъ отъ воды проточной
И къ Бѣлой восходилъ Горѣ.
Зеленяя деревья обрамляли
Спокойной тѣнью горный срывъ,
Въ расщелинахъ пахучія растеня
Вносили нѣжные цвѣты.
Кричали тамъ цвѣтистые павлины,
И, взлетомъ въ воздухъ скользя,
Другія птицы радостно сливали
Съ тѣмъ крикомъ пѣніе свое.

Какъ шелковица въ солнечномъ сяннѣ,
Свѣтился весь его покровъ,
Листоподобно складки изливали
Переливающійся свѣтъ.
Увидя закрѣпленный ликъ покоя,
Вернулись вѣстники къ царю,
И, ихъ подробной повѣсти внимая,
Быль царь взволнованъ глубоко.
Онъ царскую велѣлъ принести одежду,
Богopodobный свой вѣнецъ,
Покровъ, какъ бы обрызганный цвѣтами,
И всѣ отличія царя.
Потомъ, какъ левъ, могучій царь звѣриный,
Степенно выступилъ впередъ,
Избравъ себѣ изъ престарѣлыхъ свиту,
Способныхъ мудро понимать.
Сто тысячъ шло народу вслѣдъ за ними
Къ вершинѣ царственной горы,—
Какъ бы, темнѣя, туча восходила
До островерхой бѣлизны.
Достоинство узрѣвши Бодгисаттвы,
Покорный волѣ, каждый жестъ,
Сидящаго увидя на утесѣ,
Какъ Мѣсяцъ въ чистыхъ небесахъ,
Увидя красоту, что внѣ сравненья,
И чистоту, чей ликъ единъ,
Царь испыталъ то въ сердцѣ обращенье,
Что можетъ вѣра породить.
И, соблюдая знаки почитанья,
Съ учтивымъ видомъ подходя,
Приблизясь, спросилъ онъ Бодгисаттву,
Благополученъ ли онъ тутъ.
Согласно съ обстоятельствомъ вопроса,
Далъ Бодгисаттва свой отвѣтъ,

И въ очередь свою царя спросилъ онъ,
И царь отвѣтилъ на вопросъ.
Когда жь вопросы эти завершились,
Блюдя достоинство свое,
На ясноликомъ царь возсѣлъ утесъ,
На боговиднаго смотря.
Онъ видѣлъ чертъ нѣжнѣйшихъ умягченность,
Во всемъ онъ зрѣлъ высокій санъ,
Здѣсь родовая чувствовалась знатность,
Быль унаслѣдованъ удѣлъ.
Свои на время подавивши чувства,
Дабы сомнѣнья разрѣшить,
Царь спросилъ, какъ это такъ случилось,
Что тотъ, кто солнечно рожденъ,
Изъ царственной семьи, благоговѣнье
Хранившей десять тысячъ лѣтъ,
И даже десять тысячъ поколѣній,—
Какъ онъ, такой скопивши кладъ,
Въ лѣтахъ столь юный, въ мудрости отличный,
Отшельникъ нынѣ, бросивъ санъ,
Царя святого опустивъ сыновство,
Одеждой грубою покрывъ
Красивый видъ, достойный умащеній
И благовоній,—здѣсь одинъ,
Съ рукой, которой нужно бѣ царствомъ править,
Теперь протянутой въ мольбѣ,
Чтобъ благостыню, малость скудной пищи,
На мѣсто скипетра пріять.
„Когда бы ты не царскаго былъ рода“,
Такъ продолжалъ бесѣду царь,
„Съ тобой я раздѣлилъ бы это царство,
Когда бѣ ты только захотѣлъ“.
И продолжалъ: „О, взвѣсь, тебя прошу я,
Мои правдивыя слова:

Желанье власти близко къ благородству,
И справедлива гордость та.
Коль нѣтъ желанья покорять надменныхъ
И волю наклонять въ другихъ,
Отдать тогда оружье сильнымъ нужно,
Рукой воинственныхъ водить.
Но кто жь, когда ему дано наслѣдствомъ
Главою царства мощнымъ быть,
Не возжелаетъ взять бразды правленья
И быть надъ миромъ и войной?
Кто—мудрый, знаетъ время для молитвы
И для богатства и усладъ.
Но если троекратность не блюдетъ онъ,
Чтя вѣру, онъ богатству чуждъ.
Кто—въ мѣрѣ, тотъ печется о богатствѣ,
А къ вѣрѣ равнодушенъ онъ.
Но бѣднымъ быть, съ пренебреженьемъ къ вѣрѣ,—
Какой тутъ можетъ быть восторгъ?
Когда же троекратностью владѣешь,
Разумно пользуясь всѣмъ,
Поистинѣ тогда назваться можешь
Владыкой достовѣрнымъ ты.
Не позволяй же тѣлу, что Судьбою
Щедротю такъ одарено,
Отвергнуть всю лучистость доброй жертвы
И отказаться отъ наградъ.
Мандгари Чакравартинъ былъ монархомъ,
Четыре царства зналъ мѣрскихъ,
И съ Сакрой раздѣлялъ престоль онъ царскій,
Но править Небомъ онъ не могъ.
А ты съ своею силой мощно-грозной
Двѣ власти можешь ухватить,
Ты можешь править Небомъ и Землею,
Два свѣта сочетавъ въ одинъ.

На царскую я власть не опираюсь,
Тебя здѣсь силой не держу,
Но, видя ликъ красивый измѣненнымъ,
Узрѣвъ отшельника нарядъ,
Тебя весьма я чту за добродѣтель,
Но человѣка жаль въ тебѣ:—
Какъ милостыни, здѣсь ты просишь пищи,
Тебѣ даю я всю страну.
Пока ты юнъ и одержимъ страстями,
Используй это, усладись,
А въ зрѣлый возрастъ собери богатство,—
Когда же старость подойдетъ,
Когда твои способности созрѣютъ,
И будешь ты какъ спѣлый снопь,
Передъ тобою время развернется,
Дабы молитвенность блюсти.
Благоговѣйный жаръ въ младыя лѣта
Ключи желанья пепелить.
Когда же старь, и духъ желанья меньше,
Часть одиночества искать.
Желать богатства въ дни, когда сталь старымъ,
То стыдъ, и срама мы бѣжимъ,
Но въ юности, когда подвижно сердце,
Часть наслажденья раздѣлять.
Дни юности въ товариществѣ тратить,
Исчерпать свѣтлый разговоръ.
Когда жъ, скопляясь, годы наползаютъ,
Тогда молитвенность блюсти.
Тогда гасить горящихъ пять желаній
И въ сердцѣ радость умножать,—
Не это ль есть законъ царей издревле,
Благоговѣйности уставъ?
Не это ли есть путь царей старинныхъ,
Что на драконовой спинѣ,

Лелѣя въ сердцѣ тихость ликованья,
Дошли превыспреннихъ жилищъ?
Божественные эти самодержцы,
Сіяя личной красотой,
Достойно соблюли благоговѣйность,
И въ Небѣ взяли свой удѣлъ“.
Такъ Бимбисара Раджа все исчерпалъ,
Всѣ убѣжденія привелъ,
Но, какъ гора верховная Сумеру,
Царевичъ былъ неколебимъ.

11. ОТВѢТЪ.

Благопристойно Бимбисара Раджа
И кротко-миротворческою рѣчью
Къ царевичу ходатайство направиль,
И онъ отвѣтъ почтительно держаль.
Глубокими, волнующими сердце,
Словами такъ отвѣтствовалъ царевичъ:
„Преславный и всему извѣстный міру,
На разумъ рѣчь твоя не возстаеть.
Такъ говорить велить благоговѣнье,
Нѣтъ въ мірѣ обезпеченнаго мѣста
Для блакости,—когда жь слабѣтъ блакость,
Высокое какъ имя сохранить!
Достоинство, въ которомъ достовѣрность,
Въ связи прямой находится со дружбой,—
Коль вѣрный другъ богатства не жалѣеть,
Сокровищемъ зовется онъ тогда.
Но быстро расточается богатство,
Въ любой странѣ оно непостоянно,
А что даютъ кому изъ милосердыя,
Удвоеннымъ вернется этотъ даръ.
Такъ милосердые другъ есть достовѣрный,
Хоть расточаетъ, нѣтъ въ томъ сожалѣнья,
Ты щедръ и добръ, какъ вѣдомо, и, встрѣтясь,
Бесѣдуемъ съ пріятственностью мы.

Рожденья, смерти, старости, болѣзни
Боюсь,—къ свободѣ путь найти хочу я,
Я устранилъ семейственныя чувства,—
Такъ какъ же я могу вернуться въ міръ,
Къ пяти желаньямъ, и не опасаться,
Что ядовитый змѣй разбуженъ будетъ
И лдяный градъ посыплется свирѣпо,
И въ лютомъ буду вновь сожженъ огнѣ.
Боюсь многопредметнаго хотѣнья,
Водовороты взвихриваютъ сердце,
И пять желаній—шаткіе то вору,
Что запримѣтятъ, тотчасъ нѣтъ того.
Сокровища любимыя воруютъ,
И вотъ они, невѣрныя, какъ тѣни,
И вотъ они скользятъ, какъ привидѣнья,
Дѣйствительность становится какъ сонъ.
Кто поглядитъ, на мигъ онъ это видитъ,
Но прочно умъ схватить они не могутъ.
Итакъ, они—великія препоны,
Къ спокойствію испорченъ ими путь.
Коль радости Небесъ имѣтъ не стоить,
Что жъ о людскихъ намъ говорить желаньяхъ,
Любви безумной въ нихъ гнѣздится жажда,
Ты въ сладости, пока не истощенъ:—
Такъ дикій вѣтеръ мечетъ пламя выше,
Пока топливо вовсе не изсякнетъ,—
Нѣтъ болѣе неправого въ семь мірѣ,
Какъ эти пять желаній съ царствомъ ихъ.
Всякъ, кто уступитъ мощности хотѣнья,
Усладой взять, и мертвъ онъ для разсудка.
Кто мудръ, желаній этихъ онъ боится,
Страшится онъ пути къ неправотѣ.
Такъ царь, что правитъ четырьмя морями
И всѣмъ, что между нихъ, желаетъ больше;

Такъ Океанъ, не знающій предѣла,
Не вѣдаетъ, гдѣ стать ему, когда.
Струило Небо желтый дождь изъ злата,
И Манга Чакравартинъ межъ морями
Всѣмъ правилъ, но вздыхалъ онъ въ возжеланны
И тридцать три онъ неба восхотѣлъ.
Престоль свой раздѣлилъ съ могучимъ Сакрой
И умеръ въ силу властнаго хотѣнья.
Ніаса же чрезъ умерщвленье плоти
Жилищъ небесныхъ тридцать три пріялъ.
Но силою хотѣнья сталъ онъ гордымъ,
Надменничалъ въ блестящей колесницѣ,
И, развалясь съ небрежностью, упалъ онъ
Въ змѣнный кладезь, прямо въ глубину.
Всемирный царь, кого зовемъ мы Яма,
По Небесамъ превыспреннимъ блуждая,
Небесную жену избралъ царицей,
И сталъ у Риши злато вымогать,
А Риши въ гнѣвѣ наговоръ сказали,
Нагромоздивъ на чару чарованье,
И умеръ онъ. Нѣтъ въ мірѣ постоянства,
Хотя бы для властителя Небесъ.
Нѣтъ края достовѣрнаго, хотя бы,
Кто въ немъ живетъ, былъ съ сильною рукою.
Но если кто одѣнется лишь въ травы
И ягоды, какъ пищу, избереть,
И будетъ пить лишь изъ ручьевъ проточныхъ,
И съ волосами длинными, какъ волны,
Пребудеть, какъ молчальникъ, безъ хотѣній,
Въ концѣ свое алканье онъ убьетъ.
Узнай, что потакать пяти желаньямъ
То льгота, что завѣдомый есть недругъ
Благоговѣйныхъ. И тысячерукій
Могучій царь—какъ побѣдить его?

Погибь отъ страсти сильный Риши Рама,—
Сынъ Кшатрии, насколько же я долженъ
Сильнѣй свои удерживать хотѣнья?
Лишь полелѣй одно мгновенье страсть,—
И, какъ дитя, она растетъ проворно.
Поэтому, кто мудръ, ее не терпитъ:
Кто захотѣлъ бы въ пищу взять отраву?
Лаская хоть свою, умножишь скорбь.
Коль страсти нѣтъ, коль хоть не понуждаетъ,—
Истоковъ скорби нѣтъ, ни тока боли,
И вѣдая всю горечь скорби, мудрый
Въ истокахъ скорбь вытаптываетъ прочь.
Что въ мѣрѣ называютъ добродѣтель,
Есть ликъ иной того же злополучья,
Хотѣние въ предѣлахъ не удержишь,
Оплошность—тутъ, за ней—и вся бѣда.
Оплошностью нагромождаютъ гибель,
Смерть стережетъ на этой злой дорогѣ,—
Кто мудръ, тотъ, осмотрительно провидя,
Что все—мечта, не жаждетъ ничего.
Кто видимаго хочетъ, хочетъ скорби,
Любовью будетъ вновь уловленъ въ сѣти,
Не видя окончательной свободы,
Пойдетъ впередъ отъ боли къ боли вновь.
Такой въ рукѣ кто факель жгучій держитъ,
Тотъ руки жжетъ: кто мудръ, того бѣжитъ онъ.
Безумецъ же, кто въ этомъ усомнится,
Все будетъ сердце къ зною торопить.
Алканіе—змѣиное то жало,
И ярый гнѣвъ—змѣиная отрава,
Кто мудръ, тотъ къ скорби путь, какъ кость гнилую,
Отброситъ прочь, чтобъ зубы сохранить.
Ее ли будетъ пробовать и трогать?
Сыны земли за то гнилое мясо,

Какъ стаи птицъ готовы состязаться,—
И царь за тѣмъ пройдетъ черезъ огонь?
Такъ мы должны смотрѣть и на богатства:—
Мудрецъ, коли наполнить кладовья,
Не чувствуетъ себя благополучнымъ,
А день и ночь какъ будто ждетъ врага.
Какъ человѣкъ проходить съ отвращеньемъ
Близь скотобойни на Восточномъ рынкѣ,
И издали базарный столбъ замѣтить,
Такъ вѣху страсти мудрый обойдетъ.
Кто путь свершаетъ моремъ и горами,
При хлопотахъ, покоя знаетъ мало,
Кто на верхушку дерева влѣзаетъ,
Чтобъ плодъ сорвать,—и шею сломить тотъ.
Такъ и желанье, съ жадничаньемъ вѣчнымъ:—
Стараются, богатства накаплиютъ,
Придумаютъ мучительные ходы,
Сонъ громоздятъ,—и вдругъ оконченъ сонъ.
Такъ ямы есть: огонь въ нихъ рдѣетъ жарко,
Обманная надъ ямою поверхность,
Чуть тѣло проскользнетъ туда, пылаетъ:—
Кто мудръ, тотъ въ это пламя не пойдетъ.
Ликъ хоти, это—мнимое видѣнье,
Ликъ страсти—какъ мясникъ съ ножомъ кровавымъ,
Какъ Каурава, Нанда, или Данта,
Сиѣпляющій и низко-рабскій ликъ.
Кто мудръ, тотъ съ этимъ дѣла не имѣетъ,
Скорѣй въ огонь онъ бросится иль въ воду,
Иль свергнется съ обрывнаго утеса,
Но не пойдетъ онъ къ хоти въ западню.
Искать усладъ небесныхъ—есть не больше
Какъ сдвигать въ перемѣщеньи пытку.
Басундара и Сундара, два брата,
Другъ съ другомъ жили въ ласковой любви,—

Но имъ затмила хоть алканья разумъ,
Другъ друга, въ возжеланьи, умертвили,
И имя ихъ погубило безвозвратно:—
Такъ вотъ къ чему, ведя, приводитъ хоть.
Ей челоуѣкъ оцѣплень и приниженъ,
Въ ея цѣпяхъ онъ дѣлается подлымъ,
Она его бодиломъ жжетъ и колетъ,
И длится ночь, избить, изношенъ онъ.
Олень въ лѣсу такъ жаждетъ возглаголатъ,
И, рѣчи не найдя, онъ умираетъ,
И птица такъ летитъ въ силокъ лукавый,
И рыба такъ взманилась на крючокъ.
Подумавши о надобностяхъ жизни,
Въ нихъ постоянства вовсе не находишь:—
Ѣдимъ мы, чтобы голодь успокоить,—
Чтобъ жажда насъ не жгла, должны мы пить,—
Одежду одѣваемъ мы отъ вѣтра
И холода,—чтобы уснуть, ложимся,—
Чтобъ двигаться, должны искать повозку,—
Чтобъ отдохнуть, должны сидѣнье взять,—
Чтобъ грязными не быть, должны мы мыться,—
Все это дѣлать намъ необходимо,—
Нѣтъ постоянства въ тѣхъ пяти желаньяхъ,
Чуть утишишь, вновь нужно утишать.
Какъ челоуѣкъ, что одержимъ горячкой,
Прохладнаго испить желаетъ зелья,—
Алканье утолить томленье хочеть,
Безумецъ постоянство видитъ въ томъ.
Но постоянства въ прекращеньи боли
Не можетъ быть: желая хоть утишить,
Мы вновь хотимъ, и громоздимъ хотѣнья,
Въ превратности такой устоя нѣтъ.
Наполниться питьемъ и вкусной пищей,
Одѣться въ подходящія одежды,

Не длительныя это услажденья,
Проходить время, скорбь приходит вновь.
Прохладно лѣто въ мѣсячномъ сіяньи,
Зима приходитъ,—и умноженъ холодъ,
Черезъ восьмикратность міра все превратно,
Рабамъ отдайся,—доблесть потеряль.
Молитвенность—все дѣлаетъ служебнымъ,
Какъ править царь, что царствуетъ высоко;
Благоговѣйность повторяетъ скорби,
Подъемля тяжесть силой счетъ ведетъ.
При всякомъ положеньи нашемъ въ мірѣ,
Вкругъ насъ не устаютъ скопляться скорби,
Хоть будь царемъ, но пытка громоздится,
Люби—скорби, одинъ—нѣтъ счастья въ томъ.
Хотя бѣ твои—четыре царства были,
Участковать—въ одномъ ты только можешь,
И въ десять тысячъ дѣлъ когда заглянешь,
Узнаешь десять тысячъ ты заботъ.
Такъ положи конецъ своей печали,
Утишь хотѣнье, воздержись отъ дѣла,—
Въ томъ есть покой. Услаждь царя есть много,—
Безъ царства же есть радостный покой.
Не измышляй же мудрыхъ ухищреній,
Дабы вернуть меня къ пяти желаньямъ:—
Что манить сердце,—тихая обитель,
Что любо сердцу,—это вольный путь.
А ты хотѣлъ бы, чтобъ запутанъ былъ я
Въ обязанности и соотношенья,
Свершеніе хотѣлъ бы уничтожить
Того, чего я тщательно ищу.
Постылый домъ мнѣ страха не внушаетъ,
И не ищу я радостей небесныхъ,
Не жаждетъ сердце прибыли доступной,
И снятъ съ себя я царскій мой вѣнецъ.

И вопреки тому, какъ размышляешь,
Предпочитаю болѣе не править:—
Избавившись змѣиной пасти, заяцъ
Придетъ ли вновь, чтобъ пожраннымъ быть ей?
Кто факель держать и сжигаетъ пальцы,
Изъ рукъ своихъ не выпуститъ ли факель?
Кто былъ слѣпецъ, и обладаетъ зрѣньемъ,
Захочетъ ли онъ снова темноты?
Или богачъ по бѣдности вздыхаетъ?
Или мудрецъ невѣждою быть хочетъ?
Коль въ этомъ мѣрѣ есть такіе люди,
Тогда хочу опять въ родимый край.
Я избавленья жажду отъ рожденья,
Отъ старости, отъ смерти,— и хочу я
Выпрашивать какъ милостыни пищи
И возжеланья тѣла обуздать,—
Въ отъединеніи быть, смиривъ хотѣнье,
Избѣгнуть злыхъ путей грядущей жизни,
Такъ миръ найду я въ двухъ мірахъ спокойныхъ,
Прошу тебя, ты не жалѣй меня.
Жалѣй скорѣе тѣхъ, что правятъ царствомъ,
Ихъ души вѣчно пусты, вѣчно въ жадѣ,
Имъ въ настоящемъ мѣрѣ нѣтъ покоя,
А послѣ пытку примутъ какъ удѣлъ.
Ты, что владѣешь именемъ высокнимъ,
И почитаньемъ, властелину должнымъ,
Со мною раздѣлить хотѣлъ бы санъ свой,
И дать мнѣ долю всѣхъ своихъ усладъ,—
Взамѣнъ и я прошу тебя сердечно,
Ты раздѣли со мной мою награду.
Кто трехъ разрядовъ вѣдаетъ усладу,
Тотъ въ мѣрѣ носить имя «Господинъ»,—
Но въ томъ согласованья нѣтъ съ разсудкомъ,
Затѣмъ, что эти блага не удержишь.

Гдѣ нѣтъ рожденья, жизни, или смерти,
 Кто будетъ въ томъ,—онъ истый Господинъ.
 Мнѣ говорятъ: Коль молодъ, будь веселымъ,
 А будешь старъ, тогда и будь отшельникъ.
 Но я смотрю, что въ старости есть слабость,
 Благоговѣйнымъ быть нѣтъ силъ тогда.
 Есть въ юности могущество и твердость,
 Есть крѣпость воли, въ сердцѣ есть рѣшимость,—
 А смерть какъ воръ съ ножомъ идетъ за нами,
 И любо ей добычу ухватить.
 Зачѣмъ же будемъ старости здѣсь ждать мы?
 Непостоянство—мощный есть охотникъ,
 Болѣзни—стрѣлы, лукъ его—есть старость,
 Гдѣ жизнь и смерть, онъ мчится за живымъ.
 Охотникъ не упуститъ вѣрный случай.
 Зачѣмъ намъ ждать, когда придетъ къ намъ старость?
 И тѣ, что учатъ жертвоприношеньямъ,—
 Невѣдѣньемъ подвигнуты они.
 Достоинѣй—почитанія закона,
 И прекращенье жертвоприношеній.
 Жизнь разрушать, хотя бы для моленій,
 Въ томъ нѣтъ любви, въ убійствѣ правды нѣтъ.
 Хотя бъ за эти жертвоприношенья
 И длительная намъ была награда,
 Живое какъ могли бы умерщвлять мы?
 Въ наградѣ же и длительности нѣтъ.
 То значило бы—мудро размышляя,
 И отвлеченно чтя благоговѣнье,
 Пренебрегать благимъ въ своихъ поступкахъ:—
 Кто мудръ—тотъ разрушать не будетъ жизнь.
 Кто въ этомъ, ихъ устой—законъ превратный,
 Кто въ этомъ,—ими править шаткій вѣтеръ,
 Они какъ капля, свѣянная съ травки,
 Я—выхода надежнаго ищу.
 Есть Арада, онъ праведный отшельникъ,

Слыхаль, онъ говорить краснорѣчиво
О томъ, въ чемъ вѣрный путь освобожденья,
И долженъ я туда, гдѣ онъ, идти.
Но скорбь должна быть избранной неложно,
Поистинѣ мнѣ жаль тебя оставить,
Отечество твое да будетъ мирнымъ,
И свыше и тобой защищено.
На это царство да прольется мудрость,
Какъ красота полуденнаго Солнца,
Да будешь ты вполне побѣдоноснымъ,
Да сердцемъ совершеннымъ правишь ты.
Вода и пламень противоположны,
Но пламень причиняетъ испаренье,
И паръ въ пловучесть облака восходитъ,
Изъ облаковъ струится книзу дождь.
Убийство и очагъ несовмѣстимы,
Кто любитъ мѣръ, убійство ненавидитъ,
И если такъ убійцы ненавистны,
Кто въ этомъ, пресѣки же ихъ, о, царь.
Имъ повели найти освобожденье,
Какъ тѣмъ, кто пьеть и все жъ изсохъ отъ жажды“.
И сжавъ ладони, царь явилъ почтенье,
А въ сердцѣ у него горѣлъ восторгъ.
Онъ молвилъ: „Чтò ты ищешь, да найдешь ты,
И плодъ его да скоро ты получишь,
А какъ получишь этотъ плодъ прекрасный,—
Вернись, прошу, и не отринь меня“.
И Бодгисаттва, въ сердцѣ миръ лелѣя,
Рѣшивъ его моленіе исполнить,
Спокойно отбылъ, путь свой продолжая,
Чтобъ къ Арадѣ отшельнику придти.
А царь, межъ тѣмъ, и свита за владыкой,
Ладони сжавъ, пошли немного слѣдомъ,
И снова въ Раджагригу возвратились,
Лелѣя мысли въ помнящихъ сердцахъ.

12. ОТШЕЛЬНИКЪ.

Сынъ лучезарнаго Солнца,
Знатнаго рода Икшваку,
Къ тихой направился рощѣ,
Арада Рама тамъ былъ.
Сынъ лучезарнаго Солнца,
Полный почтительнымъ чувствомъ,
Сталъ передъ Муни великимъ,
Онъ предъ Учителемъ былъ.
Спутники тихихъ молений,
Видя вдали Бодгисаттву,
Радостно пѣсно пропѣли,
Тихо примолвивъ: «Привѣтъ».
Сжавши ладони съ почтеньемъ,
Какъ подошелъ, преклонились,
Послѣ обычныхъ вопросовъ,
Сѣли по сану они.
Всѣ Брамаচারины, видя,
Какъ былъ прекрасенъ царевичъ,
Въ качествахъ тѣхъ искупались,
Чистой напильсь росы.
Руки свои приподнявши,
Такъ Бодгисаттву спросили:
„Долго ли былъ ты бездомнымъ
И разлученнымъ съ семьей?“

Долго ли порваны были
Узы любви, что держать,
Какъ порываетъ порою
Цѣпи окованный слонъ?
Мудрости ликъ твой исполнень,
Онъ просвѣтленъ безупречно,
Отъ ядовитаго можешь
Ты отвратиться плода.
Въ древнее время могучій
Царь лучезарно-побѣдный
Передалъ царственность сыну,
Бросилъ увядшій вѣнокъ:—
Но не такое съ тобою,
Силы молодой ты исполнень,
Все жъ не вовлекся въ любовь ты
Къ гордому сану царя.
Воля твоя непреклонна,
Это мы явственно видимъ,
Правый законъ въ ней вмѣстится,
Какъ въ надлежащій сосудъ.
Воля твоя, закрѣпившись,
Мудрости будетъ ладьею,
Переплыветъ она Море,
Жизни и смерти моря.
Тѣ, что лишь учатся просто,
Ихъ испытуютъ—и учать,
Случай же твой особенный,
Умъ твой—какъ воля—готовъ.
То, что предпринять ты нынѣ,
Цѣпь изученій глубокихъ,
Цѣль эта зрима тобою,
Ты не отступишь предъ ней“.
Радостно слушалъ царевичъ
Эти слова увѣщанья.

На обращеніе это
Радостно онъ отвѣчалъ:
„Безъ предпочтенія эти
И безъ пристрастья реченья,
Я принимаю совѣты,
И да свершатся они.
Факель въ ночи да взнесу я,
Въ мѣстѣ идя вѣроломномъ,
Челнъ да пройдетъ черезъ море,—
Будь это такъ и сейчасъ.
Но, сомнѣваясь, дерзаю
Высказать эти сомнѣнья,
Какъ побѣдить, вопрошаю,
Старость, болѣзни, и смерть?“
Арада Рама, услышавъ,
Что вопрошаетъ царевичъ,
Сутры и Састры напомнилъ,
Путь ускользнуть изъяснилъ.
Молвилъ: „О, юноша славный,
Столь высоко одаренный,
Видный столь явно средь мудрыхъ,
Выслушай, что я скажу,—
Рѣчь о скончаніи жизни,
Рѣчь о скончаніи смерти.
Пять ихъ—природа, измѣна,
Старость, рожденье, и смерть,—
Пять этихъ свойствъ, надлежащихъ
Всѣмъ и всему въ этомъ мірѣ.
Безъ недостатка—природа,
И, по себѣ, безъ пятна.
Переплетенье природы
Въ пять—сочетанье великихъ,
Пять составныхъ въ сочетаньи—
Власть воспріятыя даютъ.

Власть воспріятыя—причина
Той міровой перемѣны:—
Форма, и звукъ, и порядокъ,
Вкусъ, и касанье—ихъ пять.
Это предметы суть чувства,
Что называется дхату,
Руки и ноги—дороги,
Ихъ же корнями зовутъ.
Дѣйствія—путь пятикратный,
Пять ихъ—корней для свершенья:
Око, и ухо, и тѣло,
Носъ, и языкъ—путь ума.
Разума корень—двойкій:
Онъ—вещество и разумность;
Узель природы—причина,
Знающій это есть Я.
Кáпила, Риши, а также
Тѣ, кто ихъ путь соблюдаетъ,
Душу въ основѣ увидя,
Мудрую вольность наши.
Свойство постигнувъ рожденья,
Старости дряхлой и смерти,—
Силою мудрости зрящей
Вѣрный сложили устой.
То же, что въ противорѣчьи,—
Такъ говорятъ они,—ложно.
Страсть и невѣдѣнье—путы,
Ходъ къ воплощеніямъ вновь.
Кто о душѣ усомнился,
Это чрезмѣрность сомнѣнья.
Не соблюдя различенья,
Вольности путь не найдешь.
Грань воспріятыя сдвигая,
Только запутаешь душу.

Къ смутѣ невѣрье приводитъ,
Къ разностямъ мыслей и дѣлъ.
Цѣль о душѣ размысленій—
«Знаю» и «Я постигаю»,
«Я прихожу», «Ухожу я»—
Это суть пути души.
Разныя есть возмечтанья,
«Такъ это», иль отрицанье,
Недостовѣрность такая—
То, что зовуть «темнота».
Есть и такіе, что молвятъ—
«Видимость—тождество съ духомъ»,
«Внѣшнее—то же, что разумъ»,
«Числа орудій—душа».
Здѣсь различенье не точно,
Это зовуть—крючкотворствомъ,
Это суть вѣхи безумья,
Это отмѣтины лжи.
Произношенье моленій,
И убиваніе жертвы,
И очищенье водою,
И очищенье огнемъ,
Съ цѣлью конечной свободы,—
Это плоды суть незнанья,
Суть достиженья безъ средства,
Путь, гдѣ, идя, не придешь.
Соотношенія множить,
Это—прикованность къ средству,
Вещь для души брать основой,
Это неволя есть чувствъ.
Восемь такихъ умозрѣній
Въ смерть и рожденье влекутъ насъ.
Пять состояній есть въ мірѣ,
Такъ недоумки твердятъ:—

Тьма, наряду съ ней безумье,
И сумасшествіе также,
Гнѣвная страсть рядомъ съ ними,
Робостью схваченный страхъ.
Ликъ сумасшествія—похоть,
Изъ заблужденія—гнѣвность,
Страсть—изъ безумной ошибки,
Сердце трепещеть, въ немъ—страхъ.
Такъ недоумки глаголють,
Пять означаютъ желаній;
Корень же скорби великой,
То, въ чемъ рожденье и смерть,
Жизнь, что кипитъ пятерично,
Точка начальная вихря,
Водоворотъ изначальный, —
Явственно вижу,—есть Я.
Силою этой причины
И возникаетъ повторность,
Узелъ рожденья и смерти
Связанъ и вяжется ей.
Если мы правильно смотримъ
И въ различеніи точны,
Четверократна возможность,
Чтобъ изъ цѣпей ускользнуть:—
Мудрость и свѣтъ зажигая,
Борешься съ мракомъ незнанья,—
Дѣлая свѣтъ очевиднымъ,
Гонишь утайную тьму,—
Эти четыре постигнешь,
Можешь избѣгнуть рожденья,
Старости можешь не вѣдать,
Не проходить черезъ смерть.
Разъ побѣдили рожденье,
Старость, и смерть,—мы достигли

Мѣста конечныхъ свершеній
Гдѣ невозбранный покой.
Браманы, эту основу
Съ чистою жизнью сливая
Много о ней говорили,
Миру желая добра“.
Это услышавъ, царевичъ
Араду вновь вопрошаетъ:—
„Молви, какъ средства зовутся,
Въ чемъ невозбранный покой,—
Чистой въ чемъ жизни есть свойство,
Должное время какое
Для совершенья той жизни,—
Это, прошу, изъясни“.
Сутрамъ и Састрамъ согласно,
Арада молвилъ подробно:
„Разъ обопрешься на мудрость,
Въ этомъ и средство твое.
Все жъ я бесѣду продолжу.
Прочь отъ толпы удаляясь,
Въ мѣрѣ живя какъ отшельникъ,
О подаяннѣ прося,—
Твердо блюдя благолѣпность,
Въ правомъ живя поведеннѣ,
Мало желая, и зная,
Какъ воздержанье принять,—
Все принимая какъ пищу,
Хочешь ли ты иль не хочешь,
Въ Сутры и Састры вникая,
Миръ тишины возлюбя,—
Явственно вѣдая свойство
Страха и жадныхъ желаній,
Членами права умѣло,
Умъ въ безглагольномъ смиревъ,—

Ты сдвигашь печали,
Ты прикасаешься счастья,
Первая это дхiана,
Первый извѣданъ восторгъ.
Первый восторгъ получивши,
И просвѣтленье познавши,
Внутреннимъ ты размышленьемъ
Мысли единой служи.
Сорваны путы безумья,
Умъ лишь отъ мысли зависить,
Въ небѣ, гдѣ Брама, за смертью,
Ты, просвѣтленный, рожденъ.
Средство свое примѣняя,
Дальше идешь въ просвѣтленьи,
И во вторичномъ восторгѣ,
Въ небѣ Абхiасвары ты.
Средство свое примѣняя,
Третьей дхiаны доходишь,
Новое примешь рожденье
Въ небѣ Субхiакристны ты.
Этотъ восторгъ оставляя,
Прямо въ четвертый восходишь,
Скорби и радости бросивъ,
Къ вольности духомъ идешь.
Здѣсь ты въ четвертой дхiанѣ,
Въ небѣ ты Врiхата-фiаля,
Это—обширное небо,
Это—вмѣстительный плодъ.
Все восходя въ отвлеченьи,
Въ мысляхъ держа виѣтѣлесность,
Въ мудрости шествуя дальше,
Бросишь четвертый восторгъ.
Твердо продолживъ исканье,
Свергнувъ желанiе лика,

Въ тѣлѣ почувствуешь всюду
 Вольность и съ ней пустоту.
 То ощущение окрѣпнетъ,
 Усовершенствуясь точно,
 И въ пустотѣ развернется
 Вѣдѣнья полный просторъ.
 Тишь изнутри получивши,
 «Я» отпадаетъ какъ помысль,
 Жизнь въ невещественномъ применишь,
 Мнимость познавъ вещества.
 Твердость зерна раздробивши,
 Стебель восходить зеленый,
 Птица умчится изъ клѣтки,
 Мы—изъ тѣлесныхъ границъ.
 Выше, чѣмъ Браманъ, взнесенный,
 Признаки тѣла отбросивъ,
 Все жъ ты еще существуешь,
 Мудрый, свободный, вполнѣ.
 Ты вопрошаешь о средствахъ,
 Какъ ускользнуть въ эту вольность?
 Раньше я молвилъ: Узнаетъ,—
 Если кто въ вѣрѣ глубокъ.
 Джаигисавья, и Вридха,
 Джанака, мудрые Риши,
 Правды ища той дорогой,
 Освобожденъ нашли“.
 Это услышавъ, царевичъ
 Въ духѣ тѣ мысли провѣрилъ,
 И достигнувъ до вліянія
 Жизней, что были предъ тѣмъ,—
 Снова продолжилъ бесѣду,
 Такъ вопрошая и молвя:
 „Цѣпь этихъ помысловъ мудрыхъ
 Мыслью своей я вобралъ.

То, что ты строишь, есть цѣльность,
Эти основы глубоки,
И далеко достигають,
Въ этомъ я нѣчто узналъ.
Знаніе взявъ за причину,
Мы еще все не у цѣли,
Но, понимая природу,
Всѣ развѣтвленья ея,
Ты говоришь мы свободны,
Вольности мы достигаемъ,—
Въ этомъ законѣ рожденья
Новый законъ есть въ зернѣ.
Душу содѣлавши чистой,
«Я» возведя въ очищенье,
Ты говоришь мнѣ, что въ этомъ
Освобожденія путь.
Если причину мы встрѣтимъ
Съ дѣйствіемъ вмѣстѣ,—въ сліяньи
Этомъ возвратъ есть къ рожденью,
Къ сложнымъ препонамъ его:—
Въ сѣмени скрытый зародышъ
Можетъ огнемъ и водою,
Можетъ землю и вѣтромъ
Видимо быть истребленъ,—
Встрѣтя же, силой стеченья,
Благопріятность условий,
Онъ оживетъ, безъ причины
Явной, желаньемъ влекомъ.
Также и тѣ, что достигли
Той предположенной воли,
Въ помыслѣ «Я» сохраняя,
Мысль о живыхъ существахъ,
Все не достигли до цѣли,
Нѣтъ имъ конечной свободы,

Прошлое тонко вліяеть,
Сердце—въ несчетности лѣтъ.
Ты говоришь, что свобода
Отъ ограниченной жизни
Съ нами, когда мы отбросимъ
Самую мысль о душѣ.
Какъ же распустишь веревки,
Душу связавшія прочно?
Если ты свойствами связанъ
Гдѣ же тутъ вольность тогда?
Гуна и гуни—два слова,
Свойство, предметъ—два понятья,
Разны они въ представленьи,
Но по основѣ—одно.
Если ты скажешь, что можешь,
Свойства предмета отнявши,
Самый предметъ не разрушить,
Это же вовсе не такъ.
Жаръ отъ огня ты отнимешь,
Нѣтъ и огня вмѣстѣ съ этимъ,
Плоскость отнявши у тѣла,
Гдѣ же и тѣло тогда?
Свойства есть плоскость; содвинешь,—
Самый предметъ исчезаетъ,
Гуна—поверхность предмета,
Гуни безъ гуны не быть.
Освобожденіе это,
Рѣчь о которомъ была здѣсь,
Не достигаетъ свободы,
Тѣло, какъ прежде, въ цѣпяхъ.
Также еще говоришь ты—
Чистое знанье есть вольность,
Если есть чистое знанье,
Значить и знающій есть.

Если есть знающій,—какъ же
Освободиться онъ можетъ
Отъ единичнаго «Знаю»
И отъ отдѣльнаго «Я»?
Если безъ личности знанье,
Значить, тогда познающимъ
Можетъ чурбанъ быть и камень,
Тѣмъ, кто свершаетъ,—конецъ.
Что мнѣ здѣсь Арада молвить,
Сердце не сдѣлало сытымъ,
Мудрости нѣтъ здѣсь вселенской,
Лучшаго долженъ искать“.
Путь свой направилъ онъ къ Удрѣ,
«Я» было снова въ бесѣдѣ,
«Мысль» и «Не-мысль» обсудили,
Топь безъисходной была.
Если возможность возврата
Не устранить отъ живого,
Освобожденія нѣтъ здѣсь,
Въ цѣпи—повторно звено.
Удру царевичъ оставилъ,
Къ поискамъ путь свой направилъ,
Въ Гайю пришелъ онъ на Гору,
Гдѣ умерщвляется плоть.
Было тамъ мѣсто, чье имя—
Пыточный Лѣсъ Уравильва,
Пять тамъ подвижниковъ, Бхикшу,
Раньше сошлись до него.
Какъ этихъ пять онъ увидѣлъ,
Чувства свои обуздавшихъ,
Въ роцѣ подвижничествъ точныхъ
Путь совершающихъ свой,
Мирныхъ, спокойныхъ, довольныхъ,
Надъ Найранджаной рѣкою

Мѣсто близъ нихъ Бодгисаттва
Выбралъ и въ мысли вступилъ.
Вѣдая, сколь онъ упорно
Сердцемъ искалъ избавленья,
Бхикшу ему предложили
Рядъ преклоненныхъ услугъ.
Знаки вниманья пріявши,
Истово занялъ онъ мѣсто,
Какъ человѣкъ, что намѣренъ
Въ благоговѣнныя пребыть.
Къ средствамъ прилежно прибѣгъ онъ
Для избѣжанья болѣзни,
Путь, чтобы старости минуть,
Путь, чтобы смерть побѣдить.
Сердце свое обратилъ онъ
На умерщвленіе плоти,
На воздержанье отъ страсти,
Мысли о пищѣ отвергъ.
Постъ соблюдалъ онъ, какого
Не соблюсти человѣку,
Былъ въ безглагольной онъ мысли,
Шесть продолжалъ такъ годовъ.
По коноплянному только
Зернышку ѣлъ каждодневно,
Тѣло его исхудало,
Тонкій и блѣдный онъ сталъ.
Все онъ искалъ пресѣченья
Необозримаго моря,
Думалъ все глубже, какъ можно
Смерть и рожденье стереть.
Мудрости сътъ расчлєнєнєя,
Дѣлая путь совершеннымъ,
Все же онъ въ этомъ не видѣлъ
Освобожденья еще.

Духомъ былъ воленъ, а тѣломъ
Легокъ, воздушно-утонченъ,
Имя его возсіяло,
Славой онъ былъ вознесенъ,—
Въ нѣжной лазури означась,
Серпъ новолунній такъ свѣтитъ,—
Кумуда, цвѣтъ сокровенный,
Такъ изливаетъ свой духъ.
Былъ господинъ того мѣста;
Дочери, дѣвы-царевны,
Объ пришли, чтобъ увидѣть
Этотъ измученный ликъ.
Онъ былъ изсохшій и тонкій,
Словно увядшая вѣтка,
Кругъ шестилѣтя свершился,
Точка замкнула тотъ кругъ.
Муку рожденья и смерти
Онъ созерцалъ неотступно,
Здѣсь не увидѣлъ онъ средства
Вызвать взнесенный восторгъ.
Путь умерщвленія плоти
Не былъ и средствомъ тѣмъ прежнимъ:—
Тамъ онъ, подъ деревомъ Джамбу,
Чась вознесенный узналъ.
Это, онъ думалъ, есть вѣрный
Путь къ просвѣтленю восторга,
Это—дорога иная,
Не умерщвленная плоть.
Долженъ искать я, скорѣе,
Силы и мощи тѣлесной,
Долженъ напиткомъ и яствомъ
Члены свои освѣжить.
Этимъ достигши довольства,
Разуму дамъ отдохнуть я,—

Если мой разумъ въ покоѣ,
Въ ладъ я безгласный вступлю.
Ладъ призоветъ восхищенье,
Взвѣянъ, увижу я правду,
Силу постигши закона,
Этимъ распутаю все.
Такъ, въ совершенномъ покоѣ,
Старость и смерть устранию я;
Пищею жизнь подкрѣпивши,
Свѣтлый законъ я свершу.
Тщательно это продумавъ,
Въ водахъ рѣки онъ купался,
Выйти хотѣлъ, и не могъ онъ,
Столь истощеннымъ онъ былъ.
Вѣтку къ нему наклонивши,
Духъ тутъ помогъ, небожитель,
Вѣтки рукой онъ коснулся,
Изъ Найранъджаны исшелъ.
Этой порою близъ рощи
Главный пастухъ находился,
Старшая дочь его также,
Нандою звалась она.
Дѣва, одинъ, обратясь къ ней,
Рекъ: „Бодгисаттва въ той рощѣ,
Съ благоговѣйнымъ даяньемъ
Тотчасъ предстань передъ нимъ“.
Съ радостью Нанда Балада
Къ мѣсту тому устремилась,
Изъ халцедоновъ браслеты
Млѣли на нѣжныхъ рукахъ.
Снѣжились тѣ халцедоны,
Платье на ней голубѣло,
Спорили эти оттѣнки,
Какъ въ пузырьѣ водяномъ.

Съ сердцемъ простымъ и невиннымъ,
Шла она быстрой стопою,
Предъ Бодгисаттвой склонилась,
Рись благовонный неся.
Чистый тотъ даръ предложила,
И не отвергъ Бодгисаттва,
Тотчасъ вкусиль,—для нея же
Тотчасъ награда была.
Только поѣлъ, освѣжился,
Бодхи принять сталъ способень,
Члены его возсіяли,
Сила еще возросла.
Сотни потоковъ, сливаясь,
Такъ устремляются въ Море,
Въ яркости такъ прибываетъ
Первая четверть Луны.
Это пять Бхикшу, увидя,
Были объаты смущеньемъ,
Подозрѣвая, что въ сердцѣ
Жаръ у него ослабѣлъ.
И, пятерыхъ оставляя
Быль онъ одинъ, какъ пошелъ онъ
Къ дереву добраго знака,
Къ древу счастливой судьбы.
Тамъ подъ развѣсистымъ Бодхи,
Могъ довершить онъ исканья,
Могъ онъ достигъ просвѣтленья
Въ цѣльной его полнотѣ.
Шель онъ по ровному мѣсту,
Нѣжныя травы сгибались,
Поступью львиною шель онъ,
И содрогалась земля.
И, пробудившись при этомъ,
Радостью былъ Каля Нага

Двигнуть,—глаза открывая
Свѣту, воскликнулъ онъ такъ:
„Въ оное время, когда я
Видѣлъ, какъ Будды приходятъ,
Землетрясеніе было,
Знаменье то же теперь.
Доблести Муни столь мощны,
Такъ ихъ величество грозно,
Что и Земля не способна
Выдержать ихъ на себѣ.
Вотъ отчего въ средоточьи
Долгіе гулы проходятъ,
Въ Мірѣ какъ Солнце восходитъ,
Яркимъ онъ блескомъ залитъ.
Голубоватыя птицы,
Мчатся, ихъ вижу пять сотенъ,
Кружатся въ летѣ направо,
Пересѣкая просторъ.
Льетъ освѣжающій вѣтеръ
Ласковость кроткихъ дыханій,
Всѣ эти дивные знаки
Тѣ же, что въ прежніе дни.
Знаменья Буддъ миновавшихъ!
Вижу я въ томъ неоспорно,
Что Бодгисаттва достигнетъ
Мудрости высшей вѣнца.
Вонъ отъ того человѣка,
Онъ отъ косца получаетъ
Чистыя гибкія травы,
Ихъ возлѣ древа простеръ.
Выпрямясь, тамъ онъ садится,
Ноги скрестилъ подъ собою,
Ихъ не небрежно кладетъ онъ,
Въ тѣлѣ онъ весь закрѣпленъ.

Ликъ его твердый и четкій,
Какъ у небеснаго Наги,
И не покинетъ онъ мѣста,
Замысль не довершивъ“.
Такъ Каля Нага промолвилъ
Слово свое въ подтвержденье,
Были небесные Наги
Радости полны живой.
Сдвинули вѣянье вѣтра,
Только тихонько онъ вѣялъ,
Стебли травы не дрожали,
Были недвижны листы.
Звѣри смотрѣли безгласно,
Взоръ ихъ исполненъ былъ чуда,
Это все знаменья были,
Что просвѣтленье—придетъ.

Сильный Риши, рода Риши,
 Твердо сѣвъ подъ древомъ Бодхи,
 Клятвой клялся—къ волѣ полной
 Совершенный путь пробить.
 Духи, Наги, Сонмы Неба
 Преисполнились восторгомъ.
 Только Мара Дэвараджа,
 Врагъ молитвъ, одинъ скорбѣль.
 Воинъ, царь пяти желаній,
 Изошренный въ дѣлѣ битвы,
 Врагъ всѣхъ ищущихъ свободы,
 Справедливо названъ—Злой.
 Дочерей имѣлъ тотъ Мара,
 Трехъ красивыхъ и пріятныхъ,
 Знала каждая, какъ въ сердцѣ
 У мужей зажечь любовь.
 Имя первой было Рати,
 А звалась вторая Прити,
 Третьей Тришна было имя,
 Дэви высшія въ любви.
 Имя первой—Любострастье,
 А второй—Услава мужа,
 Имя третьей—Люборадость,
 Три искусницы въ любви.

9. ВОЙСКО МАРЫ.
МУЗЕЙ ВЪ ЛАГОРЬ.

10. ВОЙСКО МАРЫ.

МУЗЕЙ ВЪ ЛАГОРЬ.

Эти три, къ отцу приблизясь,
Вмѣстѣ всѣ приблизясь къ Злому,
Вопросили: „Чѣмъ смущень ты,
Чѣмъ ты нынѣ огорчень?“
И свои смиривши чувства,
Дочерямъ отецъ промолвилъ:
„Въ мірѣ нынѣ—мощный Муни,
Клятва—сильный шлемъ его.
Лукъ въ рукѣ его могучій,
Въ немъ алмазь-стрѣла есть мудрость,
Овладѣть онъ хочеть міромъ,
Гибель царству моему.
Съ нимъ равняться не могу я,
Люди всѣ въ него повѣрятъ,
На пути его спасенья
Всѣ прибѣжище найдуть.
Будеть пусть мой край богатый,
Но, пока законъ нарушень,
Человѣку нѣтъ защиты,
Око мудрости—не зрять.
И пока еще я силенъ,
Цѣль его я опрокину,
Я его стропила рину,
Онъ придетъ, а домъ—пустой“.
Взявъ свой лукъ съ пятью стрѣлами,—
Съ свитой женскою и мужскою,—
Онъ пошелъ въ ту рощу мира,
Чтобъ лишить покоя плоть.
Видя, какъ спокойный Муни
Приготовился безгласно
Пересѣчь пустыню Моря,
Это Море трехъ міровъ,—
Лукъ онъ взялъ рукою лѣвой,
И стрѣлу качнувши правой,

Къ Бодгисаттвѣ обращаясь,
Молвилъ:—„Кшатрія! Возстань!
Испугаться будетъ впору,
Смерть твоя въ засадѣ близкой,
Воплощай свою молельность,
Свой же замыселъ оставь.
Не ищи освобожденья
Для другихъ, будь милосерднымъ,
Миротворь,—награду примешь,
Путь свершивъ свой, въ Небесахъ.
Это—торная дорога,
Побѣдители ходили,
Люди знатные, и Риши,
И цари—дорогой той.
Если-жъ ты сейчасъ не встанешь,
Осмотрительно подумай,
Свой обѣтъ отбрось, не жаждай,
Чтобы взвизнула стрѣла.
Помнишь, Аида, внукъ Сомы,
Чуть стрѣла его коснулась,
Словно въ вихрѣ, сумасшедшій,
Тотчасъ разумъ потерялъ.
Помнишь, Вимала, подвижникъ,
Чуть свистящую услышалъ,—
Потемнѣлъ въ своей природѣ,
Измѣнился самъ въ себѣ.
Что же можешь ты, послѣдышь?
Что ты можешь, запоздалый?
Какъ стрѣлы моей избѣгнешь?
Встань немедля! Прочь скорѣй!
Гнойный ядъ въ стрѣлѣ проворной,
Гдѣ ударить,—строить козни.
Вотъ, я цѣлю! Что жъ, еще ли
Будешь въ ликъ бѣды глядѣть?

Не боишься? Не трепещешь
Ты стрѣлы, несущей гибель?“
Такъ хотѣлъ, угрозой, Мара
Бодгисаттву утратить.
Но межъ тѣмъ у Бодгисаттвы
Сердце двигнутымъ не стало,
Въ сердцѣ не было сомнѣнья,
Страхъ надъ нимъ не тяготѣлъ.
И стрѣла, скользнувъ, мелькнула,
Впереди жь стояли дѣвы,
Но не видѣлъ Бодгисаттва
Ни стрѣлы, ни этихъ трехъ.
Мара былъ смущенъ сомнѣньемъ,
И воскликнулъ съ бормотаньемъ:
„Дѣва снѣжныхъ горъ стрѣляла,
Магесвара—раненъ былъ,
Измѣнить былъ долженъ духъ свой,
Бодгисаттва жь неподвиженъ,
На стрѣлу не смотреть даже,
Ни на трехъ небесныхъ дѣвъ.
Хоть бы искра пробудилась
Въ немъ любовнаго хотѣнья!
Нужно воинство собрать мнѣ,
Силой страшной утѣснить“.
Только Мара такъ подумалъ,
Вотъ ужъ воинство явилось,
Такъ внезапно громоздилось,
Каждый въ обликъ своемъ.
И одни держали копья,
У другихъ мечи сверкали,
А иные, вырвавъ древо,
Помавали тѣмъ стволемъ.
У иныхъ сверкали искры
Отъ алмазныхъ тяжкихъ палиць,

У другихъ иное было,
Лязгъ dospъховъ всѣхъ родовъ.
Голова однихъ свиняя,
У другихъ какъ будто рыба,
Тѣ—конямъ подобны быстрымъ,
Тѣ—подобные осламъ.
Ликъ иныхъ былъ ликъ змѣиный,
Ликъ быка, и обликъ тигра,
И подобные дракону,
Львиноглавыя скоты.
На одномъ, иные, тѣлѣ
Много шей и главъ носили,
Глазъ одинъ на лицахъ многихъ,
Ликъ одинъ, но много глазъ.
Съ крутобрюхими тѣлами,
А другіе точно складка,
Весь животъ какъ провалился,
Ноги тонкія одни.
У иныхъ узломъ колѣни,
Ляжки жирныя раздулись,
У иныхъ не ногти—когти,
Закорючены крючкомъ.
Безголовые тамъ были,
Тѣ безгруды, тѣ безлики,
Двѣ ноги, а тѣлѣ не мало,
Лики пепельнѣй золы.
Грубы вздушіяся лица,
Такъ разлѣзлись, что взирають
Не туда-сюда, а всюду,
Смотрить выпученный глазъ.
Рядомъ съ ликомъ цвѣта пепла
Ликъ звѣзды, всходящей утромъ,
Тѣ—какъ паръ воспламененный,
Тѣ—ушами—точно слонъ.

Горбъ у тѣхъ горѣ подобень,
Тѣ и наги, и мохнаты,
Въ кожи, въ шкуры тѣ одѣты,
Ало-бѣлый въ лицахъ цвѣтъ.
Тѣ глядятъ въ змѣиной кожѣ,
Тѣ—какъ тигръ—готовы прыгнуть,
Тѣ—въ бубенчикахъ и кольцахъ,
Эти съ волосомъ какъ винтъ.
Эти—волосы по тѣлу
Словно плащъ распространили,
Тѣ еще—сосутъ дыханье,
Тѣ еще—крадутъ тѣла.
Эти съ воплями танцуютъ,
Эти пляшутъ, сжавши ноги,
Эти бьютъ одинъ другого,
Эти выются колесомъ.
Эти скачутъ межъ деревьевъ,
Эти воютъ, эти лаютъ,
Тѣ—вопятъ охриплымъ вономъ,
Тѣ пронзительно кричатъ.
Дрожь идетъ въ Землѣ великой
Отъ смѣшенія злыхъ шумовъ,
Окружила древо Бодхи
Та бѣсовская толпа.
Съ четырехъ сторонъ уродство.
Надъ собою изогнувшись,
Тѣло рвутъ свое на части,
Эти жрутъ его сполна.
Съ четырехъ сторонъ окрестныхъ
Изрыгаютъ дымъ и пламя,
Вихри, бури отовсюду,
Сотрясается гора.
Парь, огонь, и вѣтеръ съ пылью,
Тьму, какъ деготь, созидаютъ,

Смоляные дышуть мраки,
Все невидимо кругомъ.
Дэвы, склонные къ закону,
Также Наги всѣ, и Духи,
Раздражась на войско Мары,
Кровью плакали, смотря.
И великимъ братствомъ, Боги,
Видя это искушенье,
Съ несмущенными сердцами,
Состраданіемъ горя,
Всѣ пришли, чтобы увидѣть
Бодгисаттву, какъ сидитъ онъ
Такъ свѣтло-невозмутимо,
Окруженъ толпой бѣсовъ.
Несосчитанные злые,
Землю съ Небомъ потрясая,
Ревомъ звуковъ злополучныхъ
Наполняли все кругомъ.
Но безгласный Бодгисаттва
Между нихъ сидѣлъ спокойный,
И лицо его сіяло,
Прежній блескъ не измѣнивъ.
Царь звѣрей, такъ левъ спокоенъ
Межъ звѣрей, что воють возлѣ,
И вокругъ рычать, свирѣпо,—
Непривычно странный видъ.
Войско Мары воспѣшаетъ,
Выявляетъ крайность силы,
Другъ ко другу, другъ за другомъ,
Угрожаютъ погубить.
Взоръ въ него вперяють острый,
Зубы хищные оскаливъ,
Налетаютъ словно вьюга,
Прыгнуть здѣсь, и тамъ скакнуть.

Но безгласный Бодгисаттва
Наблюдает ихъ спокойно,
Какъ спокойно смотритъ взрослый
На играющихъ дѣтей.
Ярче дьявольское войско
Распалялось силой злобы,
Хватъ за камень—не поднимуть,
Схватятъ камень—не швырнуть.
Ихъ летающія копы,
Стрѣловидныя орудья,
Зацѣпляются за воздухъ,
Не хотятъ спуститься внизъ.
Гнѣвный громъ и тяжесть ливня,
Градъ, несущій раздробленье,
Превращались въ пятицвѣтны
Нѣжныхъ лотосовъ цвѣтокъ.
Между тѣмъ какъ ядъ отвратный
И драконова отравы
Обращались въ благовоновый,
Сладко-свѣжій вѣтерокъ.
И ущербъ нанести безсильны,
Тѣ несчетныя творенья,
Не коснувшись Бодгисаттвы,
Только ранили себя.
Помогала Марѣ тетка,
Называлась Мага-Кали,
У нея въ рукахъ былъ черепъ,
Въ блюдо выдѣланъ былъ онъ.
Стоя противъ Бодгисаттвы,
Похотливостью движеній
И пріятнымъ этимъ блюдомъ
Помышляла искусить.
Такъ всѣ сонмы воинствъ Мары,
Каждый въ дьявольскомъ обличьи,

Закрутились, чтобы бунтомъ
Бодгисаттву устроить.
Ни одинъ его былъ даже
Двинуть волосъ въ этой битвѣ,
И дружины Мары были
Тяжкой схвачены тоской.
И тогда, незримо, въ высяхъ,
Тотчасъ воинства иныя,
Голосъ стройный умножая,
Возгласили съ высоты:
„Вотъ онъ! Вотъ великій Муни!
Духъ его не тронуть злобой,
И его—порода Мары
Тщетно хочетъ погубить.
Затемненные, напрасно
Вы упорствуете въ грязномъ,
Откажитесь же отъ тщетной,
Отъ убійственной мечты.
Онъ спокоенъ, тихій Муни,
Онъ сидитъ невозмутимый,
Вы не можете Сумеру
Сдунуть съ каменныхъ основъ.
Можетъ быть, огонь замерзнетъ,
И вода воспламенится,
И земля, какъ пухъ, смягчится,
Онъ не можетъ раненъ быть.
Вамъ не ранить Бодгисаттву!
Черезъ вѣка вспоенъ страданьемъ,
Мысли стройно устремивши,
Средства правильно развивъ,
Въ чистотѣ взлелѣявъ мудрость,
Всѣхъ любя и всѣхъ жалѣя,
Онъ скрѣпленъ четверократно,
Тѣхъ угловъ не раздѣлить.

Эти доблести прекрасны,
И не могут разорваться,
И сомнительнымъ не сдѣлать
Къ высшей правдѣ путь его.
Ибо, какъ должно, безспорно,
Солнце съ тысячью лучами
Потопивъ въ сіяньи сумракъ,
Міровую тьму зажечь,—
Или, дерево бурава,
Мы зажжемъ огонь горящій,—
Иль, глубоко землю роя,
Мы заставимъ брызнуть ключъ,—
Такъ и тотъ, кто непреклоненъ,
Выбравъ правильныя средства,
Если такъ искать онъ будетъ,
Неизбѣжно онъ найдетъ.
Темень міръ безъ поученья,
Три язвятъ его отравы,
Хоть, невѣдѣнье, и злоба,—
Въ міръ плоть онъ пожалѣлъ,
И жалѣя всѣхъ живущихъ,
Въ эти трудности вмѣщенныхъ,
Радость мудрости искалъ онъ,
Чтобы страждущимъ помочь.
Для чего же злое мыслить,
И тому препоны ставить,
Кто задумаль—прочъ изъ міра
Скорбь гнетущую изгнать?
То невѣдѣнье, что всюду,
Родилось отъ лжеученій,—
Потому-то Богдисаттва
Привлечетъ людей къ себѣ.
Ослѣпить того, кто будетъ
Вожакомъ великимъ міра,
Невозможная затѣя:—

Такъ, испытанный вожакъ,
Черезъ Великую Пустыню,
Вдаль уводитъ караваны,
И въ пескахъ дороги зная,
Никогда не заведеть.
Такъ вся плоть въ темноты впала,
Гдѣ идуть, не знаютъ сами,
Хочетъ онъ поднять свѣтильникъ,—
Для чего жъ гасить его?
Плоть застигнута, объята
Моремъ смерти и роженій,
Строить мудрости челнокъ онъ,—
Для чего жъ топить его?
Вѣтвь молельности—терпѣнье,
Корень—твердость, поведенье
Безупречное—расцвѣты,
Сердце свѣтлое—цвѣтокъ,
Мудрость высшая—все древо,
Весь законъ есть плодъ душистый,
Тѣнь его—живымъ защита,—
Для чего жъ срубить его?
Хоть, невѣдѣнье, и злоба,
Это—пыточная дыба,
Это—тяжкіе засовы,
На плечахъ существъ ярмо.
Черезъ вѣка онъ былъ подвижникъ,
Чтобы снять съ людей оковы,
Онъ своей достигнетъ цѣли,
Сѣвъ на крѣпкій свой престоль.
На своемъ законномъ тронѣ
Будетъ онъ—какъ были Будды
Давнихъ дней—въ себѣ скрѣпленный,
Цѣльно-замкнуть, какъ алмазь.
Если бъ вся земля дрожала,
Это мѣсто будетъ стойко,

Онъ на точкѣ утвердился,
Вамъ его не отвратить.
Такъ умѣрите же хотѣнья,
И, прогнавъ высокоумѣрье,
Приготовьтесь къ размышленью,
Чтобъ смиренными пребыть“.
Слыша въ воздухѣ тѣ звуки,
Бодгисаттву видя твердымъ,
Страхомъ былъ застигнуть Мара,
Взлеты замысла прогнавъ,
И отвергнуши ухищренья,
Вновь на Небо путь направилъ.
Между тѣмъ его дружины,
Всѣ разсѣяны кругомъ,
Съ мѣсть попадали высокихъ,
Бранной гордости лишились,
И оружья, и доспѣхи
Разметали по лѣсамъ.
Такъ порою вождь жестокий
Пораженъ въ сраженьи на смерть,
И ряды его рѣдѣютъ,—
Войско Мары прочь бѣжить.
Бодгисаттва успокоенъ,
Тишина въ умѣ высокомъ,
Утро, Солнцу путь готова,
Расцвѣчается зарей.
Ослабѣлъ туманъ широкій,
Праху сѣрому подобный,
Звѣзды съ Мѣсяцемъ блѣднѣютъ,
Грани ночи стерты днемъ.
Между тѣмъ, съ высотъ струится
Водопадъ цвѣтовъ небесныхъ,
Чтобы свѣять Бодгисаттвѣ
Нѣжно-дышащую дань.

14. ЛИЦОМЪ КЪ ЛИЦУ.

Бодгисаттва, Мару побѣдивши,
Твердо умъ въ покоѣ укрѣпивъ,
Вычерпавъ до капли первоправду,
Въ созерцанье глубоко вошелъ.
И въ порядкѣ, предъ его очами
Состоянья разныя прошли,
Въ вѣдѣніе правое вступилъ онъ,
Въ бодрствованье первое вошелъ.
Вспомнилъ онъ свои существованья,
Тамъ рожденъ, и съ именемъ такимъ,
Все, до настоящаго рожденья,
Черезъ сотни, тысячи смертей
Мириады разныхъ воплощеній,
Всякія, и всюду, безъ числа.
Всей своей семьи узнавъ сплетенья,
Жалостью великой схваченъ былъ.
Миновало чувство состраданья,
Видѣлъ вновь онъ все, что здѣсь живетъ,
Шесть частей круговращенья жизни,
Отъ рожденья къ смерти, нѣтъ конца.
Пусто все, и шатко, и невѣрно,
Какъ платанъ, что каждый мигъ дрожить,
Какъ мечта, что вспыхнетъ и погаснетъ,
И какъ сонъ, что встанетъ и пройдетъ.

И въ срединѣ бодрствованья ночи
Глянулъ онъ глазами чистыхъ Дѣвъ,
Предъ собой увидѣлъ всѣ созданья,
Какъ увидишь въ зеркалѣ свой ликъ:—
Всѣхъ, кто былъ рожденъ и вновь родился,
Чтобъ въ рожденіи новомъ умереть,
Благородныхъ, низкихъ, пышныхъ, бѣдныхъ,
Всѣхъ жнецовъ своихъ безмѣрныхъ жатвъ.
Видѣлъ тѣхъ, кто правое свершаетъ,
Видѣлъ тѣхъ, кто въ жизни служить злу,
Копящихъ, какъ слѣдствіе, блаженство,
Громоздящихъ въ житницахъ бѣду.
Различилъ сначала злыхъ въ дѣяньяхъ,
Злое имъ рожденіе быть должно,
Тѣхъ узрѣлъ, дѣянья чьи—моленьны,
Мѣсто ихъ—съ людьми и средь Боговъ.
Тѣ опять въ адахъ родятся нижнихъ,
Видѣлъ онъ всю пропасть пытокъ ихъ,
Токи пьютъ расплавленныхъ металловъ,
Острыя имъ вилы рвутъ тѣла.
Стѣснены въ котлахъ съ водой кипящей,
Втиснуты въ пылающихъ печахъ,
Длиннозубымъ отданы собакамъ,
Птицамъ, что выклевываютъ мозгъ.
Изъ огня уходятъ въ лѣсъ дремучій,
Гдѣ, какъ бритва, листья рѣжутъ ихъ,
Лезвія имъ руки отрѣзаютъ,
На куски ихъ рубятъ топоры.
Тѣло сплошь—зіяющая рана,
Въ членахъ искривляющихся боль,
Пьютъ они горчайшія отравы,
Ихъ судьба имъ не даруетъ смерть.
Кто восторгъ свой видѣлъ въ злыхъ дѣяньяхъ,
Въ злѣйшей видѣлъ онъ печали ихъ,

Здѣсь—мгновенный проблескъ наслажденья,
Долгій мракъ зловѣщей пытки—тамъ.
Смѣхъ и шутка при чужихъ страданьяхъ,
Плачь и вопль, когда возмездья часть.
О, когда-бъ живые знали точно—
Въ дѣланіи зломъ всѣхъ слѣдствій цѣпы!
Если-бъ знали, вѣрно-бъ отвернулись
Отъ своихъ замысленныхъ путей!
Если-бъ знали, вѣрно-бъ прочь бѣжали
Отъ того, что слѣдомъ—кровь и смерть!
Видѣлъ также онъ плоды рожденья
Въ ликѣ звѣря, всѣхъ свершеній счетъ,
Накопленье собственныхъ возвратовъ,
Смерть—и вновь рожденъ звѣриный ликъ.
Изъ-за шкуры, или изъ-за мяса,
Умереть однимъ велить удѣлъ,
Изъ-за рога, мѣха, или крыльевъ,
Тѣ же рвутъ другъ друга изъ вражды.
Раньше—другъ, родной, теперь—злой ворогъ,
Когти къ горлу, пасти, зубъ, и клыкъ,
А иные гнутся, тяжело бремя,
Но влачатъ, бодилами ихъ жгутъ.
Призраковъ пытаемыхъ несчетность,
Горла, что изсохли—пить хотять,
Тѣ летѣть должны чрезъ вышній воздухъ,
Тѣ, не зная смерти, быть въ водѣ.
Видѣлъ также онъ скупцовъ и жадныхъ,
Нынѣ—какъ голодные они,
Ихъ тѣла крутой горѣ подобны,
Рты-же—какъ игольное ушко.
Ротъ всегда для пищи раскрывая,
Поглощаютъ лишь одинъ огонь,
Пьютъ они отравленное пламя,
Гарь внутри, и больше ничего.

Жадные, обманывать умѣли,
Облыгали тѣхъ, кто былъ благимъ,
А теперь голодными родились,
Призракъ пищи вѣчно мучить ихъ.
Всѣ отбросы отъ людей нечистыхъ
Были-бы усладою для нихъ,
Но, едва такую сладость узрять,
Исчезаетъ въ воздухъ она.
О, когда-бы только кто предвидѣлъ,
Что его за жадность сердца ждетъ,
Самую онъ плоть свою бы отдалъ,
Лишь бы милосердые оказать!
Снова ихъ рожденными узрѣлъ онъ,
Ихъ тѣла какъ сточная труба,
Рождены изъ чрева лишь для грязи,
Чтобы вѣдать боль и трепетать.
Въ жизни—ни одной минуты вольной
Отъ того, что смертный часъ грозитъ,
И хоть жизнь—сплошные трудъ и горе,
Вновь рождаются, новая страда.
Видѣлъ тѣхъ, что заслужили Небо,
Но снѣдаетъ ихъ любовь къ любви,
Жажда быть любимымъ вѣчно мучить,
Вянуть, какъ безъ влаги вянетъ цвѣтъ.
Свѣтлые дворцы ихъ опустѣли,
Дѣвы спать во прахъ на землѣ,
Или молча горько-горько плачутъ,
Вспоминая о бывшихъ любвахъ.
Кто родился, грустенъ въ увяданьи,
Кто, любимый, умеръ, горе въ томъ:—
Такъ стремятся къ радостямъ небеснымъ,
И въ борьбѣ себѣ готовятъ боль.
Что же стоять радости такія?
Кто же будетъ, здраво, жаждать ихъ?

Чтобъ добиться ихъ, усилъе нужно,
Но они безсилны боль прогнать.
Горе! горе! Въ этомъ нѣтъ различья!
Дѣвы въ томъ обмануты равно!
Черезъ вѣка они страданье терпятъ,
Черезъ вѣка съ хотѣньемъ бой ведутъ.
Достовѣрно ждутъ отдохновенья,
И опять паденье—ихъ удѣлъ.
Пытки ихъ въ Аду подстерегаютъ,
Рвутъ другъ друга, точно звѣря звѣрь.
Ищутъ въ жгучей жадѣ и сгораютъ,
Ищутъ—„Гдѣ восторги?“—ждетъ ихъ боль,
Въ Небесахъ—мечтаютъ—вѣрный отдыхъ,
Но съ рожденьемъ въ Небѣ тоже боль.
Разъ рожденъ—страданье непрерывно,
Въ мѣрѣ нѣтъ пріюта отъ тоски,
Круговратность смерти и рожденья—
Поворотъ несчетный колеса.
Въ этихъ водахъ бьется все живое,
Въ этихъ зыбяхъ плоть не отдохнетъ.
Чистымъ зрѣньемъ Дѣвы такъ смотрѣлъ онъ,
Пять предѣловъ жизни созерцалъ
Все, равно, бесплодно и напрасно,
Дрожь листка, на мигъ пузырь волны.
И вступилъ онъ въ бодрствованье третье,
Въ глубь познанья правды онъ вошелъ.
Цѣлый мѣръ созданій созерцалъ онъ,
Приносящій боль, водоворотъ,
Полчища живущихъ, что старѣютъ,
Тѣхъ ряды, къ которымъ смерть идетъ.
Жажда, жадность, темнота незнанья,
Безысходность тѣсныхъ жмущихъ путь.
Внутри себя взглянулъ онъ, и увидѣлъ,
Гдѣ исходъ рожденья, смерти ключъ.

Онъ удостовѣрился, что дряхлость—
Изъ рожденья, какъ и смерть есть въ немъ:—
Если человѣкъ родился съ тѣломъ,
Тѣло унаслѣдуетъ недугъ.
Глянулъ онъ, откуда же рожденье,
И увидѣлъ цѣпь свершеній онъ,
Что въ другомъ свершались мѣстѣ, гдѣ-то,
Не Всевышній дѣлалъ тѣ дѣла.
Не были они самопричинны,
Не было то личнымъ бытіе,
Не были они и безпричинны,—
Такъ звено съ звеномъ онъ различилъ.
Кто сломавъ, бамбукъ, суставъ разниметь,
Всѣ суставы раздѣлить легко:—
Такъ, причину смерти и рожденья
Увидавъ, онъ къ правдѣ подошелъ.
Все исходитъ въ мірѣ изъ цѣплянья,
Какъ, схвативъ траву, горитъ огонь;—
А идетъ цѣплянье изъ хотѣнья,
Хоть изъ ощущенія идетъ;—
Какъ себѣ голодный ищетъ пищи,
Иль къ колодцу жажущій спѣшитъ,
Есть такъ въ ощущеніи жажда жизни,
Отъ касанья это все идетъ;—
Къ дереву такъ деревомъ коснешься,
И огонь изъ тренья порождень;—
Шесть есть разныхъ входовъ для касанья,
Ихъ причинность имя есть и ликъ;—
Имя съ ликомъ родились отъ знанья,
Какъ зерно идетъ въ ростокъ и въ листь,
Знанье же изъ имени и лика,
Эти два сплетаются въ одно;—
Нѣкая попутная причина
Имя порождаетъ, съ нимъ и ликъ;—

А другой попутною причиною
 Имя съ ликомъ къ знанію ведутъ;—
 Какъ корабль уходитъ съ человѣкомъ,
 При сплетеніи суши и воды,
 Такъ изъ знанья имя вышло съ ликомъ,
 Имя съ ликомъ корни создаетъ;—
 Отъ корней рождается касанье;—
 Отъ касанья къ ощущенію путь;—
 Въ ощущеніи кроется хотѣнье;—
 И въ хотѣннн связи цѣплянья есть;—
 Эта связь причина есть дѣяній;—
 А они ведутъ къ рожденію вновь;—
 А въ рожденіи скрыты смерть и старость,—
 Въ этомъ всѣхъ живыхъ круговоротъ.
 Исто-просвѣтленный, мысля точно,
 Онъ неукоснительно постигъ:—
 Ежели рожденіе разрушить,
 Прекратится старость, съ ней и смерть.
 Только уничтожь возникновенье,—
 И рожденію вмѣстѣ съ нимъ конецъ.
 Только уничтожь цѣплянье связи,—
 И возникновенья больше нѣтъ.
 Уничтожь хотѣнье,—нѣтъ цѣплянья.
 Съ ощущеньемъ—уничтожишь хотъ.
 Нѣтъ касанья,—нѣтъ и ощущенья.
 Шестеричность входовъ уничтожь,—
 Нѣтъ касанья, входы уничтожишь,—
 Съ ними нѣтъ именъ и ликовъ нѣтъ.
 Знанья нѣтъ,—и нѣтъ именъ и ликовъ.
 Имена и лики уничтожь,—
 Вмѣстѣ съ ними знанье погибаетъ.
 Уничтожь невѣдѣнье,—и съ нимъ
 Имена и лики умирають.
 Такъ великій Риши завершень,

Онъ усовершенствованъ въ самбодхи,
Въ мудрости предѣловъ онъ достигъ.
Такъ усовершенствовавшись, Будда,
Духомъ, восьмикратный путь нашель,
Миру свѣточъ—правильное зрѣнье,
Вѣрный путь для всѣхъ, чтобы ступать.
Такъ сполна онъ самость уничтожилъ,—
Гаснетъ такъ огонь, пожравъ траву.
То онъ сдѣлалъ, что хотѣлъ бы видѣть
Сдѣланнымъ свободными людьми.
Первый такъ прошелъ урокъ великій,
Парамарта свершена была.
Онъ вошелъ въ глубокую Нирвану,
Свѣтъ возросъ, и темный мракъ исчезъ.
Полный совершеннаго покоя,
И храня молчанье, онъ достигъ
До криницы правды безконечной,
До неисчерпаемыхъ ключей.
Всей блистая мудростью лучистой,
Такъ великій Риши тамъ сидѣлъ,
Между тѣмъ въ глубокихъ содроганьяхъ
Сотрясалась мощная Земля.
И опять былъ мѣръ свѣтло-спокоень,
Дэвы, Наги, Духи собрались,
Музыка небесная возникла,
Правый былъ законъ ей вознесенъ.
Вѣтерки прохладные дышали,
Упадалъ съ Небесъ душистый дождь,
И цвѣты не дожидались сроковъ,
И плоды спѣшили заблестать.
Изъ пространства, въ пышномъ изобилии,
Молнійные падали цвѣты,
И другихъ цвѣтовъ лились гирлянды,
Свѣтлому къ ногамъ свѣвая дань.

Разныя созданія другъ къ другу
 Устремлялись, чувствуя любовь,
 Страхъ и ужасъ вовсе въ мірѣ стерлись,
 Ненависти не было ни въ комъ.
 Все, что жило въ мірѣ, сочеталось
 Съ вольной безупречною любви,
 Дэвы, бросивъ вышніе восторги,
 Къ грѣшнымъ, облегчая ихъ, сошли,
 Пытки было меньше все и меньше,
 Возростала мудрости Луна.
 Видя свѣтъ, несомый людямъ Буддой,
 Ликовали духи въ Небесахъ,
 Изъ жилищъ небесныхъ упали
 Приношенья, какъ цвѣточный дождь,
 Дэвы, Наги, голосомъ согласнымъ,
 Восхваляли доблести его.
 Люди, видя эти приношенья,
 Слыша также радостный напѣвъ,
 Исполнялись свѣтлымъ ликованьемъ,
 Отдавались радости вполнѣ.
 Только Мара, темный Дэвараджа,
 Въ сердцѣ сжатомъ чувствовалъ тоску.

Будда, потерявшись въ созерцаньи,
 Въ сердцѣ ощущая свѣтлый миръ,
 День ко дню, семь дней смотрѣлъ на Бодхи,
 На святое древо онъ смотрѣлъ.
 „Я теперь въ покоѣ совершенномъ“,
 Про себя безгласно онъ сказалъ,
 „Что хотѣло сердце,—получило,
 Ускользнулъ отъ самого себя“.
 Обозрѣло снова око Будды
 Все живое, что вступило въ міръ,
 Жалость въ немъ глубокая возникла,

Онъ желалъ имъ вольной чистоты.
Но, чтобы придти къ освобожденью
Отъ слѣпой и жадной темноты,
Сердце путь прямой должно намѣтить,
И не только внѣшне замолчать.
Онъ взглянулъ назадъ, и онъ подумалъ
Объ обѣтѣ мощномъ,—и опять
Восхотѣлъ законъ онъ проповѣдать,
Жатву боли въ мѣрѣ осмотрѣлъ.
Брама-Дэва, видя эти мысли,
И желая свѣтъ распространить,
Чтобы плоть отъ боли отдохнула,
Снизойдя, отшельника узрѣлъ.
Проповѣдникъ зримъ былъ въ немъ верховный,—
Онъ сосредоточенный сидѣлъ,
Обладая мудростью и правдой,
Съ сердцемъ ускользнувшимъ отъ темноты.
И тогда, исполнившись почтеньемъ,
Радостно великій Брама всталъ,
И ладони сжавши передъ Буддой,
Такъ свое ходатайство изрекъ:
„Какъ велико въ цѣломъ мѣрѣ счастье,
Если съ тѣмъ, кто темень и не мудръ,
Встрѣтится столь любящій учитель,
Озарить смутительную топь!
Гнѣтъ страданья жаждетъ облегченья,
Грусть, что легче, тоже часа ждетъ.
Царь людей, ты вышелъ изъ рожденій,
Отъ смертей несчетныхъ ускользнулъ.
И теперь тебя мы умоляемъ:—
Ты спаси, изъ этихъ безднъ, другихъ,
Получивъ блестящую добычу,
Долю дай другимъ, что здѣсь живутъ.
Въ мѣрѣ, гдѣ склонны всѣ къ корысти,

И дѣлиться благомъ не хотятъ,
Ты проникнись жалостью сердечной
Къ тѣмъ, другимъ, кто здѣсь обремененъ“.
Такъ сказавши въ видѣ увѣщанья,
Брама-Дэва къ Небу отошеть.
Будда же призывъ тотъ услышавши,
Ликоваль и въ замыслѣ окрѣпъ.
Мысля, что просить онъ долженъ пищи,
Каждый изъ царей, изъ четырехъ,
Даръ ему принесъ,—и Совершенный,
Взявъ четыре, всё ихъ слилъ въ одно.
Тутъ торговцы мимо проходили,
И небесный дружественный духъ
Имъ сказалъ: „Здѣсь есть великій Риши,
Пребываетъ въ горной рощѣ онъ.
Миру въ немъ—ристалище заслуги.
Принесите жъ свѣтлый даръ ему!“
Съ радостью пошли они немедля,
И ѣду молельно принесли.
Онъ вкусилъ и размышлялъ глубоко:—
Кто услышитъ первый правды рѣчь?
Араду припомнилъ и Удраку,
Что достойны были знать законъ.
Но теперь ужъ оба были мертвы.
И о тѣхъ онъ вспомнилъ, пятерыхъ,
Что могли впервые слышать слово,
Проповѣдь первичную пріять.
Восхотѣвъ Нирвану проповѣдать,
Совершенный возвѣститъ покой,
Къ Бенаресу такъ онъ путь направилъ,
Какъ пронзаегъ Солнце темноту,—
Къ граду, гдѣ издревле жили Риши,
Онъ направилъ свой размѣрный шагъ,—
Царь быковъ глядитъ такъ взоромъ кроткимъ,
Такъ ступаетъ ровнымъ шагомъ левъ.

15. ВРАЩЕНЬЕ КОЛЕСА.

Благоговѣно молчащій,
Блескомъ сія лучистымъ,
Свѣтъ изливая прекрасный,
И несравнимый ни съ кѣмъ,
Полный достоинства шель онъ,
Словно толпой окруженный,
Юнаго Брамана встрѣтилъ,
Упага имя его.
Видомъ великаго Бхикшу
Былъ пораженъ этотъ Браманъ,
Скованъ почтительнымъ чувствомъ,
Сталь онъ у края пути.
Сжавши ладони, смотрѣлъ онъ,
Былъ онъ обрадованъ въ сердцѣ
Зрѣлищемъ тѣмъ безпримѣрнымъ,
И Совершенному рекъ:
„Полчища тѣхъ, что—повсюду,
Чаръ никакихъ не имѣютъ,
Грѣхъ ихъ пятнаетъ заразный,
Въ людяхъ изящества нѣтъ.
Сердце великаго міра
Всюду охвачено смутой,
Ты лишь одинъ успокоенъ,
Ликъ твой какъ Мѣсяць горить.

Видь твой такой, что какь будто
Влаги испиль ты безсмертной,
Ты красотою отмѣченъ,
Какь человѣкъ, что великъ.
Мудрости сила могуча,
Въ этомъ ты царь полновластный,
Мудрое что-то ты сдѣлалъ,—
Кто твой владыка? Ты—кто?“
И отвѣчалъ Совершенный:
„Я не имѣю владыки,
Нѣтъ и почетнаго рода,
Нѣтъ у меня и побѣды.
Самонаученный этой
Мудрости, самой глубокой,
Сверхчеловѣческихъ знаній
Самъ я душою достигъ.
Что подлежить познаванью,
Міръ чему долженъ учиться,
Самъ, чрезъ себя, и собою,
Это постигъ я вполне.
Это зовется Самбодхи,
Мечъ этой мудрости острый,
Мечъ тотъ разрушилъ семейство
Всѣхъ ненавистныхъ скорбей.
Это главнѣйшей побѣдой
Въ мірѣ зовутъ справедливо.
Весь Бенаресъ будетъ слышать
Какъ загудитъ барабанъ.
Остановиться нельзя ужь!
Имени я не имѣю,
Радости я не желаю,
Голосъ глаголющій я.
Что возвѣщаю я,—правду,
Что я ищу,—лишь свободы,

Освобожденья отъ пытки
Всѣхъ и всего, что живеть.
Нѣкогда данную мною,
Выполнить клятву хочу я,
Жатва той клятвы созрѣла,
Нынѣ я выточилъ серпъ.
Пышность, корысть, и богатство,
Все это брошено мною.
Имени я не имѣю,
Имя мнѣ все же даютъ:—
Я Справедливый Владыка,
Также—Великій Учитель.
Глянувъ на скорби безстрашно,
Также я—Храбрый Боецъ.
Также—Благой я Цѣлитель,
Ибо цѣлю я недуги.
Путеводитель Благой я,
Всѣмъ указующій путь.
Сумракъ ночной разгоняя,
Свѣтитъ лампада собою,
Самолучистымъ сияньемъ,—
Такъ и лампада моя.
Тѣни въ ней личнаго чувства
Нѣтъ, а одна самосвѣтность.
Дерево древомъ буравя,
Вызовешъ вѣрный огонь.
Вѣтеръ въ пространствѣ свободный
Двигается—собственной силой.
Землю вскопаешь глубоко,—
Влаги дойдешь ключевой,
Самопричинности въ этомъ
Дышетъ уставъ непреклонный,
Всѣ совершенные Муни
Этого уставъ соблюдутъ.

Въ свѣтлыхъ краяхъ Бенареса
Первое будетъ вращенье,
Тотъ оборотъ Правосудья,
Весь кругоходъ Колеса“.
Упага, юноша-Браманъ
„О!“ воздохнулъ удивленный,
И, понижая свой голосъ,
Странную мудрость хвалиль.
Все, что съ нимъ было, припомнилъ,
Какъ онъ пришелъ къ этой встрѣчѣ,
На поворотахъ дороги
Онъ удивленный вставалъ.
Каждый былъ шагъ ему трудень.
Шель Совершенный неспѣшно,
До Бенареса дошелъ онъ,
До превосходной страны.
Два тамъ, въ срединѣ, потока,
Рѣки сливались мерца
Варапа—имя прохладной,
Имя плѣнительной—Гангъ.
Свѣтлыя пажити, рощи,
Много цвѣтовъ разноцвѣтныхъ,
Много плодовъ золотистыхъ,
Мирно пасутся стада.
Тихая это обитель,
Нѣтъ въ ней докучнаго шума,
Старые Риши тамъ жили,
Чтя невозбранный покой.
Это блестящее мѣсто
Сдѣлалось вдвое свѣтлѣе,
Воспринимая сіянье
Вновь возсіявшихъ лучей.
Тамъ пребывалъ Каундинья,
Дасабалакасіапа,

Вáгипа, Асваджить, Бхáдра,
Плоть истязали они.
Видя, какъ Будда подходитъ,
Сидя, они говорили:
„Это идетъ Гаутама,
Онъ осквернился мiрскимъ.
Путь онъ суровый оставилъ,
Нынѣ же снова насъ ищетъ,—
Мы ужь, конечно, не встанемъ,
И не промолвимъ привѣтъ,
И освѣженій обычныхъ
Мы ужь ему не предложимъ,
Ибо обѣтъ онъ нарушилъ,
Гостепрiимства лишень“.
Такъ согласившись, сидѣли,
Это рѣшенье принявши.
Все подходилъ Совершенный,
Шель онъ неспѣшно — и вотъ!
Не сознавая движенiй,
И нарушая рѣшенье,
Всѣ поднялись они вмѣстѣ,
Сѣсть предложили ему.
Снять предложили одежду,
Вымыть и вытереть ноги,
И спросили съ почтеньемъ,
Что онъ желаетъ еще.
Такъ оказавши вниманье,
И соблюдая почтенье,
Все же его Гаутамою
Звали они — по семьѣ.
Тутъ, обращаясь къ нимъ съ словомъ,
Возговорилъ Совершенный:
„Не называйте, прошу васъ,
Именемъ личнымъ меня.

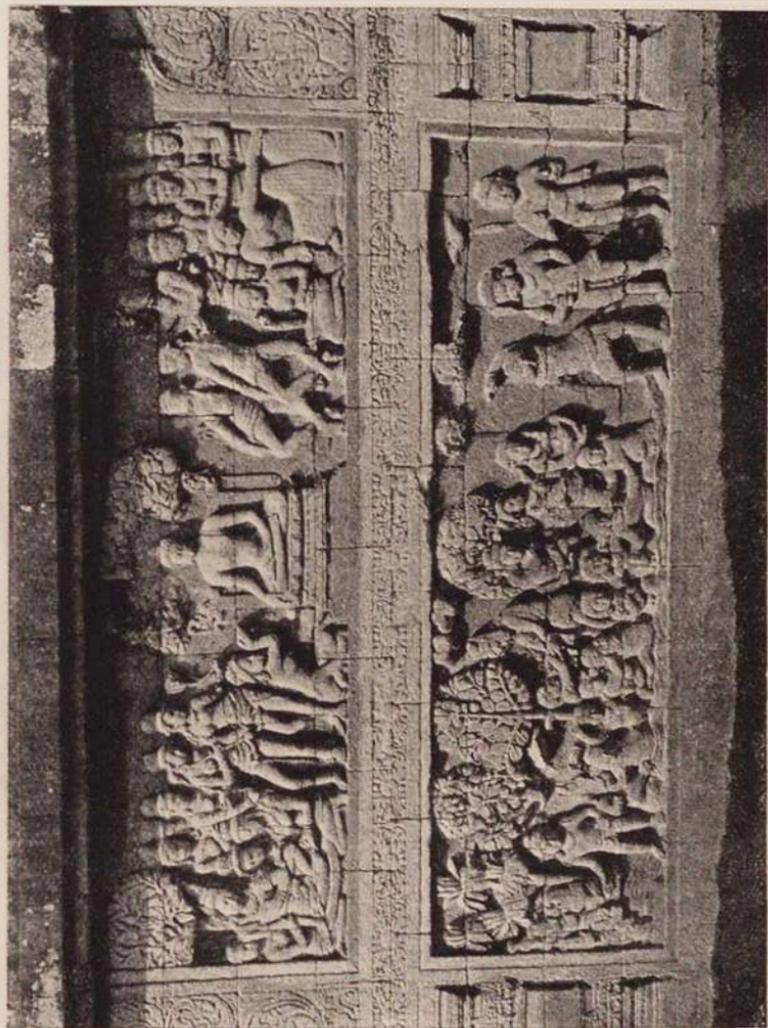
Въ томъ небреженъ слѣпое—
Звать такъ достигшаго правды.
Но почитаютъ ли, нѣтъ ли,
Духъ мой спокоенъ вполнѣ.
Все же, прошу васъ отречься
Отъ неучтивости этой.
Міру—спасеніе въ Буддѣ,
Имя его—оттого.
Онъ ко всему, что живое
Съ краткой относится лаской,
Видитъ дѣтей онъ въ живущихъ,
Не презирайте жъ отца“.
Движимый сильной любовью,
И состраданьемъ глубокимъ,
Такъ говорилъ онъ, но гордо
Были они въ слѣпотѣ.
И говорили, что раньше
Онъ въ отреченіи былъ правомъ,
Но, ничего не достигши,
Тѣло и мысль распустилъ,
Какъ же, они спросили,
Могъ бы онъ сдѣлаться Буддой?
Вѣры ему не давая,
Такъ сомнѣвались они.
Высшую правду познавшій,
Мудрости свѣтъ всеохватный,
Къ нимъ обратясь, Совершенный,
Вѣрный имъ путь указалъ,
Тѣ, что, уча, неразумны,
Тѣло свое умерщвляютъ,
И неразумны другіе,
Кѣмъ услаждается плоть.
Это двѣ крайнихъ ошибки,
Два заблужденія великихъ,

И ни одни, ни другіе
Къ правдѣ пути ненашли.
Будда сказалъ: „Кто чрезмѣрно
Плоть истязаніемъ мучить,
Онъ вызываетъ страданьемъ
Спутанность мыслей своихъ.
Мысли больныя не могутъ
Дать даже знанья мірскаго,
Мысли такія не могутъ
Силу страстей побѣдить.
Кто засвѣчаетъ лампаду,
Жидкой наполнивъ водою,
Онъ не сумѣетъ, конечно,
Сумракъ огнемъ озарить.
Также и тотъ, кто износить
Тѣло свое, не сумѣетъ
Ни уничтожить незнанья,
Ни просвѣтленность возжечь.
Тотъ, кто, огонь добывая,
Выберетъ древо гнилое,
Онъ ничего не получитъ,
Даромъ растратитъ свой трудъ.
Если же твердое древо
Деревомъ твердымъ буравишь,
Разъ ты упоренъ въ усилии,
Вспыхнетъ блестящій огонь.
Если ты мудрости ищешь
Не умерщвленіемъ плоти,
И не усладою чувства,
Жизни найдешь ты законъ.
Кто потакаетъ хотѣньямъ,
Какъ же онъ будетъ способенъ
Сутры и Састры постигнуть,
Какъ онъ себя укротитъ!

Тотъ, кто, въ смятенности трудной,
Бѣсть, что къ бѣдѣ непригодно,
И умножаетъ недугъ свой,—
Онъ—услаждающій плоть.
Если огонь разбросаешь
По травянистой пустынь,
Пламя, раздутое вѣтромъ,
Сможетъ ли кто погасить?
Такъ и огонь возжеланья,
Такъ и пыланье хотѣнья.
Крайности обѣ отбросивъ,
Средней дороги держусь.
Всякія скорби окончивъ,
Всѣ устранивъ заблужденья,
Я пребываю въ покоѣ,
Невозмутимость храня.
Видѣнье вѣрнаго зрѣнья
Ярче высокаго Солнца,
Безперемѣнная мудрость
Есть внутрезоркость души.
Правое слово—чертогъ мой,
Правое дѣло есть садъ мой,
Правая жизнь есть бесѣдка,
Гдѣ я могу отдохнуть.
Путь надлежащаго средства
Въ роци такія приводить.
Правая память—мой городъ,
Правыя мысли—постель.
Ровныя это дороги,
Чтобъ ускользнуть отъ рожденья,
Чтобы избавиться смерти,
Вѣчную боль побѣдить.
Тотъ, кто изъ топкаго мѣста
Этой уходитъ дорогой,

Онъ достигаетъ свершенья,
Мудро дошелъ до конца.
Онъ колебаться не будетъ,
Въ сторону ту и другую,
Межъ несосчитанныхъ пытокъ
Двухъ перекастныхъ вѣковъ.
Три многотрудные міра
Этимъ путемъ побѣждаютъ,—
Такъ разорвутъ паутину
Цѣпко-сплетенныхъ скорбей.
Это мой путь безпримѣрный,
Раньше о немъ не слыхали,—
Правый законъ избавленья
Я, только я, увидаль.
Этой дорогой впервые
Я разрушаю хотѣнье,
Душное полчище Хоты,
Старость, и смерть, и недугъ.
Всѣ безполезныя цѣли,
Всякій источникъ страданья,
Все, что бесплодно, какъ помысль,
Уничтожается мной.
Есть и такіе, что бьются
Противъ желаній—желая,
Обуреваемы плотью,
Плоти не видятъ своей.
Эти источникъ заслуги
Сами себѣ прекратили.
Въ малыхъ словахъ расскажу я
Ихъ затемненный удѣлъ.
Какъ, угашая пожары,
Искру, порой, оставляютъ,
И, позабытая, тлѣть,
Новымъ пожаромъ грозя,—

Такъ въ отвлечены ихъ мысли
„Я“, какъ зерно, остается,
Скорби великой источникъ,
Движимый хотью впередъ.
Злая послѣдствія дѣла,
Дѣланье все пребываетъ.
Хочешь зерно уничтожить,
Влаги ему не давай.
Если земли и воды нѣтъ,
Если причинъ нѣтъ согласныхъ,
Листъ и ростокъ не родятся,
Стебель не можетъ взрости.
Всѣ многосложныя цѣпи,
Въ разности жизней различныхъ, —
Злое ли это рожденье,
Дѣва ли будетъ рождень, —
Безъ окончанья повторны
И возвращаются въ кругъ,
Это—отъ жаждущей хоти
Сгибы звена ко звену.
Отъ высоты до низины,
Отъ вознесенности къ срыву —
Слѣдствіе это ушерба
Въ прежде свершенныхъ дѣлахъ.
Но уничтожишь зародышъ,
Связи не будетъ сплетенной,
Дѣйствіе дѣла исчезнетъ,
Болямъ различнымъ конецъ.
Это имѣя, должны мы
То унаслѣдовать также;
Это разрушишь, и съ этимъ
Также окончится то.
Нѣтъ ни рожденья, ни смерти,
Старости нѣтъ, ни болѣзни.

11. ДОЧЕРИ МАРЫ.
БОРО-БУДУРЪ.

12. КОНЧИНА.
МУЗЕЙ ВЪ ЛАГОРЪ.

Нѣтъ ни земли, и ни вѣтра,
Нѣтъ ни воды, ни огня.
Нѣтъ ни конца, ни начала,
Нѣтъ середины, обмановъ,
Недостовѣрныхъ ученій,—
Вѣрная точка одна.
Это предѣль окончанья,
Тутъ завершенность Нирваны.
Восемь дорогъ настоящихъ
Къ мудрости этой ведутъ.
Въ способѣ этомъ единомъ
Больше ужъ нѣтъ дополненій.
Міръ ослѣпленный не видитъ,
Я же мой путь увидаль.
Я прекращаю теченье
Токовъ, несущихъ страданье.
Истинъ высокихъ—четыре,
Мысля о нихъ, ты спасень.
Это есть знаніе скорби,
Это есть—срѣзать причину,
Во избѣжанье завязокъ
Въ сложныхъ узлахъ бытія.
Это когда уничтожишь,
Кончено также стремленье,
Съ уничтоженьемъ смятенья
Восемь открылось путей.
Такъ четверичная правда
Очи ума разверзаетъ,
Черезъ меня—избавленье,
Высшая мудрость—во мнѣ“
Члены семьи Каундињи
Мудростью той напитались,
Съ ними же Дэвы, ихъ сонмы,
Многія тысячи ихъ.

Сдвинувъ туманъ ослѣпленья,
Чистый Законъ увидавши,
Дэвы, а также земные,
Знали, что кругъ завершень.
Что надлежало, свершилось.
И, ликованьемъ исполнень,
Онъ спросилъ Каундинью,
Голосомъ львинымъ сказавъ:
„Знаешь ли нынѣ?“ И Буддѣ
Вмигъ отвѣчалъ Каундинья:
„Мощнымъ Учителемъ данный,
Знаю великій Законъ“.
И потому его имя
Аньята есть Каундинья,—
Аньята—Знающій значить,
Вѣрный уставъ онъ позналъ.
Между пошедшихъ за Буддой
Первымъ онъ былъ въ пониманьи.
Только отвѣтъ тотъ раздался,
Грянулъ ликующій вскрикъ.
Духи земли восклицали:
„Сдѣлано точнымъ свершеньемъ!
Видя законъ сокровенно,
Въ день, что отмѣченъ средь дней,
Осуществилъ Совершенный
Тотъ оборотъ во вращеньи,
Что никогда еще не былъ,—
Ходъ безпримѣрный свершень.
И человѣки и Боги
Нѣжность росы получили,
Вотъ, передъ всѣми открылись,
Нынѣ, безсмертья врата.
То колесо—совершенно;
Спицы суть—правда поступковъ;

Ровный размахъ созерцанья—
Равный размѣръ ихъ длины;
Твердо-глядящая мудрость—
Есть на ступицѣ насадка;
Скромность и вдумчивость мысли
Суть углубленья въ гнѣздѣ;
Ось вкрѣплена здѣсь надежно;
Правая мысль есть ступица;
То колесо въ завершеньи
Правды есть полный законъ.
Полная истина нынѣ
Въ мірѣ означила путь свой,
И никогда не отступить
Передъ ученьемъ другимъ“.
Такъ въ восхищеньи великомъ
Духи Земли ликовали,
Воздуха духи запѣли,
Дэвы вступили въ тотъ хоръ.
Гимнъ они пѣли хваленья
До высочайшаго Неба.
Дэвы тутъ Міра тройного,
Слыша, какъ Риши училъ,
Между собой говорили:
„Дальне-прославленный Будда
Движетъ всѣмъ міромъ могучимъ,
Міру онъ точный рычагъ!
Ради всего, что живое,
Создалъ уставъ онъ Закона,
Двинулъ во имя живущихъ
Свѣтлое онъ колесо!“
Бурные вѣтры утихли,
Дымныя тучи исчезли,
Дождь устремлялся цвѣточный
Изъ просвѣтленныхъ пространствъ.

И теперь тѣ пять, что подвизались,
 Асваджитъ, и Вашпа, и другіе,
 Услыхавъ, что Каундинья вѣдалъ,
 Услыхавъ, что онъ узналъ Законъ,—
 Съ выраженьемъ кроткимъ и смиреннымъ,
 Сжавъ ладони, преклонились низко,
 И свою почительность явили,
 Посмотрѣвъ Учителю въ лицо.
 Совершенный, способомъ премудрымъ,
 Каждаго Законъ обнять заставилъ.
 И такимъ путемъ, пять мудрыхъ Бхикшу
 Просвѣтлѣли въ собственномъ умѣ.
 Пять сполна, какъ первый, такъ послѣдній,
 Лучезарно покорили чувства,—
 Такъ пять звѣздъ сіяютъ въ вышнемъ Небѣ,
 Услужая ласковой Лунѣ.
 Въ это время, въ градѣ Кушинара,
 Нѣкто Ясасъ, родомъ благородный,
 Въ снѣ ночномъ потерянный, внезапно
 Пробудился—и глаза раскрылъ.
 Окомъ молодымъ онъ слугъ окинулъ,
 Спали крѣпко женщины, мужчины,
 Платя въ беспорядкѣ, лица смяты,
 Отвращеньемъ сердце сжалось въ немъ.

Думая о корнѣ всѣхъ мученій,
Размышляль онъ, какъ безумны люди,
Размышляль, какъ это сумасбродно—
Припадать къ источнику скорбей.
Онъ надѣль красивыя убранства,
Въ свѣтломъ ликѣ изъ дому онъ вышелъ,
На дорогѣ всталъ, и громко вскрикнулъ:
„Горе! Безконечна цѣпь скорбей!“
Совершенный—путь держаль во мракѣ,
И услышавъ сѣтованья эти,
Отвѣчалъ: „Приходъ твой здѣсь желаненъ,
Скорби есть—и отдыхъ отъ скорбей.
Свѣжести исполненный, прекрасный,
Самый совершенный, то—Нирвана,
Это неподвижность есть покоя,
Вольнаго отъ всяческихъ тревогъ“.
Увѣщанье Будды услышавши
Ясась былъ обрадованъ глубоко,
И почуяль—въ мѣстѣ отвращенья
Мудрости пробился свѣжій ключъ.
Словно онъ взошелъ въ затонъ прохладный.
Подошелъ туда, гдѣ медилъ Будда,
Былъ на немъ его покровъ обычный,
Духъ отъ недостатковъ воленъ былъ.
Силой благодѣтельнаго корня,
Что въ другихъ рожденяхъ накопился,
Быстро получилъ онъ просвѣтленье,
Тайный свѣтъ познанья въ немъ свѣтиль.
Онъ уразумѣль—Законъ услыша:—
Такъ, мгновенно, шелкъ мѣняегъ краски.
Самоозаренье засвѣтилось,
То, что надлежало, свершено.
И себя въ нарядѣ пышномъ видя,
Устыдился онъ,—но Совершенный,

Внутреннюю мысль его увидѣвъ,
Голосомъ напѣвнымъ возвѣстилъ:
„Пусть и украшенія не сняты,
Сердце покорить способно чувства,—
Разъ на все зриаешь безъ пристрастья,
Внѣшнее не можетъ захватить.
Тѣло можетъ вѣдать власяницу,
Мысли же—цѣпляться за мірское:—
Кто въ лѣсу глухомъ мірскаго жаждетъ,
Не подвижникъ онъ, а мірянинъ.
Ликъ мірскаго являютъ способно тѣло,
Сердцемъ же къ высокому вносятся:—
Мірянинъ ли ты, или отшельникъ,
Все равно, коль побѣдилъ себя.
Тотъ, кто носитъ воинскіе знаки,
Носитъ знакъ побѣды надъ врагами,
Такъ же и отшельникомъ одѣтый,—
Говоритъ, что скорбь побѣждена“.
Онъ ему сказалъ: „Приди же съ миромъ,
Будь со мной, и будь смиренный Бхикшу“.
Сказанъ зовъ—и вотъ! Въ иной одеждѣ
Онъ предъ нимъ отшельникомъ стоялъ.
Въ оны дни, у Ясаса въ весельи
Пятьдесятъ четыре было друга:—
Увидавъ, что другъ ихъ сталъ отшельникъ,
Въ вѣрный и они вошли Законъ.
Слѣдствіе дѣяній въ прежнихъ жизняхъ,
Совершенный плодъ они явили:—
Такъ, порой, золу зальешь водою,
Высохнетъ вода, и живъ огонь.
Было шестьдесятъ теперь ихъ мудрыхъ,
Шестьдесятъ учениковъ познавшихъ.
И училъ онъ: „Берега другого
Вы достигли, перейдя потокъ.“

Свершено, что ждало совершенья.
Отъ другихъ примите милосердые,
Черезъ всѣ идя края и страны,
Обращайте всѣхъ въ своемъ пути.
Въ мірѣ, что сжигаемъ всюду скорбью,
Разсѣвайте всюду поученья,
Указуйте путь идущимъ слѣпо,
Свѣточемъ да будетъ жалость вамъ.
Такъ же я на гору Гайясиришу,
Отйду къ великимъ царскимъ Риши,
Къ Браманамъ, которые живутъ тамъ,
Поучая разному людей.
Тамъ живетъ и Риши Касіапа,
Почитаемъ всѣми какъ подвижникъ,
Обращая то же очень многихъ,—
Посѣщу его, и обращу“.
Отбыли тѣ шесть десятковъ Бхикшу,
Каждый получилъ предназначенье
Проповѣдь держать по разнымъ странамъ,
Слѣдуя наклонности своей.
Но одинъ пошелъ тотъ Чтимый міромъ,
И пришелъ къ горѣ онъ Гайясиришѣ,
И вступилъ въ моленную долину,
Въ доль, гдѣ Риши Касіапа былъ.
Касіапа въ огненной пещерѣ
Совершалъ тамъ жертвоприношенье,
Въ пламенномъ томъ гротѣ злой жилъ Нага,
Онъ искалъ покоя по горамъ.
Чтимый міромъ, обратитъ желая
Этого отшельника, промолвилъ:
„Гдѣ бы могъ я ночью помѣститься?“
Касіапа Буддѣ отвѣчалъ:
„Не имѣю предложить пріюта,
Огненную развѣ ту пещеру,

Гдѣ свершаю жертвоприношенья,
Тамъ всегда прохладно по ночамъ.
Но драконъ тамъ злой живетъ,—и можетъ
Отравлять людей по усмотрѣнью“.
Будда отвѣчалъ: „Позволь мнѣ только,
На ночь поселюсь въ пещерѣ той“.
Касіана дѣлалъ затрудненья,
Чтимый міромъ все просилъ упорно,
И отвѣтилъ Буддѣ Касіана:
„Спорить никогда я не люблю.
Лишь имѣю страхъ и опасенья,—
Но, какъ хочешь, такъ и сдѣлать можешь“.
Тотчасъ Будда въ гротъ вступилъ огнистый,
И въ глубокомъ размысленіи сѣлъ.
Увидавши Будду злой тотъ Нага
Изрыгнулъ свирѣпый ядъ огнистый,
И наполнилъ гротъ горячимъ паромъ,
Но коснуться Будды паръ не могъ.
Онъ сидѣлъ тамъ неприкосновенный,
А огонь перегоралъ въ пещерѣ,—
Такъ до Неба Брамъ пламень вьется,
Брама же сидитъ невозмутимъ.
Злой тотъ Нага, увидавши Будду,
Видя ликъ сіяющій покоемъ,
Прекратилъ отравленные вихри,
Сердцемъ стихъ, и преклонилъ главу.
Касіана, увидавши ночью,
Какъ горитъ огонь во тьмѣ пылая,
Воздохнулъ: „О, горе, въ томъ пожарѣ
Этотъ свѣтлый человѣкъ погибъ“.
Утромъ онъ пришелъ съ учениками
Посмотрѣть. А Будда, покоривши
Злого Нагу, сдѣлалъ Нагу кроткимъ,
Въ нищенскую чашу положилъ.

Касіапа думаль: „Гаутама
Свѣдущъ и проникъ въ благоговѣнье“.
Все же про себя сказалъ тихонько:
„Я въ познаньяхъ тайныхъ господинъ“
Случаемъ воспользовавшись добрымъ,
Будда оказалъ вліянье духомъ,
Перемѣны вызвалъ въ Касіапѣ,
Тайныя въ немъ мысли измѣнилъ,
Сдѣлалъ умъ его покорно-гибкимъ,
Для Закона праваго пригоднымъ,—
И себя извѣдавъ, Касіапа
Собственную скудность увидалъ.
Онъ смиренно принялъ поученье,
Съ нимъ пятьсотъ ему во всемъ внимавшихъ.
Жертвенные взявъ свои сосуды
И добро, швырнули въ рѣку все.
Это все поплыло по теченью.
Гада съ Нади, братья, жили ниже,
Увидавъ пловучіе предметы
Межъ собою говорили такъ:
„Перемѣна важная случилась“.
И они тревожно тосковали,
И пошли, вверхъ по теченью, къ брату,
И пятьсотъ за каждымъ вѣрныхъ шло.
Увидавъ, что братъ ихъ сталъ отшельникъ,
Что Законъ владѣеть ими дивный,
Молвили: „Коль братъ нашъ подчинился,
Въ этомъ мы послѣдуемъ за нимъ“.
Такъ три брата, и толпы ихъ вѣрныхъ
Проповѣдь услышали Владыки,
Онъ училъ о жертвоприношеніи,
Говорилъ онъ притчу объ огнѣ:
„Спутанныя мысли—словно древо
Въ деревѣ другомъ—огонь буравягъ,

Дымъ густой невѣдѣнья рождаютъ,
Все живое ложной жгутъ мечтой.
Такъ огонь печали и заботы,
Загорѣвшись, жжетъ не уставая,
Все приводитъ къ смерти и рожденью,
Нѣтъ топлива—и огонь не жжетъ.
Такъ, когда у человѣка сердце
Ко грѣху восприметь отвращенье,
Отвращенье страсть уничтожаетъ,
Гаснетъ хоть, и въ этомъ выходъ есть.
Если только этотъ выходъ найдень,
Рождено съ нимъ зрѣніе и знанье,
Жизнь и смерть въ потокахъ видны четко,
Долгъ свершишь,—и жизни больше нѣтъ.
Тысяча прислушавшихся Бхикшу
Рѣчи Совершеннаго внимали
Спали съ душъ ихъ всѣ былыя пятна,
Къ нимъ освобожденіе пришло.
Все, что надлежало, совершилось,
Въ мудрости сіяль высоко Будда,
Правила онъ далъ имъ очищенья,
Мощный Риши сталъ ученикомъ.
Совершенный, съ вѣрными своими,
Путь направилъ нынѣ въ царскій городъ:—
Бимбисару Раджу вспоминая,
Въ Раджагригу онъ съ толпой пошелъ.
Выполнить хотѣлъ онъ обѣщанье,
И, прибывъ онъ оставался въ рошѣ;—
Услыхавъ объ этомъ, царь со свитой
Къ мѣсту, гдѣ Владыка былъ, пошелъ.
Увидавъ, какъ Будда возсѣдаетъ,—
Съ сердцемъ преисполненнымъ смиренья,
Съ колесницы пышной онъ нисходитъ,
Украшенья снялъ, къ нему пошелъ.

Кротко онъ къ ногамъ склонился Будды,
О тѣлесномъ спросилъ здоровьи.
Въ свой чередъ, заговорилъ съ нимъ Будда,
Сѣсть съ собою рядомъ попросилъ.
Царь въ умѣ подумалъ безглагольно:
„Этотъ Сакья, вѣрно, власть имѣеть,
Коль своей онъ волѣ подчинилъ всѣхъ,
И вокругъ него—ученики“.
Будда эти мысли духомъ видя,
Касіану вопрошая, молвилъ:
„Отказавшись отъ огнепоклонства,
Выгоду какую ты нашель“?
Касіана, тотъ вопросъ услыша,
Предъ большимъ собраньемъ всталъ неспѣшно,
Низко поклонился, сжалъ ладони,
Обратился къ Буддѣ, и сказалъ:
„Огненнаго духа почитаю,
Выгоду я извлекалъ такую:—
Въ колесѣ былъ жизни непрерывно,
Вѣдалъ смерть, рожденье, боль, недугъ.
Потому служенье это бросилъ.
Я въ огнепоклонствѣ былъ усерднымъ,
Я искалъ конца пяти желаній,
И въ отвѣтъ—желаній былъ возвратъ.
Потому служенье это бросилъ.
Въ этомъ я служеньи ошибался,
Вѣчно возвращался я къ рожденью,
Потому покоя возжелалъ.
Я былъ свѣдущъ—въ самоогорченьи,
Способъ мой считался наилучшимъ,
Мудрости же высшей былъ я чуждымъ.
Потому отбросилъ способъ свой.
Я ушелъ искать Нирваны высшей.
Отодвинувъ отъ себя рожденье,

Сбросивъ смерть, болѣзнь, искалъ я мѣста,
Гдѣ неумирающей покой.
Потому, познавши эту правду,
Я законъ огнепоклонства бросилъ,
И оставилъ жертвоприношенье,
Связанное съ дѣйствиємъ огня“.
Чтимый міромъ, слыша Касіану,
И желая міръ подвигнуть къ благу,
Къ Касіанѣ дальше обратился:
„Такъ! Добро пожаловать! Приди!
Ты желаненъ здѣсь, учитель мощный,
Отличилъ Законъ ты отъ закона,
Высочайшей мудрости достигъ ты.
Предъ собраньемъ этимъ, я теперь
 Попрошу тебя явить блестяще
 Всѣ твои высокія свершенья,
 Восхвали же своего Владыку,
 И свои сокровища открой“.
Тотчасъ же, въ присутствіи собранья,
Тѣло погружая въ безтѣлесность,
И въ восторгъ моленный повергаясь,
Онъ въ пространство вышнее взошелъ.
Тамъ себя предъ взорами явилъ онъ,
Ходя, стоя, сидя, засыпая,
Паръ огнистый испуская тѣломъ,
Справа, слѣва пламень былъ съ водой,—
Тѣло же его не обжигалось,
Тѣло же его не увлажнялось,—
Тучу дождевую испустилъ онъ,
Грянулъ громъ и молнія зажглась,
И Земля, и Небо содрогались,—
Такъ внушилъ онъ міру восхищенье,
И глаза на яркій блескъ смотрѣли,
Этимъ яркимъ блескомъ не слѣпясь.

И уста различныя хвалили,
Но языкъ единый былъ въ хваленіи,
Зрѣлище чудесное плѣнило,
И потомъ перемѣнилось все,—
Силою духовною влекомы,
Всѣ къ ногамъ Учителя склонились,
Воскликая: „Будда—нашъ учитель!
Чтимаго мы всѣ—ученики“.
Такъ узнали всѣ, что Совершенный
Истинно Всезнающимъ зовется.
Къ Бимбисарѣ Раджѣ обратившись,
Будда слово должное сказала:
„Да внимая—всѣ уразумѣють.
Чувствами, и мыслями, и духомъ
Властвуетъ законъ рожденья—смерти.
Если ясно узришь то пятно,
Четкое получишь воспріятье;—
Получивши четкость воспріятья,
Знаніе себя получишь съ этимъ,
Воспріятье чувства побѣдишь;—
Разъ себя узнаешь, и узнаешь
Путь, который указуютъ чувства,
Мѣста нѣтъ для «Я» тогда, ни почвы,
Чтобы это «Я» образовать;—
Всѣ нагроможденія печали,
Скорби жизни, боль, и скорби смерти
Видишь какъ неотдѣлимость тѣла,
Тѣло же увидишь не какъ «Я»,
И для «Я» не узришь въ тѣлѣ почвы:—
Въ этомъ есть великое открытѣе,
Въ этомъ есть безсмертный ключъ покоя,
Въ этомъ безконечность тишины.
Это мысль о самости—источникъ,
Что несчетность болѣе порождаетъ,

Міръ, какъ бы веревками, связуетъ,
 Знай, что «Я» не свяжешь,—нѣтъ и путь.
 Свойства «Я» узнавъ, порвешь веревки,
 Размыкаясь—цѣпи исчезаютъ,
 Это узришь,—вотъ освобожденъе,
 Да погибнетъ ложный помысль «Я»!
 Тѣ, что «Я» поддерживаютъ въ мысли,
 Или говорятъ, что «Я» есть вѣчно,
 Или говорятъ, что погибаетъ,—
 Если взять предѣлы—жизнь и смерть,—
 Заблужденъе ихъ весьма прискорбно.
 Если «Я» не длится,—плодь стремленья,
 Достиженъе, также погибаетъ,
 Разъ не будетъ Послѣ—плодь погибъ;
 Если-жь это «Я» не погибаетъ,—
 Въ средоточьи смерти и рожденъя
 Тожество одно лишь есть, пространство,
 Что не рождено, и не уреть.
 Если это «Я» есть въ ихъ понятьи,
 Значить все живое есть едино:—
 Есть во всемъ такая неизмѣнность,
 Самосовершенная, безъ дѣлъ.
 Если-жь такъ, такая если самость
 Дѣйствуетъ, такъ самость есть владыка:—
 Что жъ тогда заботиться о дѣлѣ,
 Если все ужъ сдѣлано давно?
 Если это «Я» неистребимо,
 Разумъ скажетъ—«Я» и неизмѣнно,
 Мы же видимъ радость и печали,—
 Гдѣ же постоянству мѣсто тутъ?
 Зная, что въ рожденіи свобода,
 О пятнѣ грѣха я мысль отброшу,
 Длится міръ, и все здѣсь въ мірѣ длится,—
 Что-жь объ избавленіи мечтать?
 Чтó и говорить объ устраниеніи

Самого себя, разъ ложь есть правда?
 Ежели не «Я» свершаетъ дѣло,
 Кто же, вправду, говорить о «Я»?
 Но коли не «Я», свершаетъ правду,
 Нѣтъ здѣсь «Я», свершающаго дѣло,—
 Ежели жь отсутствуютъ здѣсь оба,
 Правда въ томъ, что вовсе нѣтъ здѣсь «Я».
 Нѣтъ того, кто дѣлаетъ и знаетъ,
 Нѣтъ Владыки,—несмотря на это
 Вѣчно длится смерть здѣсь и рожденье,
 Каждый день есть утро, есть и ночь.
 Слушайте жь теперь меня, и слыште:—
 Шесть есть чувствъ, и шесть предметовъ чувства,
 Слитые взаимно въ шестеричность,
 Шестеричность знанья создаютъ.
 Чувства, и предметы чувства, съ знаньемъ,
 Единясь, родятъ прикосновенья.
 Межь собой они переплетаясь,
 Сътъ воспоминанія родятъ.
 Какъ стекло и труть, чрезъ силу Солнца
 Возжигаютъ огненное пламя,
 Такъ, чрезъ чувства и предметъ, есть знанье,
 А чрезъ знанье есть Владыка самъ;—
 Стебель есть изъ сѣмени стремленье,
 Сѣмя есть не то же, что есть стебель,
 Не одно, и все же не другое:—
 Вотъ, въ рожденьи, все, что здѣсь живеть“. ✓
 Чтимый міромъ проповѣдалъ правду,
 Первоправду далъ онъ въ равновѣсьи,
 Такъ, къ царю со свитой говорилъ онъ,
 Бимбисара Раджа свѣтель былъ.
 Всѣ съ себя бывлыя пятна стеръ онъ,
 Получилъ моленное онъ зрѣнье,
 Сотня тысячъ духовъ съ нимъ внимала,
 И безсмертный слышала Законъ.

17. СВИТА.

Главу склонивши, Бимбисара Раджа
Учителя просить принять въ подарокъ
Бамбуковую рощу, Будда принялъ,
При этомъ безглагольность сохранить.
Царь, смыслъ понявъ, склонился предъ Высокимъ,
И отбылъ въ свой дворець, а Чтимый міромъ
Пошелъ, великимъ окружень собраньемъ,
Чтобъ отдохнуть въ бамбуковомъ саду.
Здѣсь, всѣхъ живущихъ обращалъ онъ къ правдѣ,
И возжигалъ для всѣхъ лампаду мысли,
Устанавливалъ верховнаго онъ Брамю,
И жизне-мудрыхъ точно подтверждалъ.
А въ это время, Асваджитъ и Вашпа,
Съ спокойнымъ сердцемъ и храня безгласность,
Вошли въ тотъ пышный городъ Раджагригу,
Настало время пищи попросить.
Достоинствомъ и мягкостью движеній
Тѣ двое были въ мірѣ несравненны,
Владыки и владычицы, ихъ видя,
Возрадовались въ ласковыхъ сердцахъ.
И тѣ, что шли, остановились молча,
Что были впереди, тѣ подождали,
Что были позади, тѣ поспѣшили,
И каждый на двоихъ смотрѣлъ свѣтло.

И межъ учениковъ неисчислимыхъ
Одинъ великой славой окружень былъ,
Онъ назывался въ мірѣ Шарипутра,
На тѣхъ двоихъ съ восторгомъ глянулъ онъ.
Изящество движеній ихъ увидя,
Въ движеняхъ ихъ покорственныя чувства,
Достоинство размѣрнаго ихъ шага,
Поднявши руки, онъ ихъ спросилъ:
„Въ лѣтахъ вы млада, въ ликѣ же достойны,
Такихъ какъ вы не видывалъ я раньше.
Какому послушаете закону?
И кто учитель вашъ, что васъ учили?
И въ чемъ ученье? Что вы изучили?
Прошу, мои сомнѣнья разрѣшите“.
Одинъ изъ Бхикшу, радуясь вопросу,
Привѣтственно-охотно отвѣчалъ:
„Всеѣдущій рожденъ въ семьѣ Икшваку,
Что межъ людей и межъ Боговъ есть первый,
Единый онъ—великій мой учитель.
Я юнъ, и солнце правды лишь взошло,
Смогу ли изложить его ученье?
Глубокъ въ немъ смыслъ, для пониманья труденъ,
Но нынѣ, сколько скудость мнѣ дозволить,
Его я мудрость вкратцѣ изложу:—
Вее то, что есть, исходитъ изъ причины.
И жизнь и смерть разрушены быть могутъ,
Какъ дѣйствіе причины. Путь же—въ средствѣ,
Которое онъ четко возвѣстил“.
И Упатішія, рожденный дважды,
Сердечно то воспринялъ, что услышалъ,
Всю мнимость чувства стеръ съ себя, и окомъ
Увидѣвшимъ онъ воспріялъ Законъ.
Причинность достовѣрную онъ понялъ,
Всей мудростью не-самости проникся,

Туманъ несчетныхъ малыхъ смуть содвинулъ:—
 Отбросишь мысль о «Я»,—нѣтъ больше «Я».
 Коль Солнце встоло—кто ночникъ засвѣтитъ?
 И стебель срѣжь,—цвѣтъ лотоса съ нимъ срѣзанъ,
 Такъ стебель скорби словомъ Будды срѣзанъ,
 Скорбь не взростеть, и Солнце шлетъ лучи.
 Предъ Бхикшу преклонился онъ смиренно,
 Пошелъ домой. А Бхикшу, подаянья
 Собравши, въ садъ бамбуковый вернулись.
 Придя домой съ сиящимъ лицомъ,
 Являлъ видъ необычный Шарипутра,
 Мадгалііяна, ему содружный
 Что былъ равно ученостью прославленъ,
 Его увидя ласково сказалъ:
 „Я замѣчаю, ликъ твой необыченъ,
 Какъ будто весь твой нравъ перемѣнился,
 Ты счастливъ, ты владѣешь вѣчной правдой,
 Не безъ причины эти знаки всѣ“.
 И тотъ отвѣтилъ: „Совершенный молвилъ
 Слова, какихъ еще не раздавалось“.
 И повторилъ онъ возвѣщенье правды,
 И тотъ, другой, узрѣлъ душой Законъ.
 Когда давно посажено растенье,
 Оно приноситъ плодъ свой благотворный,
 И если въ руки дашь кому лампаду,—
 Былъ въ темнотѣ, но вдругъ увидитъ онъ.
 Внезапно такъ увѣровалъ онъ въ Будду,
 И оба къ Буддѣ тотчасъ устремились,
 И двѣсти пятьдесятъ за ними вѣрныхъ.
 И Будда, ихъ увидя, возвѣстилъ:
 „Отмѣчены тѣ двое, что приходятъ,
 Межъ вѣрныхъ возносятся будутъ ярко,
 Одинъ своею мудростью лучистой,
 Другой же чудотворностью своей“.

И гласомъ Брамь, нѣжнымъ и глубокимъ,
„Благословененъ вашъ приходъ“, сказалъ имъ.
„Здѣсь тихая и чистая обитель“,
Сказалъ онъ, „Ученичеству—конецъ“.
Тройной въ рукахъ у нихъ явился посохъ,
Сосудъ съ водой предъ ними появился,
Мгновенно каждый принялъ постриженье,
Ихъ ликъ былъ словомъ Будды измѣненъ.
Тѣ два вождя, и вѣрная ихъ свита,
Принявши заверченный обликъ Бхикшу,
Простертыя, предъ Буддою упали,
И, вставши, сѣли около него.
Въ то время былъ мудрецъ, рожденный дважды,
Онъ Вѣдающій звался, Агнидатта,
Прославленъ былъ, и завершенъ онъ въ ликѣ,
Богатъ, имѣлъ достойную жену.
Но бросилъ это все, ища спасенья,
И сдѣлался отшельникомъ молельнымъ.
Близъ башни шель онъ—Башни Многодѣтской—
Внезапно Сакью Муни увидалъ.
Блистателенъ былъ ликомъ Сакья Муни,
Какъ вышитое знамя храмовое.
Почтительно къ Высокому приблизясь,
Онъ, приклонясь къ его ногамъ, сказалъ:
„О, долго я сомнѣнныя терзался.
Когда бъ ты восхотѣлъ возжечь лампаду!“
И Будда зналъ, что тотъ, рожденный дважды,
Чистосердечно правый путь искалъ.
Привѣтливимъ онъ голосомъ промолвилъ:
„Искателя приходъ благословененъ“.
Уставъ благой былъ обнять ждущимъ сердцемъ,
И Будда изъяснилъ ему Законъ.
Мудрецъ былъ послѣ названъ Многовѣдецъ.
Онъ раньше говорилъ:—„Душа и тѣло

Различны“, говорилъ:— „Одно и то же“,
„Есть «Я», и также мѣсто есть для «Я»“.
Теперь свои ученья онъ отбросилъ.
И лишь узрѣлъ, что скорбь все громоздится,
И правила узналъ, какъ скорбь исчерпать,
Дабы освобожденія достигъ.
Превратность лика—шаткая опора,
Въ хотѣннхъ жадномъ —дикость смутныхъ мыслей,
Но, если это сердцемъ отодвинешь,
Нѣтъ ни друзей, ни недруговъ, ни въ чемъ.
И если сердце жалостью согрѣто,
И ко всему съ благимъ идетъ воленьемъ,—
И ненависть, и гнѣвъ тогда растаютъ,
Есть равновѣсье свѣтлое въ душѣ.
Соотношеньямъ довѣряясь внѣшнимъ,
Въ умѣ взметаешь призрачныя мысли,
Но мыслью эти тучи разгоняешь,—
Болотный огонекъ бѣжитъ ея.
Ища освобожденья, погасилъ онъ
Невѣрное хотѣнне, стремленье,
Но сердце безпокойное дрожало,
Какъ въ вѣтрѣ гладь воды приѣмлетъ рябь.
Затѣмъ войдя въ глубины размышленья,
Покоемъ покорилъ онъ духъ смущенный,
И понялъ онъ, что „Я“ не существуетъ,
Рожденіе и смерть—лишь тѣнь одна.
Но выше былъ безсиленъ онъ подняться,
Исчезло „Я“, и все съ нимъ потонуло.
Теперь же факель мудрости зажегся,
И мракъ сомнѣнья, дрогнувъ, побѣждалъ.
Онъ явственно увидѣлъ предъ собою
Конецъ того, что было безконечно,
И десять разныхъ точекъ совершенства,
Разчаровавши тьму, онъ сосчиталъ.

Убиты десять зеренъ огорченья,
Еще однажды къ жизни онъ вернулся,
Что долженъ былъ онъ сдѣлать, то онъ сдѣлалъ,
И посмотрѣлъ Учителю въ лицо.
Онъ отстранилъ три жгучія отравы,
Невѣдѣнье, хотѣніе, и злобу,
Три воспріялъ сокровища въ замѣну,
То—Община, и Будда, и Законъ.
И къ тремъ ученикамъ пристало трое,
Какъ три звѣзды въ тройномъ звѣздятся Небѣ,
И троезвѣздье, въ яркомъ повтореньи,
Служило Буддѣ, Солнцу между звѣздъ.

18. ЩЕДРЫЙ.

Быль въ то время нѣкій благородный,
Имя чье—Другъ Бѣдныхъ и Сиротъ,
Быль богатъ онъ выше всякой мѣры,
И въ щедротахъ былъ неистощимъ.
Съ Сѣвера пришелъ онъ, изъ Кошалы,
И гостилъ у друга своего,
Имя чье хранить преданье—Чула.
Услыхавъ, что Будда въ мѣръ пришелъ,
Что живетъ въ бамбуковой онъ рошѣ,
Что блестящи качества его,
Въ ту же ночь отправился онъ въ рошу,
И предъ ликомъ Свѣтлаго предсталъ.
Совершенный зналъ, кто прибылъ въ рошу,
Видѣлъ сердце чистое его,
И его по имени назвавши,
Ласково съ нимъ такъ заговорилъ:
„Радуюсь правдивому Закону,
Съ сердцемъ кроткимъ къ вѣдѣнью стремясь,
Побѣдивъ желаніе дремоты,
Ты пришелъ явить почтенье мнѣ.
Такъ какъ мы увидѣлись впервые,
Я свое ученье изложу,
И тебя привѣтствую достойно,
Видя свѣтлый плодъ твоихъ заслугъ.“

Въ рядѣ предъидущихъ воплощеній,
Корень блага твердо посадивъ,
Ты взростилъ растенье ожиданья,
И оно блестяще расцвѣло.
Услыхавши нынѣ имя Будды,
Ты душой своей возликовалъ,
Ибо ты сосудъ для правосудья,
Скромный въ духѣ, ты изящно-щедръ.
Ты въ дѣлахъ обильно благотворишь,
Помощь тѣмъ, кто помощи лишень,
Именемъ владѣешь знаменитымъ,
И заслуга въ немъ свершенныхъ дѣлъ.
Ты свершаешь, повинуюсь сердцу,
И за то, что щедро ты даешь,
Отъ меня, какъ даръ, прими Нирвану,
Щедрый даръ Безвѣтрія души.
Мой уставъ исполненъ благодати,
Можетъ онъ спасать отъ злыхъ дорогъ,
Изводить изъ спутанностей жизни,
Человѣка въ Небо возводить.
Все же, не желай восторговъ Неба,
Ихъ искать—великое есть зло,
Ибо въ возростаніи хотѣнья,
Какъ попутный призракъ, скорбь ростеть.
Укрѣпись въ искусствѣ отреченья,
Не ищи, не жаждай, не хоти,
Въ томъ отрада тихаго покоя,
Ясный смыслъ Безвѣтрія души.
Смерть, болѣзнь, и старость, это боли,
Троекратно скорби міровой.
Міръ понявъ, мы устранимъ рожденье,
Дряхлый возрастъ, и болѣзнь, и смерть.
Человѣкъ наследуетъ въ рожденьи
Дряхлый возрастъ, и болѣзнь, и смерть,

И когда онъ вновь родится въ Небѣ,
Къ этому же тамъ онъ приведенъ.
Нѣтъ ни для кого тамъ продолженья,
Если жъ нѣтъ, то въ этомъ самомъ скорбь,
А когда ты преисполненъ скорби,
Въ этомъ нѣтъ «доподлиннаго Я».
Если же восторгъ безъ продолженья
Есть не «Я», а только скорбь одна,
Въ этомъ только скорбь повторной скорби,
Накопленье новое скорбей.
Истреби же эту скорбь, въ томъ радость,
Путь къ тому—спокойствіе души.
Міръ, по существу, всегда тревоженъ,
Корень пытки въ этомъ вижу я.
Чтобъ ручей не видѣть въ истеченьи,
Наложи печать на самый ключъ.
Пусть ни жизнь, ни смерть тебя не тронуть,
Этихъ двухъ враждебныхъ не желай.
Загляни глубоко въ міръ обширный,
Ты увидишь дряхлость, смерть, недугъ,
Міръ объять пожаромъ всеохватнымъ,
Пепелище, гдѣ ни посмотри.
Видя это вѣчное томленье,
Мы должны стремиться къ тишинѣ,
Слитны быть въ одномъ великомъ Сердцѣ,
Въ свѣтлую Обитель отойти.
Пусто все! Нѣтъ «Я»! Для «Я» нѣтъ мѣста!
Этотъ міръ—созданіе мечты,
Мы—огрожденіе осадковъ,
Мы—переплетеніе сѣмянъ“.
Благородный, слыша это слово,
Первой грани святости достигъ,
Осушилъ онъ море жизне-смерти,
И осталась капля лишь одна.

Въ сторонѣ отъ общества людскаго,
 Погашая вспышки всѣхъ страстей,
 Онъ достигъ безличныхъ состояній,
 Тучи тьмы разъялись передъ нимъ.
 Такъ, порой, летитъ осенній вѣтеръ,
 Разгоняетъ въ небѣ облака.
 И достигъ онъ истиннаго зрѣнья,
 Заблужденья прочь толпой ушли.

Размышляль о мірѣ онъ глубоко.
 Этотъ міръ не сотворенъ Творцомъ,
 Ишвара не есть его причина,
 Но не безпричиненъ этотъ міръ.
 Еслибъ міръ былъ Ишварою созданъ,
 Еслибъ былъ Творцомъ онъ сотворенъ,
 Не было бъ ни старыхъ въ немъ, ни юныхъ,
 Не было бы послѣ, ни теперь.
 Не было бъ пяти дорогъ рожденя,
 Перевоплощенія въ мірахъ,
 И когда бъ, однажды, кто родился,
 Онъ бы ужъ разрушиться не могъ.
 Не было бы скорби и злосчастья,
 Не было бъ ни зла здѣсь, ни добра,
 Ибо то, что чисто, и не чисто,
 Все бы исходило отъ Творца.
 И когда бы міръ Творцомъ былъ созданъ,
 Рѣчь о томъ бы вовсе не велась,
 Ибо сынъ отца всегда признаетъ,
 И съ почтеньемъ говоритъ «Отецъ». 1511
 Люди, угнетаемые горемъ,
 На него бъ не поднимали бунтъ,
 Самосуществующему, только бъ
 Отдавали дань любви сполна.
 Еслибъ было такъ, все было бъ ясно,

Виденъ былъ бы всѣмъ истокъ всего,
Одного бы Бога почитали,
И другихъ бы не было Боговъ.
И когда бы Ишвара Творцомъ былъ,
Не былъ бы онъ въ самобыти:
Ибо если бъ нынѣ былъ Творцомъ онъ,
Долженъ былъ бы быть Творцомъ всегда.
Самосуществующимъ бы не былъ,
Ибо въ немъ бы замысль дрожаль.
Если же безъ замысла онъ былъ бы,—
Былъ бы онъ какъ малое дитя.
И во всемъ, что живо, скорбь и радость,
Если причиняетъ ихъ Творецъ,—
Значить любить онъ и ненавидить,
Самобытія здѣсь вовсе нѣтъ.
И когда бъ Творецъ все это создалъ,—
Дѣлать ли добро, иль зло тогда,
Было бъ совершенно безразлично,
Все тогда его, и все есть въ немъ.
Если жъ рядомъ съ нимъ, другой есть кто-то,
Значить, онъ не есть конецъ всего.
Помысль о Творцѣ отбросить надо,
Самъ опровергаетъ онъ себя.
Если скажемъ мы: Само-природа
Есть Творецъ—ошибочно и то:—
Что не изъ чего не истекаетъ,
Истечение какъ же дастъ оно?
Между тѣмъ кругомъ все въ мірѣ связно,
Изъ причинъ и слѣдствій все идетъ,
Какъ растутъ изъ сѣмени побѣги:—
Доводъ отвергаетъ самъ себя.
Не само-природой все возникло.
Если жъ скажемъ—все черезъ нее,
Все бъ она собою наполняла,

Нечего бы дѣлать было ей.
И само-природа, какъ понятъе,—
Ежели понятъе примемъ мы,—
Исключаетъ видоизмѣненъя,
Въ мірѣ жъ все мѣняется вездѣ.
Разъ само-природа есть причина,
Что жъ освобожденъя намъ искать?
Сами мы владѣемъ той природой,
Жизнь и смерть претерпимъ безъ борьбы.
Ибо, если кто освободится,
То само-природа, вновь и вновь,
Выстроить ему бѣду рожденъя.
Слѣпота ли зрѣніе родить?
Видимъ дымъ,—мы знаемъ есть и пламень,
Дѣйствіе съ причиной суть одно,
И само-природа, неразумъе,
Разумъ не могла бы сотворить.
Если видимъ чашу золотую,
Вся она изъ золота сполна.
И само-природу, какъ источникъ,
Видя міръ, должны отринуть мы.
Если время есть причина міра,
Вольности напрасно намъ искать:—
Постоянно время, неизмѣнно,
Промежутки должно претерпѣть.
Какъ въ рядахъ Вселенной нѣтъ предѣловъ,
Въ промежуткахъ времени—въ мірахъ—
Нѣтъ границъ, и нѣтъ имъ остановки,
Въ тѣхъ моряхъ лишь можемъ мы тонуть.
Если «Я» вселенское—причина,
Міровое «Я»—Творецъ міровъ,
Радостью бѣ одно другому было,
Лишь одна бѣ пріятственность была.
Въ этомъ мірѣ не было бѣ злой Кармы,

Наши же дѣянья создаютъ
 Доброе сплетеніе и злое,—
 Ложенъ доводъ мірового «Я».
 Если скажемъ мы—Творца нѣтъ вовсе,
 Вольность—безполезная мечта:—
 Если все собою достовѣрно,
 Что жь пытаться это измѣнять?
 Между тѣмъ, различныя дѣянья,
 Въ мірѣ и даютъ различный плодъ,
 Значить, все исходитъ въ этомъ мірѣ
 Изъ одной причины, иль другой.
 Не Ничто—причина всѣхъ явленій,
 Есть и духъ, и убыль духа есть;
 Все—въ связи причинности законной,
 Неразрывна цѣпь, звено къ звену“.

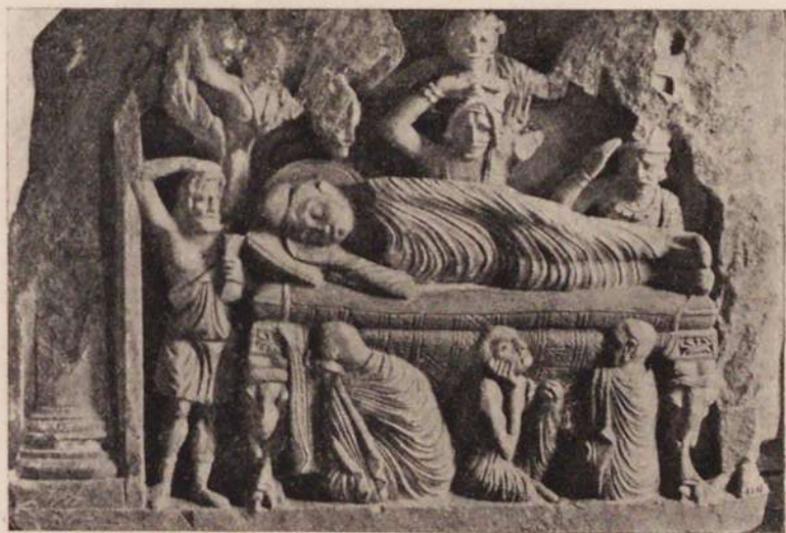
Благородный, слышавшій то слово,
 Въ сердцѣ ощутилъ лучистый свѣтъ.
 Построенія правды онъ воспринялъ,
 Мудрость въ сочетаньи съ простотой.
 Укрѣпившись въ истинномъ Законѣ,
 Низко передъ Буддой преклоняясь,
 Онъ благоговѣйно сжалъ ладони,
 И его смиренно сталъ просить:
 „Въ Шравасті, живу я, край богатый,
 Тамъ царить покой и тишина,
 Прасэнаджитъ—царь страны той мирной,
 Родъ его зовется родомъ Льва.
 Это имя всюду знаменито,
 Славенъ онъ вдали, какъ и вблизи.
 Тамъ желаю я найти Обитель,
 И молю тебя ее принять.
 Въ сердцѣ Будды—это твердо знаю—
 Предпочтеній нѣтъ; не ищетъ онъ

Гдѣ бы отдохнуть; но эту просьбу
Не отринь во имя всѣхъ живыхъ“.
Будда, зная, что владѣло сердцемъ,
Побудившимъ эту рѣчь держать,
Видя помысль чистый милосердыя,
Молвилъ благородному въ отвѣтъ:
„Истинный Законъ теперь ты видѣлъ,
Сердце безъобманное твое
Любить щедрость, зная, что богатство
Шатко, и къ нему не нужно льнуть.
Если кладовая загорѣлась,
То, что ускользнуло отъ огня,
Мудрый отдаетъ другимъ охотно,
Не держась за шаткое добро.
Лишь скупецъ хранить его тревожно,
Все его боится потерять,
Позабывъ законъ непостоянства,
Въ смертный часъ теряя разомъ все.
Время есть для щедрости и способъ,
Какъ есть время въ бой идти бойцу,
Человѣкъ, способный быть щедротнымъ—
Сильный и способный есть боецъ.
Тотъ, кто щедръ—любимъ вездѣ и всѣми,
Въ имени его широкій свѣтъ,
Дружбу съ нимъ благіе цѣнять сердцемъ,
Въ смертный часъ онъ полонъ тишины.
Онъ не знаетъ боли угрызений,
Не терзаетъ жалкій страхъ его,
Демономъ не можетъ онъ родиться,
Призракомъ не будетъ онъ бродить.
Изъ щедротъ—цвѣтокъ произростааетъ,
Милосердые—золотистый плодъ,
Между кѣмъ бы щедрый ни родился,
Свѣтлый слѣдъ его идетъ за нимъ.

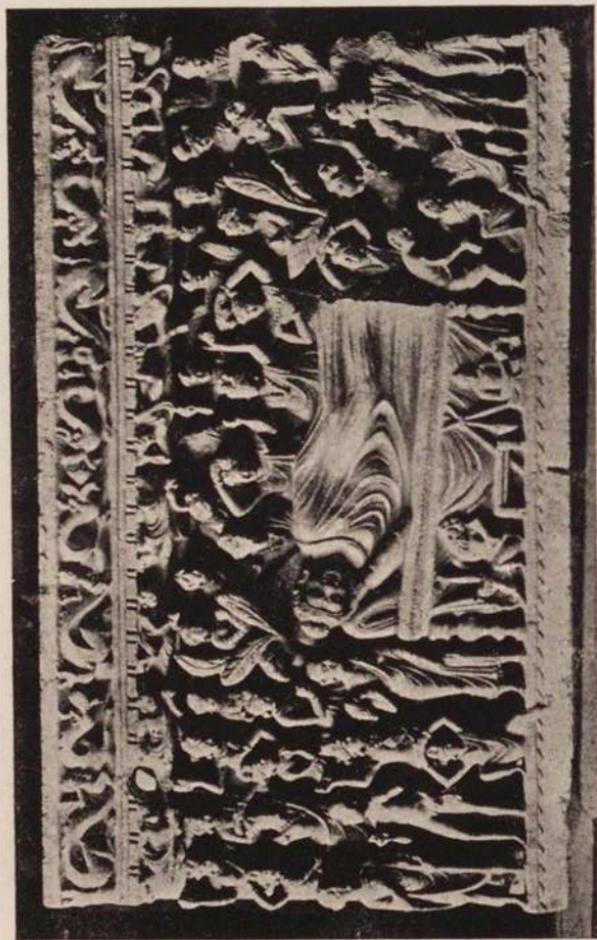
До безсмертной доходя дороги,
Мы ведомы щедростью былой,
Восьмикратный путь воспоминанья—
Озирая, радуемся мы.
Любящий и щедрый, отдавая,
Что имѣеть, гонить тѣни прочь,
Устраняетъ жадное желанье,
Копить мудрость зрячую въ душѣ.
Щедрый человѣкъ нашель дорогу,
Чтобъ достигъ конечнаго пути:—
Кто взроститъ растенье, тѣнь имѣеть,
И Нирвана щедрому дана.
Отдавая платьѣ—мы красивѣй,
Разлучаясь съ пищей—мы сильнѣй.
Основавши тихую обитель,
Надъ цвѣткомъ мы видимъ спѣлый плодъ.
И даютъ не всѣ красиво-щедро:—
Такъ даютъ, чтобъ радости найти,
И даютъ чтобъ получить сторицей,
И даютъ, чтобъ славу приобрѣсть,
И даютъ, чтобъ счастье вѣдать въ Небѣ,—
Но давая, ты даешь не такъ:—
Истинная щедрость внѣ расчетовъ,
Ты, давая, просто лишь даешь.
Что задумаль, сдѣлай это быстро!
Бродить сердце, если ждетъ чего,
Но, когда глаза открыты блугу,
Сердце возвращается домой!“
Благородный приняль поученье,
Добрымъ сердцемъ просвѣтлѣль еще,
Друга своего позвалъ въ Кошалу,
Высмотрѣль плѣнительный тамъ садъ.
Князь наслѣдный Джэта былъ владѣльцемъ,
Въ рошѣ были чистые ключи.

Къ князю во дворець пришель спросить онъ,
Не продасть ли эту землю онъ.
Князь цѣнилъ тотъ садъ необычайно,
Не хотѣлъ сперва его продать,
А потомъ сказалъ: „Коли покроешь
Золотомъ весь садъ,—бери его“.
Благородный, въ сердцѣ восторгнувшись,
Золотомъ сталъ землю покрывать.
Джэта же сказалъ: „Къ чему ты тратишь
Золото,—вѣдь садъ я не отдамъ“.
Щедрый отвѣчалъ: „Не дашь? Къ чему же
Ты сказалъ—все золотомъ покрой?“
Спорили они и препирались,
Наконецъ отправились къ судѣ.
Между тѣмъ въ народѣ говорили:
„Щедрости такой примѣра нѣтъ“.
Джэта зналъ, что въ щедромъ чисто сердце,
И спросилъ: „Что здѣсь задумалъ ты?“
Тотъ сказалъ: „Хочу создать Обитель,
Чтобы Совершенному отдать“.
Князь, едва услышалъ имя Будды,
Тотчасъ озаренье получилъ.
Золота онъ взялъ лишь половину,
Чтобъ въ Обитель часть свою внести:
„Пусть—земля твоя, мои—деревья,
Я деревья Буддѣ отдаю“.
Такъ и согласились, стали строить,
Строили и день они и ночь,
Высоко хоромина взнеслася,
Какъ дворець, одинъ изъ четырехъ.
Вымѣрены были направленья,
Правильность ихъ Будда подтвердилъ.
Диво несравненное сіяло,
Совершенный въ свой уютъ вошелъ.

Съ нимъ вошли всѣ вѣрные толпою,
Не было поклоновъ службы тамъ.
Лишь одно богатство въ немъ сіяло:—
Золотомъ горѣла мудрость въ немъ.
Щедрый же снискалъ свою награду,
Кончивъ жизнь, взошелъ на Небеса,
Сыновьямъ и внукамъ оставляя
Поле плодотворное заслугъ.

13. КОНЧИНА.

14. КОНЧИНА, СВАТЪ,
МУЗЕЙ ВЪ КАЛЬКУТТЪ.

19. СВИДАНИЕ.

Будда былъ въ странѣ Магадха,
Онъ невѣрныхъ обращалъ,
Онъ Закономъ единичнымъ
Соглашалъ различность душъ.
Измѣняя словомъ мудрымъ,
Души вель онъ къ одному:—
Такъ, когда восходитъ Солнце,
Звѣзды тонуть всѣ въ зарѣ.
И покинувъ Раджагригу,
Пятигорный этотъ градъ,
Онъ пошелъ съ учениками,
Вѣрныхъ тысяча съ нимъ шла.
Онъ пошелъ съ толпой великой,
До Нигантхи до горы,
Что вблизи Капилавасту,
Тамъ къ рѣшенью онъ пришелъ.
Онъ замыслилъ благородно
Приготовить свѣтлый даръ,
Приготовить даръ моленный
Для родителя-царя.
А учитель и совѣтникъ
Должныхъ выслали людей,
И направо, и налѣво,
Чтобы Будду увидеть.

Вскорѣ Будда былъ увидѣнъ,
Точно высмотрѣнъ былъ путь,
Тотчасъ вѣстники вернулись
Съ этой вѣстью во дворецъ.
„Бывшій долго такъ въ отлучкѣ,
Чтобы свѣточъ обрѣсти, —
Получивши озаренье,
Къ намъ царевичъ держать путь“.
Царь обрадованъ былъ вѣстью,
И съ блестящей свитой онъ,
Окруженный всею знатью,
Вышелъ сына повстрѣчать.
И неспѣшно приближаясь,
Будду издали узрѣлъ,
Красота его сверкала,
Въ ней удвоенный былъ блескъ.
Въ средоточіи великой,
Кругомъ сомкнутой толпы,
Былъ онъ словно вышній Брама
На превышенной высотѣ.
Царь покинулъ колесницу,
И съ достоинствомъ пошелъ,
Сердцемъ мысля и тревожась,
Такъ ли дѣлаетъ онъ все.
Красоту родного видя,
Въ тайнѣ сердца ликовалъ,
Все же словъ, достойныхъ мига,
Не нашли его уста.
И о томъ онъ также думалъ:
„Я въ слѣпой еще толпѣ,
Сынъ же мой великій Риши, —
Какъ мнѣ съ нимъ заговорить?“
Также думалъ онъ, какъ долго,
Какъ давно ужъ онъ желалъ

Этой встрѣчи, что случилась
Неожиданно теперь.
Сынъ его, межъ тѣмъ, приблизясь,
Сѣлъ, молчаніе храня,
Въ совершенство облеченный,
Не мѣняясь въ лицѣ.
Такъ мгновенья истекали,
И одинъ передъ другимъ,
Хоронили чувства оба,
И съ тоской подумалъ царь:
„Какъ онъ дѣлаетъ печальнымъ
И безрадостнымъ меня,
Сердце ждавшее—пустыня,
Былъ родникъ—и гдѣ родникъ?
Я похожъ на человѣка,
Что давно искалъ воды,
И ручей увидѣлъ свѣтлый,
Подошелъ—и нѣтъ ручья.
Такъ теперь я вижу сына,
Тѣ же, прежнія, черты,
Но душой какъ отчужденъ онъ,
Въ ликѣ, весь онъ, какъ взнесенъ!
Сердце онъ явить не хочетъ,
Чувства спряталъ онъ свои,
Онъ сидитъ какъ не сидитъ тамъ,
Предъ изсохшимъ я русломъ“.
Отдаленно такъ сидѣли,
Мысли билися въ умѣ,
Ихъ глаза вполнѣ встрѣчались,
Въ сердцѣ жъ радость не зажглась.
Такъ смотрѣли другъ на друга,
Какъ мы смотримъ на портретъ,
О далекомъ вспоминая,
Чью лишь тѣнь здѣсь видитъ взоръ.

Мыслилъ царь: „О ты, который
Долженъ былъ бы быть царемъ,
Могъ бы цѣлымъ царствомъ править,
Молишь пищи тутъ и тамъ!
Что за радость въ этой жизни?
Въ ней какая жь красота?
Твердъ и прямъ, какъ Златогорье,
Весь какъ солнечный восходъ,
Царь быковъ, въ походкѣ твердой,
И безтрепетный, какъ левъ,—
Но лишень почета міра,
Просишь милостыню ты!“
Духъ отца открытъ былъ Буддѣ,
Онъ любилъ его какъ сынъ,
И, чтобъ духъ его подвигнуть,
И жалѣя весь народъ,—
Онъ явилъ свою чудесность,
Въ средній воздухъ былъ взнесенъ,
И рукой Луны касался,
И до Солнца досягалъ.
И ходилъ онъ по пространству,
Измѣнялъ различно ликъ,
Раздѣлялъ на части тѣло,
Вновь его соединялъ.
Шель по водамъ какъ по сушѣ,
Былъ въ землѣ онъ какъ въ водѣ,
И сквозь каменные стѣны
Безъ помѣхи проходилъ.
Справа, слѣва, онъ изъ бока
Огнь и воду изводилъ.
Царь былъ въ радости великой,
И не думалъ какъ отецъ.
И возсѣвъ на лотосъ пышный,
Какъ на царственный престолъ,

Для отца изъ высей свѣтлыхъ
Будда выявилъ Законъ:
„Знаю царское я сердце,
И любовь, и память въ немъ,
Но да будутъ узы сердца
Вмигъ разъяты у него.
Пусть не думаетъ—о сынѣ,
Прибавляя къ скорби скорбь.
Но услышь, что сынъ твой молвить
О мольности тебѣ.
Я молитвенную пищу
Моему принеси отцу.
Царь, прими: такого яства
Сынъ отцу не приносилъ.
Путь росистый указую,
Это нѣжная роса,
Этотъ путь ведетъ къ безсмертью,
Черезъ рожденья и дѣла.
Дѣло къ дѣлу, сочетаясь,
Вырастаютъ въ долгій путь.
Какъ же тщательно должны мы
Дѣлать добрыя дѣла!
Какъ заботливо намъ нужно
Со звеномъ сплестать звено!
Въ смерти, духъ одинъ уходитъ,
Лишь въ дѣлахъ найдетъ друзей!
Ввихренъ въ омутъ этой жизни,
Въ пять большихъ ея дорогъ,
Въ колесѣ вращаясь мощномъ,
Три разряда дѣлъ творишь,—
Три разряда дѣлъ приводятъ
Къ тремъ рожденіямъ въ мірахъ:
Звѣрь, иль призракъ, или демонъ—
Силой страсти рождены.

Силой должнаго старанья
Слово съ тѣломъ укроти,
День и ночь—не въ смуть будутъ,
А въ молчаніи ума.
Только въ этомъ смыслъ конечный,
Правды жизни—нѣтъ иной.
Такъ! Три міра только пѣна,
Накипь въ морѣ въ часъ грозы.
Хочешь вѣдать наслажденье?
Приближать его къ себѣ?
Такъ къ четвертому рожденью
Приготовься дѣломъ ты.
Человѣкомъ ты и Дэвой
Черезъ рожденье воплощенъ,
Все же пять путей великихъ—
Какъ невѣрность звѣздъ ночныхъ.
Если даже для небесныхъ
Путь назначенъ перемѣнъ,—
Какъ же вѣдать человѣку
Постоянство на землѣ.
Самосдержанность—есть радость
Между радостей земныхъ!
Лишь Нирвана вѣрный отдыхъ,
То—Безвѣтріе души!
Пять усладъ, что ищемъ въ чувствахъ—
Путь опасностей и смуть,
Мы живемъ среди восторговъ
Какъ съ отравною змѣей.
Мудрый видитъ міръ горящимъ,
Мірѣ—и вокругъ него пожаръ.
Не узнаетъ онъ покоя,
Не изгнавши жизнесмерть.
Въ мѣстѣ томъ, гдѣ хочетъ мудрый
Домъ свой вѣрный основать,

Нѣтъ оружья, нѣтъ орудій,
Нѣтъ слоновъ, и нѣтъ коней.
Тамъ не мчатся колесницы,
Не идутъ ряды солдатъ.
Побѣдивъ свое желанье,
Все ты въ мірѣ побѣдилъ.
Побѣдивши мракъ незнанья,
Цѣлый міръ ты озарилъ.
Во вселенной, озаренной,
Нужно ль что еще искать?
Разъ узнавъ источникъ скорби,
Затопчи ея истокъ,
И, идя дорогой вѣрной,
Отъ рожденій, воленъ ты“.
Чудотворность сына видя,
Былъ обрадованъ отецъ,
Но, услышавъ слово правды,
Былъ онъ въ радости двойной.
Сталъ сосудъ онъ совершенный,
Чтобъ принять въ себя Законъ,
И, сложивъ свои ладони,
Восхваленье произнесъ:
„Сколь, поистинѣ, волшебно!
Свой обѣтъ ты завершилъ.
Свѣтлый замыселъ исполненъ,
Скорбь превзойдена тобой.
Сколь, поистинѣ, волшебно!
Сердце плакало мое.
Но теперь та боль исчезла,
Лишь оставивъ свѣтлый плодъ.
Сколь, поистинѣ, волшебно!
Срѣзаль нынѣ колосья я,
Что посѣянъ былъ рукою,
Волей сына моего.
Было правымъ то рѣшенье—

Санъ царя съ себя сложить,
Было правымъ то стремленье—
Покаяніе принять,
Было правымъ то желанье —
Связь семейную порвать,
Было правымъ то воленье—
Отказаться отъ любви.
Риши древніе напрасно
Похвалялись, не дойдя,
Ты жь дошелъ до свѣтлой грани,
Все, что нужно совершилъ.
И снискавъ покой желанный,
Ты покой несешь другимъ.
Мощный силой состраданья,
Избавляешь всѣхъ живыхъ.
Еслибъ ты съ людьми остался,
Сохраняя царскій санъ,—
Какъ могла бы избавленье
Получить моя душа?
Былъ бы царь ты справедливый,
Но Законъ бы не явилъ.
Узы смерти и рожденья
Ты бы намъ не разрѣшилъ.
Но, избѣгнувъ жизнесмерти,
Воплощенья побѣдивъ,
Всѣмъ живымъ ты путь означилъ,
Нѣжной блещущій росой.
И явивши власть надъ чудомъ,
Силу мудрости явивъ,
Жизнесмерть сразивъ, вознесся
Надъ Богами и людьми.
Ты царемъ бы правосуднымъ
Былъ, свой царскій санъ храня,—
Но тогда бь такой вселенской
Благодати не достигъ“.

Восхваленія закончивъ,
Онъ, въ молитвенной любви,
Царь, отецъ, предъ свѣтлымъ сыномъ,
Преклонился до земли.
Весь народъ, всѣ люди царства,
Свѣтлый тотъ Законъ понявъ,
Видя Будду-чудотворца,
И почтительность царя,—
Проникаясь просвѣтленьемъ,
И моельно руки сжавъ,
Совершеннаго почтили,
Преклоняясь до земли.
Мысли сильныя въ нихъ были,
Жизнь мірская въ нихъ прешла,
Всѣ исполнились желаньемъ
Бросить тѣсныя дома.
Много знатныхъ, много видныхъ,
Бросивъ домъ блестящій свой,
Къ вѣрной Общинѣ пристали,
Чтобъ обнять Законъ сполна.
Ананда, Тимбіла, Нанда,
Анурудха, всѣ пришли,
Чтобы стать учениками
Будды, давшаго Законъ.
За однимъ другой, и третій,
Обращеннымъ нѣтъ числа,
Приходилъ отецъ за сыномъ,
Видя вѣрныя врата.
И когда настало время
Подаянья попросить,
Будда входитъ въ пышный городъ,
И царевичъ узнанъ въ немъ.
Пѣснь хвалы и пѣснь восторга
Съ края къ краю раздалась:
„Онъ вернулся къ намъ, Сидартха,

Просвѣтленный, онъ пришелъ!"
Старъ и малъ столпились, смотря,
Окна, двери, всюду глазъ,
Онъ идетъ, сияя свѣтомъ,
Лучезарной красотой.
Ликъ его, въ одеждѣ скромной,
Словно Солнце въ облакахъ,
И внутри и внѣ онъ свѣтитъ
Какъ одинъ священный блескъ.
Всѣ смотрѣли и дивились,
Въ сердцѣ жалость и любовь,
Въ сердцѣ радость съ сожалѣньемъ,
Что какъ жертва онъ идетъ.
Съ этой бритой головою,
Темный выбравши покровъ,
Очи свѣтлыя потупя,
Безъискусственно идя.
„Посмотрите! Посмотрите!
Здѣсь бы нуженъ балдахинъ!
Онъ дракономъ могъ бы править,
А во прахѣ онъ идетъ!
Держить чашу подаяній,
Могъ бы мечъ держать въ рукѣ,
Могъ бы онъ врага любого
Побѣдить и покорить!
Могъ бы женское онъ сердце
Красотою усладить!
Могъ бы яркою короной
Возноситься надъ толпой!
Красота мужская скрыта,
Сердце вѣдаетъ узду,
Не подступить вождельнѣе,
Блескъ наряда брошенъ прочь!
Пять восторговъ правятъ міромъ,
Онъ отбросилъ пять усладъ,

И любимую супругу,
И дитя оставил онъ!
Возлюбивъ уединенье,
Онъ блуждаетъ безъ друзей,
И скорбитъ супруга горько,
Долго длится ночь вдовы!
Измѣннаго увидѣвъ
Какъ отшельника его,
Плачетъ, любить, вспоминаетъ,
Плачетъ вмѣстѣ съ ней дитя!
А когда онъ въ міръ родился,
Были знаменья на немъ,
Долженъ былъ онъ приношенья
Съ четырехъ принять морей!
Онъ къ чему жъ пришелъ въ скитаньяхъ?
Предвѣщаній всѣхъ слова
Были ложны и напрасны.
Или есть величье въ томъ?“
Такъ въ запутанныхъ реченьяхъ
Говорилъ одинъ съ другимъ,
Но спокойно Совершенный
Путь безстрастный совершалъ.
Ко всему съ любовью равной,
Одного душой хотѣлъ—
Избавленія всѣмъ людямъ
Отъ несущихъ скорбь страстей.
Этотъ замысль делья,
Въ городъ нищимъ онъ вошелъ,
Чтобы дать вѣкамъ грядущимъ
Отреченія примѣръ.
Принялъ все онъ безъ различья,
Даль богатый, даль бѣднякъ—
Чашу нищую наполнилъ,
И въ пустынность отошелъ.

Властитель міра, обративши
 Несчетный людъ Капилавасту,
 Съ великою толпою вѣрныхъ,
 Въ Кошалу путь направилъ свой, —
 Туда, гдѣ царь жилъ Прасэнáджить,
 И гдѣ Обитель Джэтава́на
 Теперь совсѣмъ была готова,
 Хоромы убраны вполнѣ.
 Въ садахъ ключи и водометы,
 Цвѣтутъ цвѣты, плоды сверкають,
 У влаги рѣдкостныя птицы,
 И пѣнье птицъ среди вѣтвей.
 Во всемъ прекрасная Обитель,
 Какъ райскіе чертоги Сивы.
 И Другъ Сиротъ идетъ навстрѣчу,
 Толпою слугъ онъ окружень.
 Цвѣты онъ щедро разсыпаетъ,
 Душистыя зажегъ куренья,
 И Совершеннаго онъ просить
 Въ Обитель свѣтлую взойти.
 Въ его рукахъ кувшинъ узорный,
 На немъ драконъ золотой сіяетъ,
 И воду онъ струею свѣтлой,
 Колѣнопреклоненный, льетъ.

То добрый знакъ, что Братству вѣрныхъ,
Во всѣ четыре края міра,
Обитель эта Джэтавана
Для тихой жизни отдана.
Владыка даръ прекрасный принялъ,
И пожеланіе гласило,
Чтобъ это царство укрѣплялось
И побѣждало силу тьмы.
Царь Прасэнаджитъ, услышавши,
Что Совершенный возвратился,
Пришелъ въ Обитель съ свѣтлой свитой,
Дабы къ ногамъ его припасть.
Сѣвъ въ сторонѣ и сжавъ ладони,
Онъ къ Буддѣ рѣчь держалъ такую:
„Мое ль невѣдомое царство
Такую заслужило честь?
Какія могутъ злополучья,
Какія могутъ здѣсь несчастья
Возникнуть, если здѣсь пребудеть
Такой великій человѣкъ?
Твое лицо святое видя,
Могу и я имѣть, быть можетъ,
Свою, желанную мнѣ, долю
Во всесвѣжительномъ ручьѣ.
Пусть много разныхъ раздѣлений,
Пусть городъ разнствууетъ по вѣрѣ,
Но, какъ высокій, такъ и низкій,
Въ широкой могутъ токъ войти.
Такъ вѣтеръ, по цвѣтушей рощѣ
Провѣявъ, запахи сливаетъ,
И лишь единымъ дуновеньемъ
Онъ благодатнымъ вѣетъ намъ.
И такъ же птицы Златогорья
Своимъ многоразличны видомъ,

И разныя мерцають тѣни,
Сливаясь въ золото одно.
Такъ могутъ быть въ одномъ собраны
Способностей различныхъ люди.
И нѣкій былъ пустынножитель,
Который, Риши напитавъ,
Звѣздой родился трилучистой.
Все бѣгло въ этомъ мірѣ шаткомъ,
И человѣкъ—хоть царь—тревожень,
Простой же—въ святости—великъ .
Зналь Будда все, что было въ сердцахъ
У Прасэнаджита, и зналь онъ,
Что два препятствія мѣшаютъ
Ему всю правду воспріять—
Чрезмѣрная до денегъ жажда,
И жажда внѣшнихъ развлеченій,
И онъ, мгновенію согласно,
Такую проповѣдь держаль:
„Я изъясню Законъ мой вкратцѣ,
И царь моимъ словамъ да внимлетъ,
И, взвѣсивъ ихъ въ своемъ мышленьи,
Да твердо держится онъ ихъ.
И тотъ, кто связанъ злою Кармой,
Способенъ радоваться Буддѣ,
Насколько жъ радуется больше—
Кто въ прошлыхъ жизньяхъ заслужилъ!
Свои свершенья я окончилъ,
Исчерпалъ жизнь: ни духъ, ни тѣло
Не могутъ властвовать мной больше,
Свободенъ я отъ всѣхъ оковъ.
Не для меня—друзья, родные,
И вотъ я нынѣ возвѣщаю:—
Дѣянья добрыя и злыя
За нами слѣдуютъ какъ тѣнь.

Какъ, значить, взнесены дѣянья
Царя, что слѣдуетъ Закону!
Онъ въ настоящей жизни славенъ,
Потомъ восходить въ Небеса.
Но небреженіе Закономъ
Приводитъ къ горькимъ злополучьямъ.
Такъ въ оно время было въ мірѣ,
Гласить преданье, два царя.
Одинъ изъ нихъ звался Кришасава,
Что значить—Тошяя Коняга,
Другой—Хираниакашипу,
Ступень Златая. Двое ихъ.
Но первый былъ благимъ владыкой
И былъ взнесенъ на выси Неба,
Второй былъ злой,—и жилъ, и умеръ,
И вновь родился—въ нищетѣ.
Что нужно—любящее сердце,
Въ немъ есть великая потреба!
Народъ царя—какъ сынъ единый,
Не угнетать его—любить.
Отбросить лживыя ученья,
Идти во всемъ прямой дорогой,
И возноситься лишь собою,
А не вставая на другихъ.
Быть другомъ тѣхъ, чья жизнь—страданье,
Не истязать себя, а также
Не возвышаться сердцемъ слишкомъ,
И знать душой, что все преидеть.
До высшей точки размышленья
Свой разумъ возносить глядящій,
И внутрь себя глядѣть упорно,
Свѣтъ счастья находить въ себѣ.
Изъ свѣта есть во тьму дорога,
И есть изъ тьмы дорога къ свѣту,

Есть мракъ, что слѣдуетъ за тѣнью,
Есть свѣтъ, съ собой несущій свѣтъ.
Кто мудръ, тотъ ищетъ больше свѣта.
Для злого слова—громкій откликъ.
И мало тѣхъ, кто хочетъ видѣть.
Но отъ свершеній—не уйти.
Что сдѣлалъ,—сдѣлалъ. Путь намѣченъ.
И слѣдъ идетъ по всей дорогѣ.
Такъ возлюби же все благое,
Иного выхода здѣсь нѣтъ.
Ты то пожнешь, что ты посѣялъ.
Какъ сдѣлалъ—сдѣланнымъ такъ будетъ.
Мы замкнуты въ горѣ скалистой,
Лишь благостью пробьешь тропу.
Рожденье, старость, и болѣзни
Насъ стерегутъ, не выпуская.
И свѣтъ усладъ есть вспышка молній,
Лишь мигъ—ты въ черной темнотѣ.
Зачѣмъ же быть неправосуднымъ?
Цари здѣсь были—словно Боги,
На Небо громоздились мыслью
И въ пыль затоптаны навѣкъ.
Круговоротъ временъ—пожаромъ
Растопить скаты Златогорья,
Растаетъ вся гора Сумеру,
Изсохнетъ Океанъ до дна.
Такъ что же нашъ невѣрный обликъ,
Тѣнь человѣка, что блѣднѣетъ?
Пузырь, на мигъ огнемъ горящій,
Черезъ мгновенье—нѣтъ его.
Сосудъ обмана наше тѣло,
Невѣрный знакъ мечты бродячей.
Черезъ страданья долгой ночи,
Приходить къ намъ мгновенно Смерть.

Кто мудръ, тотъ эти перемѣны
Спокойно видитъ зоркимъ окомъ.
Онъ не приляжетъ на дорогѣ,
Не будетъ спать въ ея пыли.
Не занятъ онъ самоусладой,
Узоръ цѣпей не закрѣпляетъ,
Онъ разрѣшаетъ постепенно
Многоразличность сложныхъ путей.
Не ищетъ дружбъ, не льнетъ къ занятьямъ,
И мудрость лишь одну блюдетъ онъ:—
Онъ убѣгаетъ ощущеній,
Лишь ощущая міръ—какъ тѣнь.
И, зная, какъ непрочно тѣло,
Его онъ все жъ не оскверняетъ.
Хотя бъ родился въ безтѣлесномъ,
Отъ перемѣнъ не убѣжать.
И потому-то такъ желаетъ
Безперемѣннаго онъ тѣла:—
Гдѣ перемѣна не мѣняется,
Невозмутимый тамъ покой.
Пока на зыбяхъ перемѣны
Свою отдѣльность воплощаешь,
Ростеть измѣна—корень скорби,
Погаснетъ «Я»—и миръ тебѣ.
Кто мудръ—уходитъ отъ страданья.
Коль дерево огнемъ объято,
Какъ могутъ птицы собираться
Среди обугленныхъ вѣтвей?
Кто мудръ—лелѣетъ это знанье,
Въ немъ свѣтъ начальный озаренья:—
Жить безъ него, его теряя,
Ошибка цѣлой жизни въ томъ.
Здѣсь—средоточье всѣхъ ученій,
Безъ средоточья—нѣтъ покоя.

Кто обожженъ горячей болью,
 Въ прохладный пусть войдетъ потокъ.
 Равно во мракъ свѣтъ лампы
 Предметамъ разноцвѣтнымъ свѣтитъ:—
 Такъ мудрость свѣтитъ приходящимъ,
 Кто бъ ни желалъ ее принять.
 Порой отшельникъ погибаетъ,
 Порою мірянинъ спасется,
 Захватень омутъ маловѣрья,
 Исходишь съ вѣрой изъ пучинъ.
 Приливъ хотѣнья прочь уноситъ,
 Кто въ вождельнни—виѣ спасенья,
 Свѣтъ мудрости—челнокъ послушный,
 И размышленіе есть руль.
 Молельность мысли завершенной—
 Призывный рокоть барабана.
 Плотину мысли строй упорно,
 Безсиленъ будетъ всякій вальъ.
 Закончилъ проповѣдь Всемудрый,
 И царь, душой ему внимая,
 Воспринялъ охлажденье къ міру,
 Къ мерцанью призрачныхъ усладъ.
 Такъ возвращаются къ разсудку,
 Когда окончена пирушка,
 И такъ дорогу уступаютъ,
 Коль мчится сумасшедшій слонъ.
 Всѣ лжеучители, увидя,
 Что тронуть царь словами Будды,
 Въ одинъ его просили голось:
 „Пусть Будда явить чудеса“.
 И царь просилъ Владыку міра:
 „Молю, исполни ихъ желанье!“
 И Будда молча согласился
 И чудотворность показалъ.

Онъ восходилъ въ высокій воздухъ,
Распространялъ кругомъ сіянье,
Какъ ослѣпительное Солнце
Своимъ присутствіемъ слѣпиль.
Всѣ лжеучители смутились,
Народъ же былъ исполненъ вѣры.
Потомъ онъ матери покойной
Законъ повѣдать восхотѣлъ.
Онъ тотчасъ же взошелъ на Небо,
Гдѣ тридцать три сіяютъ Бога,
И въ обиталищахъ небесныхъ
Три мѣсяца онъ пребывалъ.
Свѣтло обращены имъ были
Всѣ Дѣвы, жившіе въ томъ Небѣ.
Свершивши это назначенье,
Вернулся съ Неба онъ къ Землѣ.
По лѣстницѣ семи сокровищъ,
По семицвѣтной шель онъ книзу,
Его сопровождали Духи,
И снова былъ онъ на Землѣ.
Спускаясь, онъ ступилъ на мѣсто,
Куда идутъ въ возвратѣ Будды,
Земные на него смотрѣли,
Въ смиреніи ладони сжавъ.

21. ПЬЯНЫЙ СЛОНЪ.

Мать на Небѣ обративши,
И толпы небесныхъ Духовъ,
Къ людямъ онъ опять вернулся
Обращать еще другихъ.
Джива, Сула, Чурна, Анга,
Ніагродха и другіе.
Шрикутака и Упали,
Сердцемъ слышали его.
Царь Гандхара внялъ Закону,
Сталъ отшельникомъ смиреннымъ,
Также демонъ Гимапати,
Ватаджири также, бѣсъ.
Брамачаринъ Прайянтика,
На горѣ Ваджанѣ жившій,
Вникнувъ въ тонкое значенье
Полустишья, вѣрнымъ сталъ.
Свѣтлый вождь рожденныхъ дважды,
Сильный Браманъ Кутаданта,
Жилъ въ селеніи Динамати,
Жертвамъ не было числа.
Совершенный вѣрнымъ средствомъ
Обратилъ его къ Закону,
Онъ съ обрадованнымъ сердцемъ
Шелъ по вѣрному пути.

На горѣ высокой Вѣди
Обращенъ былъ Паньчасикха,
И въ селеніи Ваннушта
Мать онъ Нанды обратилъ.
Въ пышномъ градѣ Аньчавари
Мощнымъ духомъ овладѣлъ онъ.
Бханабхадра, Шронаданта,
Свѣтомъ правды просвѣтлѣлъ.
Мощный Нага, съ злымъ волеьемъ,
Царь страны, Законъ воспринялъ,
Передъ нимъ врата раскрылись,
Путь, обрызганный росой.
И въ селѣ Ангулималѣ,
Силу дивную явивши,
Совершилъ онъ обращенія,
Къ свѣту многихъ устремилъ.
Пуридживана богатый,
Услыхавши слово Будды,
Воспріялъ Законъ немедля,
И безмѣрно щедрымъ сталъ.
И въ селеніи Падатти
Обращенъ былъ имъ Патали,
И съ Патали былъ Патала,
Двое братьевъ, каждый—бѣсъ.
Два Брамина въ Бхидхавали,—
Мощный Вѣкъ, и Возрастъ Брамь,—
Съ нимъ вступивши въ споръ глубокой,
Сердцемъ приняли Законъ.
Какъ пришелъ онъ въ Вансали,
Обратилъ бѣсовъ онъ Ракша,
Обращенъ былъ съ ними также
Тотъ, чье имя было Левъ.
До горы пришелъ онъ Алы,
Бѣсъ тамъ Алава гнѣздился,

И другой тамъ былъ Кумара,
Асидака третій былъ.
Обратилъ бѣсовъ онъ этихъ.
Къ Гайясиртѣ путь направилъ,
Обращень былъ бѣсъ Каньджана,
И пришелъ онъ въ Бенаресъ.
Обратилъ купцовъ богатыхъ,
И сандаловый онъ теремъ
Принялъ въ даръ отъ обращенныхъ,
Благовонный до сихъ поръ.
И пришелъ онъ въ Магивати,
Обратилъ молельныхъ Риши.
И ступилъ ногой на камень,
До сихъ поръ тамъ виденъ слѣдъ.
Колесо на немъ двойное,
Въ колесѣ сияютъ спицы,
Десять сотенъ спицъ блистаетъ,
Свѣтлый слѣдъ неистребимъ.
Такъ въ концѣ, порядкомъ должнымъ,
Всѣ, что въ воздухѣ проходятъ,
Всѣ, что воду возлюбили,
Были имъ обращены.
Такъ съ высотъ сияетъ Солнце,
Свѣтъ доходить въ темный погребъ,
Жаръ лучей пронзаетъ холодъ,
Темный погребъ озаренъ.

Въ это время Дэвадатта,
Совершенства Будды видя,
Въ сердцѣ завистью ужаленъ,
Власть мышленья потерялъ.
Измышлялъ дѣла онъ злыя,
Чтобъ законъ остановился.
Онъ взошелъ на Гридракуту,

Камень тяжкій покатишь.
Былъ на Будду онъ нацѣленъ,
Но, съ горы скатившись, камень
Раздѣлился на двѣ части,
И прошесть по сторонамъ.
Неуспѣхъ увидя въ этомъ,
Онъ изъ царскихъ загородокъ
Отпустилъ, на путь прохожій,
Дико-пьянаго слона.
Вознося могучій хоботъ,
И стремя раскаты грома,
Этимъ хоботомъ трубилъ онъ,
И дыханьемъ заражалъ.
Сумасшедшее дыханье
Поднималось чадной тучей,
Дикій бѣгъ его былъ вѣтеръ,
Сумасбродная гроза.
Если кто касался только
Ногъ, хвоста, клыковъ грозящихъ,
Или хобота слоновья,
Онъ мгновенно умиралъ.
Такъ бѣжалъ тотъ слонъ свирѣпый
По дорогамъ Раджагриги,
Изступленно убивая
Попадавшихся людей.
Ихъ тѣла лежать повсюду,
Мозгъ разбрызганъ, кровь алѣеть,
Это видно издалека,
Всѣ сидятъ въ своихъ домахъ.
Въ Раджагригѣ страхъ и ужась,
Слышны крики, слышны вопли,
Кто—за городомъ, стремится
Въ ямѣ жизнь свою спасти.
Совершенный въ это время

Путь держаль свой въ Раджагригу,
Съ высоты воротъ просили
Будду въ городъ не вступать.
Съ нимъ пять сотенъ было Бхикшу,
Всѣ они сокрылись въ страхѣ,
Только Ананда остался,
Вѣрность Буддѣ сохранилъ.
Но одной лишь мыслью полонъ,
Укротить любовью ярость,
Шель спокойно Совершенный
Къ сумасшедшему слону.
Пьяный слонъ увидѣлъ Будду,
Дикимъ окомъ быстро глянулъ,
И придя, предъ нимъ склонился,—
Пала тяжкая гора.
Лотось-руку протянувши,
Приласкалъ его Владыка,
Какъ свѣтло ласкаетъ тучу
Устремленный лучъ Луны.
И, пока, къ землѣ припавши,
Слонъ лежалъ у ногъ Владыки,
Мѣрнымъ голосомъ Владыка
Молвилъ свѣтлыя слова:
„Если я драконъ могучій,
Какъ же слонъ возможетъ ранить
Быстролетнаго дракона,
Совершеннаго въ бою!
Если слонъ того захочетъ,
Онъ счастливымъ не родится,
Онъ обманется хотѣньемъ,
Тѣмъ, что Будда побѣдилъ!
Ты, валяющийся въ страсти,
Словно въ темной грязной лужѣ,
Откажись отъ путь невѣрныхъ,

Въ этотъ самый день возстань!⁴
Слонъ, услыша слово Будды,
Въ мигъ возрадовался въ сердцѣ,
Пьяный умъ сталъ трезво-яснымъ,
Пиль небесную росу.
И народъ кругомъ, увидя,
Что безумный слонъ сталъ мудрымъ,
Поднялъ радостные клики,
Это чудо вознося.
Кто едва былъ добръ, сталъ добрымъ,
Кто былъ добрымъ, сталъ добрѣ,
Кто не вѣрилъ, сталъ тотъ вѣрить,
Вѣрный—въ вѣрѣ твердымъ сталъ.
Мощный царь Аджатапатру,
Увидавши это чудо,
Былъ глубокимъ мыслямъ преданъ,
И молельнымъ сталъ вдвойнѣ,
Стройность въ мысляхъ воцарилась,
Сѣмена выросли благія,
Словно въ день, когда впервые
Люди въ мѣрѣ стали жить.
Лишь свирѣпый Дэвадатта,
Что чудесно былъ летучимъ,
Низко палъ, и пребываетъ
Въ глубочайшемъ онъ Аду.

Подвигъ трудный обращенья
Чтимый міромъ завершилъ,
И своимъ глядящимъ сердцемъ
Былъ къ Нирванѣ наклоненъ.
Онъ покинулъ Раджагригу,
Въ Цвѣтъ Бегоніи пошелъ,
Онъ пошелъ въ Паталипутру,
Какъ летитъ къ цвѣтку пчела.
По прибытіи вошелъ онъ
Въ знаменитѣйшій чертогъ,
Домъ Бегоніи онъ звался,
Свѣтлый замокъ Патали.
Этотъ градъ Паталипутра
Пограничный городъ былъ,
Защищаль предѣлы царства,
И вздымался какъ оплотъ.
Правиль царствомъ этимъ Браманъ,
Что писанья изучилъ,
И владѣлъ великой славой,
И примѣты узнавалъ.
Что къ покою, иль къ несчастью,
Возстаетъ какъ тайный знакъ,
Онъ, смотрящимъ окомъ, видѣлъ,
И разумно разбиралъ

Въ это время, царь Магадхи
Извѣстилъ его, чтобъ онъ
Въ усиленіе покоя,
Городъ рвами окопаль.
И окопы эти видя,
Чтимый міромъ возвѣстилъ,
Что благая воля духовъ—
Сильный городу оплотъ.
Былъ обрадованъ правитель,
Буддѣ онъ принесъ дары,
Чтобъ Законъ почтенъ былъ правый,
Вмѣстѣ съ Общиной его.
За ворота городскія
Будда вышелъ, и пошелъ
Онъ къ рѣкѣ могучей Гангу,
Чтобы воду перейти.
И правитель, изъ почтенья
Передъ Буддой, повелѣлъ,
Чтобы имя «Гаутамы»
Было имя тѣхъ воротъ.
Между тѣмъ народъ окрестный
Собирался у воды,
Приносилъ онъ приношенья,
Чтобъ молитвенность явить.
Предлагалъ и тотъ и этотъ—
Разукрашенный челнокъ,
Чтобы, рѣку пересѣкши,
На другомъ быть берегу.
Чтимый міромъ, видя лодки,
Ихъ несчетное число,
Не желая даже вида
Предпочтенія явить,—
Въ мигъ одинъ, духовной силой,—
Чтобъ не ранить столько душъ,—

И себя, и сонмы множествъ,
Черезъ рѣку перенесъ.
Въ этомъ онъ означилъ притчу:—
Свѣтлой мудрости ладья
Все живое, что есть въ мірѣ,
До Нирваны донесетъ.
Весь народъ, занявшій берегъ,
Вскликнулъ голосомъ однимъ.
Дивнымъ бродомъ Гаутамы
Это мѣсто нареклось.
Какъ Ворота Гаутамы
Всѣмъ извѣстны чрезъ вѣка,
Такъ до Брода Гаутамы
Каждый будетъ доходить.
Дальше шель Владыка міра,
Къ Котигамѣ онъ пришелъ,
И держалъ къ народу слово,
Много душъ онъ обратилъ.
И до Нádiки дошелъ онъ,
Много было тамъ смертей,
И пришли друзья умершихъ,
Чтобы Будду спросить:—
„Гдѣ умершіе родные?
Наши гдѣ теперь друзья?
За оконченною жизнью,
Гдѣ родиться должно имъ?“
Будда, зная цѣль дѣяній,
Каждый случай различилъ,
И удѣлы означая,
Онъ согласно отвѣчалъ.
Шель онъ дальше къ Ваисали,
И вступивши въ городъ тотъ,
Онъ въ саду прохладномъ Амры
Задержался на пути.

Амра, имя чье блуждало
Въ восхваленіяхъ людей,
Наклонилась сердцемъ къ Буддѣ,
И пошла въ цвѣтущей садъ.
Въ свитѣ женщинъ проходила,
Побѣждая красотой,
Зачарованно глядѣли,
Тѣ, что видѣли ее.
Самосдержанна, спокойна,
И надѣвъ простой нарядъ,
Такъ по саду проходила
Амра, вѣдомая всѣмъ.
Бросивъ пышныя одежды,
Благовонья и цвѣты,
Добродѣтельно ступала,
Приходя въ тѣнистый садъ.
Такъ разумная приходитъ
Долгъ молитвы совершить,
Такъ горитъ на Небѣ Дѣва
Неземною красотой.
Будда издали увидѣлъ
Приближеніе ея,
Слово къ вѣрнымъ обращая,
Такъ онъ проповѣдь держаль:
„Эта женщина сіяетъ
Несомнѣнной красотой,
Чаровать она способна
И молитвенныхъ людей.
Такъ храните жъ твердо память,
Мудрость умъ вашъ да скуеть!
Это слово говорю вамъ,
Всѣ запомните его:—
Лучше въ пасти быть у тигра,
Иль на плахѣ палача,

Чѣмъ быть съ женщиною вмѣстѣ,
Вожделѣнію служа.
Тайность чары сдѣлать явной—
Это мысль ея всегда.
Чаровать, сидить, стоять-ли,
Иль проходить, или спать.
Если даже на картинѣ
Рисовать ее должны,
Хочетъ чары всѣ означить,
Чтобъ смущать сердца мужчинъ.
Какъ же вамъ оберегаться?
Тѣмъ, что будете всегда—
И въ слезахъ ея, и въ смѣхѣ
Видѣть собственныхъ враговъ.
Врагъ вашъ—нѣжное то тѣло,
Наклоненное впередъ,
И протянутыя руки,
И волна ея волосъ.
Это вражескія сѣти,
Чтобы сердце уловить,
И распутаны тѣ пряди,
Чтобъ запутать умъ мужской.
Какъ же болѣе должны мы
Красоту подозрѣвать,
Распростершую любовность,
Изучившую себя!
Въ мигъ когда она являетъ
Очеркъ тѣла своего,
И болтаетъ говорливо,
Дремлетъ глупый умъ мужской.
И тогда, какая смута,
Коль раскрашенный тотъ ликъ
Скроетъ скорбь непостоянства,
Шаткость, тѣнь, нечистоту!

Если будешь вѣдать это,
Все хотѣніе умереть,
И тогда твой разумъ ясный
Дѣвы Неба не плѣнять.
Все жь могуча сила хоти
Въ человѣческихъ сердцахъ,
Лукъ да будетъ наготовѣ,
Съ напряженной тетивой!
Стрѣлы мудрости точите,
Да не будетъ пусть колчанъ,
Свѣтлымъ шлемомъ правой мысли
Да покроете чело!
Пять враговъ сражай упорно,
Въ пять желаній мѣтко цѣль,
Чтобъ не смѣли подступиться
И сознаньемъ завладѣть.
И желѣзомъ раскаленнымъ
Лучше вырвать вамъ глаза,
Чѣмъ на хитрый женскій обликъ
Съ вождедѣніемъ смотрѣть.
Сила хоти умъ туманить,
Манить женская краса,
Проживешь и не увидишь,
И пойдешь дорогой злой.
Между хотью и предметомъ
Есть неравенство границъ:—
Это два вола предъ плугомъ,
Но неравно ихъ ярмо.
Вмѣстѣ тянуть плугъ тяжелый,
Но одинъ его влечетъ,
А другой идетъ для вида.
Обуздайте же сердца!
Такъ сложилось это слово,
Чтобы вѣрныхъ уберечь.

Между тѣмъ, къ Владыкѣ Амра,
Не смущаясь, подошла.
Въ ней горѣло состраданье,
Сердце жалости полно,
И подумала, что рошу
Приметь въ даръ онъ отъ нея.
Самосдержанно и ясно,
Передъ Буддой преклонясь,
Тутъ, у ногъ Владыки міра,
Мѣсто выбрала она.
Онъ сказалъ: „Твой обликъ скромень,
Безъискусственень нарядъ,
Ты юна, и ты богата,
Ты красива и умна.
Чтобъ съ подобными дарами
Сердцемъ такъ принять Законъ,
Это—рѣдкостное дѣло,
Трудно въ мірѣ отыскать.
Коль мужчина копить мудрость
Черезъ рожденья вновь и вновь,
Онъ Законъ охотно приметъ,—
Это можемъ видѣть мы.
Но чтобъ женщина, чья мудрость,
Какъ и воля, коротка,
Столь объятая любовью,
Обратилась,—трудный шагъ.
На мужчинѣ вся забота,
Сила—онъ, и радость—онъ.
Лица женщины да минемъ,
Сердце въ правомъ соблюдаемъ“.
Амра слушала Владыку,
Въ сердцѣ радость возросла,
Мудрость мысли въ ней окрѣпла,
Озаренья свѣтъ горѣлъ.

15. БУДДА. ШКОЛА ГАНДХАРЫ.

МУЗЕЙ ВЪ КАЛЬКУТТЪ.

16. БУДДА. ШКОЛА ГАНДХАРЫ.
БРИТАНСКИЙ МУЗЕЙ ВЪ ЛОНДОНЪ.

Образъ женщины душою
Отвергая отъ себя,
Гнетъ желанья ниспровергла,
Мыслямъ чистымъ предалась.
Все жь свой женскій ликъ хранила,
Ибо связанъ былъ онъ съ ней,
И молитвенно сказала.
Передъ Буддой преклонясь:
„О, Владыка, въ состраданьи,
Мой смиренный даръ прими!
Пусть въ невѣдѣньи я темною,—
Въ томъ—обѣтъ моей души!“
И ея сердечность зная,
Будда принялъ этотъ даръ,
И душа ея сіяла
Въ полной радости своей.

Въ это время, средь мощныхъ Лихави,
 Пролетѣла крылатая вѣсть,
 Что въ странѣ ихъ Владыка Вселенной,
 Что онъ медлитъ у Амры въ саду.
 Пospѣшили они въ колесницахъ,
 Быль у каждаго собственный знакъ,
 Синій, красный, и желтый, и бѣлый,
 Балдахины различныхъ шелковъ.
 И, прибывши къ той роцѣ тѣнистой,
 Эти Сильные, имя чье—Львы,
 Снявши пять украшеній, смиренно
 Преклонились предъ Буддою всѣ.
 Вкругъ Учителя—тѣсные сонмы,
 И какъ Солнце сіяетъ онъ всѣмъ.
 Старшій Левъ, львинооко глядящій,
 Безъ надменности львиной внималь.
 Между тѣмъ Сакья-Левъ началъ слово:
 Я съ великими здѣсь говорю,
 Но, прошу, отложите мірское,
 И примите Ученія свѣтъ.
 Красота и богатство—желанны,
 Украшенья и запахъ цвѣтовъ,
 Но нельзя ихъ сравнить съ красотою
 Прохожденья прямого пути.

Ваши пажити столь плодородны,
Что великая слава вамъ въ томъ,
Но, чтобъ счастье въ народъ сіяло,
Правя имъ, соблюдайте Законъ.
Возлюбивши высокую правду,
Неуклонно ведите народъ,
Какъ ведетъ многоглавое стадо
Царь быковъ, черезъ рѣку идя.
Кто, храня достовѣрную память,
Все мірское въ предѣльности зрить,
Тотъ великую силу находитъ,
Проходя по прямому пути.
Кто проходитъ по дикой пустынь,
Драгоценные камни найдетъ,
Ихъ земля породила,—и будетъ
Прямодушный богатъ какъ земля.
Кто въ пустынь мірской сохраняетъ
Все достоинство свѣтлой души,
Онъ безъ крыльевъ летитъ чрезъ пространства,
Черезъ рѣки плыветъ безъ ладьи.
А безъ этого, какъ перейдетъ онъ
Черезъ пороги вскипѣвшихъ скорбей?
Налетятъ, заметутъ водоскаты,
Устремляется яростно скорбь.
Если дерево блещетъ плодами,
И въ душистыхъ сіяетъ цвѣтахъ,
Но топоръ прорубилъ основанье,—
Какъ взойти на подрубленный стволъ?
Такъ и тотъ, кто своей красотою
Или силою здѣсь знаменитъ,
Но законъ прямоты нарушаетъ,—
Онъ непроченъ въ основѣ своей.
И бывали цари, что хранили
Прямоту—въ многопышныхъ дворцахъ,

И отшельникъ порой лишь ущербъ
Прикрываль власницей своей.
Тоть, кто мудръ, чистоту соблюдаетъ,
Онъ идетъ чрезъ рожденье и смерть,
И жокакъ ему—вѣрное сердце,
Это всходъ, чтобъ взойти до Небесъ.
Чтобы лѣстницы свѣтлой достигнуть,
Самогордость въ душѣ побѣди,—
Затѣняетъ она и высоты,
Это саванъ вокругъ сердца людей.
Кто стремится къ побѣдѣ надъ внѣшнимъ,
Побѣдить не желая себя,
Тоть—безумецъ, что ищетъ опоры
Не въ твердынѣ,—въ гниломъ тростникѣ.
Кто себя отдаетъ вожделѣнью,
Тоть пожару себя предаетъ,
И пожаръ мы утушимъ водою,
А хотѣніе—чѣмъ потушить?
По сухой травянистой пустынѣ
Пробѣгаетъ проворный огонь,
Пробѣжить, отгорить, и потухнетъ,—
Нѣтъ молитвъ, если сердце сожжешь.
Отъ услады къ усладѣ—оковы,
И отъ жизни до жизни—звено,
Нѣтъ врага человѣку сильнѣе,
Чѣмъ хотѣнье, что къ Кармѣ ведетъ.
Вожделѣнье и гнѣвъ искажаютъ
Благородный чарующій ликъ,
Затемняютъ красивыя очи,
Удушаютъ туманомъ слѣпымъ.
Этотъ чадъ затрудняетъ дыханье,
И изъ міра онъ дѣлаетъ то,
Что мгновенно весь міръ легковѣсенъ
И мгновенно онъ бѣденъ и пустъ.

Ни на мигъ да не царствуетъ гнѣвность,
Тотъ, кто гнѣвное сердце сдержалъ,
Въ мѣрѣ названъ—высокій возница,
Онъ коня удержалъ на скаку.
Совершенство его колесница,
И звенить, не порвавшись, узда,
И тугія натянуты возжи,
Онъ свершаетъ намѣченный путь.
Кто же дикому сердцу дастъ волю,
Тотъ сперва свое сердце сожжетъ,
И къ пожару прибавитъ онъ вѣтеръ,
И опять онъ горитъ и горитъ.
И рожденье, и дряхлая старость,
И болѣзни, и вѣрная смерть,—
Это наши враги, а хотѣнье
Есть подмога для вражескихъ войскъ.
Увидавши, какъ скорбь многократно
Нападаетъ на мѣръ и тѣснить,
Возсіяемъ же любящимъ сердцемъ,
И любовь будетъ крѣпость для насъ“.
Совершенный, столь свѣдущій въ средствахъ,
Зная, въ чемъ коренится недугъ,
Врачеватель испытанный міра,
Лишь короткое слово сказалъ.
Услыхавши ту проповѣдь Будды,
Всѣ привстали могучіе Львы
И къ ногамъ его молча припали,
Ихъ на головы ставя свои.
И просили Учителя съ Братствомъ
Приношенія утромъ принять.
Но отвѣтилъ имъ Будда, что Амра
Ужъ назавтра его позвала.
И могучіе Львы возгордились,
И печалились въ сердцахъ они,

Но, понявъ безпристрастіе Будды,
Ощутили веселье опять.
Совершенный же, мигъ завершая,
Имъ навѣяль, въ сердца ихъ, покой.—
Такъ змѣя, зачарована, дремлетъ,
И сверкаетъ ея чешуя.
И теперь, какъ ужъ ночь миновала,
И явились предвѣстья зари,
Онъ направился съ вѣрными къ Амрѣ,
Чтобъ ея угощенье принять.
И, оттуда отбывши въ Белуву,
Пребывалъ тамъ все время дождей,
И, три мѣсяца тамъ отдохнувши,
Въ Ваисали вернулся опять.
Близъ Прудка Обезьянъго былъ онъ,
Тамъ въ тѣнистой онъ рошѣ сидѣль,
Изливая потоки сіянья,
Устремляя въ потемки лучи.
И проснулся отъ этого Мара,
Гдѣ былъ Будда, туда онъ пришелъ,
И въ смиреніи, сжавши ладони,
Такъ Учителя онъ увѣщаль:
„Раньше ты, у рѣки Найранъджаны,
Завершивши упорную мысль,
Говорилъ: «Какъ свершу, что мнѣ нужно,
Такъ въ Нирвану я тотчасъ преиду».
И отвѣтствовалъ Марѣ Учитель:
„Близокъ часъ завершеній моихъ,
Вотъ три мѣсяца только продлятся,
И въ Нирвану я, вольный, войду“.
И, узнавъ, что предѣлъ свой послѣдній
Совершенный назначилъ себѣ,
Преисполнился радостью Мара
И ушелъ въ свой небесный чертогъ.

Совершенный же, сидя подъ дровомъ,
Былъ восхищенъ восторгомъ души,
И отвергъ добровольно свой возрастъ,
И назначилъ для жизни конецъ.
И едва онъ отъ лѣтъ отказался,
Задрожала въ основахъ Земля,
Содрогнулись границы Вселенной,
Былъ повсюду великій огонь.
Закачались вершины Сумеру,
Златогорье, какъ листъ, сотряслось,
Съ Неба падали камни и влага,
Заметелились бури кругомъ.
Были вырваны съ корнемъ деревья
И, ломаясь, попадали ницъ,
И небесная музыка въ высяхъ
Сокрушенно рыдала кругомъ.
Отъ дремоты восторга возставши,
Будда міру спокойно изрекъ:
„Отъ предѣла я лѣтъ отказался,
Я живу только вѣрой одной.
Это тѣло—повозка—сломалось,
Приходить—уходить—нѣтъ причинъ,
Я свободенъ отъ дней Троемірья,
Я, какъ птица, исшелъ изъ яйца“.

Чтимый Ананда, увидя
 Сотрясеніе Земли,
 Былъ ужаснуть,—сердце въ страхѣ,
 Дыбомъ волосы его.
 Онъ спросилъ: „Откуда это?“
 Будда далъ ему отвѣтъ:
 „Я предѣлъ означилъ жизни,
 Мѣсяць трижды истечеть,
 Остальное отвергаю;
 Оттого дрожить Земля“.
 Слыша это слово Будды,
 Горько Ананда рыдалъ.
 Такъ сандаловое древо
 Сокрушаетъ тяжкій слонъ;
 Такъ текутъ по каплѣ смолы,
 Соскользая по стволу.
 И подумавши о томъ, что
 Міръ теряетъ Свѣточъ свой,
 Возскорбѣвъ глубоко, далъ онъ
 Волю сердцу своему.
 „Слышу я, что мой Владыка
 Хочетъ прочь отъ насъ уйти!
 Тѣло слабо, разумъ слѣпнетъ,
 Въ смутномъ спорѣ вся душа.

Всѣ слова забыты правды,
Пустошь—Небо и Земля!
О, спаси меня, Владыка,
Скоро такъ не уходи!
Сжался, сжался! Быль во тьмѣ я,
Быль озябшимъ, шель къ огню,
Вотъ ужь, вотъ ужь приближался,—
Вмигъ исчезъ онъ и погасъ.
Я бродилъ въ пустынѣ дикой,
Въ страхѣ путь свой потерялъ,
Вдругъ встаетъ руководитель,—
Чуть увидѣлъ, нѣтъ его.
Черезъ изсохшую трясины
Въ жгучей жадѣ проходя, —
Вотъ мнѣ озеро сверкнуло,
Я спѣшу,—изсохло все.
И ростокъ сквозь землю бьется,
Хочетъ выйти, дождь впивать,
Встала туча, всталъ и вѣтеръ,—
Нѣтъ дождя, изсохъ ростокъ.
Тѣ фіалковыя очи,
Что пронзали всѣ міры,
Озарили мракъ глубокой,—
Мигъ, и вновь сомкнулся мракъ.
Свѣточъ мудрости зажегъ намъ
Совершенный для пути,
И лампада возсіяла,—
Мигъ, и яркій свѣтъ погасъ.
Будда, Ананду услыша,
На слова его скорбѣлъ,
Кроткимъ голосомъ онъ началъ
Побѣждать его печаль:
„Если бь только люди знали
Точно, въ чемъ природа ихъ,

Скорбь свою бы не ласкали,—
Все, что живо, знает смерть.
Есть во мнѣ освобожденье,
Всѣмъ вамъ путь я указаль,
Кто замыслить, тотъ достигнетъ,—
Что жъ мнѣ тѣло сохранять?
Данъ Законъ вамъ превосходный,
Длиться будетъ онъ вѣка.
Я рѣшилъ. Взоръ мой смотреть.
Въ этомъ все заключено.
Въ бурномъ токъ этой жизни
Средоточіе избравъ,
Соблюдайте твердость мысли,
Возносите островъ свой.
Кости, кожа, кровь, и жилы,
Не считайте это—«Я»,
Въ этомъ бѣглость ощущеній,
Пузыри въ кипѣньи водъ.
И сознавши, что въ рожденьи
Только скорбь, какъ смерть есть скорбь,
Прилѣпитесь лишь къ Нирванѣ,
Къ Безмятежю души.
Это тѣло, тѣло Будды,
Также знаетъ свой предѣлъ,
Есть одинъ законъ всемѣстный,
Исключенья—никому“.
Слыша вѣсть, что Совершенный
Въ скоромъ времени умереть,
Былъ смущенъ народъ Лихави,
Собрались въ тревогѣ Львы.
И, обычаю согласно,
Почитаніе явивъ,
Въ сторонѣ они стояли,
Мыслямъ словъ не находя.

Зная, что у нихъ на сердцѣ,
Будда слово къ нимъ сказалъ:
„Видно мнѣ, что въ вашихъ мысляхъ
Не мірское въ этотъ часъ.
Васъ смущаетъ то, что нынѣ
Я рѣшилъ окончить жизньъ,
И повторностямъ рождений
Положилъ навѣкъ конецъ.
Все, что въ мірѣ существуетъ,
Вьется въ вихрѣ перемѣнъ,
И печать непостоянства
Есть печать всего, что здѣсь.
Жили въ оно время Риши,
Были свѣтлые Цари,
Всѣ прошли, отъ нихъ осталась
Память блѣдная одна.”
Съ мѣстъ своихъ нисходятъ горы,
Отойдутъ богатыри,
И Луна погаснетъ съ Солнцемъ,
Сами Боги отойдутъ.
Будды всѣ, вѣковъ минувшихъ,
Что несчетны какъ песокъ,
Возсіяли міру свѣтомъ,
И сгорѣли какъ свѣча.
Будды всѣ вѣковъ грядущихъ
Такъ же точно отойдутъ.
Какъ же быть мнѣ исключеньемъ?
Я въ Нирвану ухожу.
Но они ушли изъ міра,
Начертивъ для міра путь,—
Совершайте же благое
Въ свѣтлый свой чередъ и вы.
Въ этихъ безднахъ Троемірья
Трудно помощь отыскать,—

Возставляйте же плотину
Передъ натискомъ скорбей.
Путь извилинъ покидая,
Вверхъ идите прямокомъ,
Какъ свершаетъ кругъ свой Солнце,
До закатныхъ горъ ида“.
Съ сокрушенными сердцами
Львы пошли къ своимъ домамъ
И, вздыхая, говорили:
„Этой скорби мѣры нѣтъ!
Золотой горѣ подобно
Тѣло свѣтлое его,
И однако чрезъ мгновенье
Рухнетъ царственный утесъ.
Силы смерти и рожденья
Были слабы краткій мигъ,
Но уходитъ Совершенный,
Гдѣ жь опору намъ найти?
Миръ во тьмѣ глухой былъ долго,
За бродячимъ шель огнемъ,
Солнце мудрости возникло,
И уходитъ,—гдѣ нашъ свѣтъ?
Зыбь невѣдѣнья вскипѣла,
Хлещутъ темные валы,
Миръ всецѣло заливають,—
Гдѣ же мостъ и гдѣ паромъ?
Врачеватель возлюбившій,
Тотъ, чье снадобье есть мысль,
Исцѣлитель безпримѣрный,—
Почему уходитъ онъ?
Знамя мудрости высокой,
Знамя свѣтлое любви,
Съ сердцемъ, вышитымъ алмазомъ,
Ненагляднымъ для очей,

Стягъ небесный, знакъ прекрасный,—
Для чего жь склоняться ницъ?
Для чего жь въ одно мгновенье
Оборваться съ высоты?“
Сильный нѣжною любовью,
Совершенный былъ пронзень,
И пошелъ, скрѣпивши сердце,
Какъ закаливаютъ сталь.
Столько было въ немъ терпѣнья,
Было столько въ немъ любви,
Какъ въ цвѣткѣ, что наклонился,
Замышляя отцвѣсти.
Такъ уходятъ отъ могилы,
Гдѣ любимый схоронень,
И послѣднее прощанье
Отражается въ глазахъ.

25. ПРОЩАНИЕ.

Онъ уходилъ, идя къ своей Нирванѣ,
А Ваисали было словно мѣсто,
Что брошено. Такъ облачною ночью
На Небесахъ нѣтъ звѣздъ, и нѣтъ Луны.
Тотъ мирный край объять теперь былъ скорбью:—
Такъ плачетъ дочь, когда отецъ отходить,
Изящество ея тогда тускнѣеть,
И слово замираетъ на устахъ.
Когда онъ жилъ, тотъ любящій и мудрый,
Она умомъ сіяла, остроюю,
Духовныя теперь погасли силы,
И сердце—чуть взнесется—упадеть.
Теперь такъ точно было съ Ваисали,
Погасъ весь блескъ, что раньше былъ наружу:—
Такъ безъ воды, трава, желтѣя, сохнетъ,
И такъ дымить затоптанный огонь.
И говорилъ одинъ изъ Львовъ, ихъ главный:
„Отходить нынѣ Царь людей въ Нирвану,
Въ великое безвѣтренное мѣсто,—
А мы опоры нашей лишены.
Мы потеряли нынѣ твердость воли,
Мы какъ огонь, лишившійся топлива,
Какъ жаждущій, что влаги не находить,
Какъ зябнущій, лишившійся огня.“

Лишился міръ звѣзды руководящей,
 Болѣзнь, и смерть, и старость вседовольны,
 Они идутъ пожаромъ всеохватнымъ,—
 Какимъ дождемъ зальемъ мы тотъ огонь?
 Возлюбимъ же единственную мудрость,
 Воспомнимъ, что во всемъ непостоянство:—
 Кто это помнитъ, онъ, хотя бѣ въ дремотѣ,
 Одинъ въ ночи есть бодрствующій здѣсь“.
 Такъ, эти Львы, летѣя мудрость Будды,
 Свои сердца къ Высокому направя,
 Вдыхали о рожденіи и смерти,
 Грустя въ сердцахъ о Человѣкѣ-Львѣ.
 И нынѣ, тотъ Всевѣдущій, Всемудрый,
 Назадъ всѣмъ львинымъ тѣломъ обернулся,
 И разъ еще взглянулъ на Ваисали,
 И вымолвилъ прощальный этотъ стихъ:—
 „Въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ я нынѣ,
 Навѣки ухожу отъ Ваисали,
 Изъ края, гдѣ рождаются герои,
 Теперь я ухожу, чтобъ умереть“.
 Съ неспѣшностью идя отъ мѣста къ мѣсту,
 До Бхѳга-Нагары дошелъ въ пути онъ,
 И отдохнулъ онъ тамъ въ тѣнистой рощѣ,
 Гдѣ слово вѣрнымъ онъ своимъ сказалъ:
 „Теперь, свершивъ свой путь, войду въ Нирвану,
 А вы Законъ великій соблюдайте,
 Онъ ваша высочайшая твердыня,
 Когда вы въ немъ, вы имъ защищены.
 Того держитесь, что вамъ говорилъ я,
 Чтѣ съ этимъ несогласно, отвергайте,
 И не держитесь буквы, а глядите,
 Чтѣ золото, и что лишь примѣсь есть.
 Изслѣдовать, въ чемъ истинность основы,
 Съ такой же осмотрительностью должно,

Какъ драгоцѣнщикъ выбираетъ камни,
 И золото, чтобъ перстень былъ хорошъ.
 Не зная, что въ истомъ сказано Писаньи,
 То значить—жить и медлить въ скудоумьи,
 Недостодолжно говорить о мудромъ
 Есть то, на что не нужно и смотрѣть.
 Кто мечъ беретъ неловкою рукою,
 Тотъ только ранить собственную руку,
 И кто въ ночи дорогу ищетъ къ дому,
 Тотъ долженъ въ темнотѣ острить свой взоръ.
 Утратишь смыслъ,—Законъ въ несоблюденьи,
 Не соблюдешь Законъ,—и разумъ спутанъ,
 Итакъ, кто мудръ, тотъ въ слово смотритъ зорко,
 Всегда ища—смыслъ истинный найти“
 Сказавши такъ, пошелъ онъ въ городъ Паву,
 Тамъ жилъ народъ, носившій имя Сильныхъ.
 Былъ нѣкто тамъ чье, имя было Чунда,
 Онъ Будду тотчасъ пригласилъ въ свой домъ.
 Въ послѣдній разъ тамъ Будда принялъ пищу.
 Тѣмъ, кто тамъ былъ, сказавъ слова Закона,
 Онъ отбылъ въ нѣкій градъ Кушинагару,
 И тамъ въ тѣнистой роцѣ отдохнулъ.
 Въ Златой рѣкѣ онъ искупалъ тамъ тѣло,
 Что какъ утесъ сіяло золотистый,
 И Анандъ такъ повелѣлъ онъ, выйдя:
 „Вотъ здѣсь, межъ этихъ двухъ плакучихъ ивъ,
 Очисти мѣсто, постели цыновку,
 Часъ полночи придетъ, уйду въ Нирвану“.
 У Ананды дыханіе пресѣклось,
 Но онъ велѣнье выполнилъ, въ слезахъ.
 Цыновку разостлалъ, и Совершенный,
 На правый бокъ, легъ головой на Сѣверъ,
 И спалъ, какъ Львиный царь, скрестивши ноги,
 Какъ на подушкѣ, на своей рукѣ.

Вся скорбь прешла. Изношенное тѣло
Послѣдній сонъ въ тѣни деревъ пріяло.
А вѣрные, собравшись въ кругъ, вздыхали:
„Погасло око Міра, умеръ Свѣтъ!“
Ручьи притихли, вѣтеръ притаился,
Умолкли птицы, замолчали звѣри,
И крупныя съ деревъ сочились капли,
До срока листья падали съ вѣтвей.
Цвѣты, склонивъ головки, увядали,
Межъ тѣмъ какъ Небожители и люди,
Еще желаній полные, дрожали,
И ими овладѣлъ захватный страхъ.
Такъ путники въ пустынѣ путь опасный
Свершаютъ, и глядятъ, кругомъ—безплодно,
И далеко родимое селенье,
И страшно имъ: „Что, если не дойдутъ?“
Отъ сна тутъ Совершенный пробудился,
И Анандъ сказалъ: „Иди, и молви
Народу Сильныхъ, что моя Нирвана
Близка, пускай придутъ въ послѣдній разъ“.
И Ананда пошелъ, скорбя и плача.
Вѣсть передалъ:—„Владыка близко къ смерти“.
И Сильные, слова его услыша,
Великій ощутили въ сердцѣ страхъ
Толпы мужчинъ и женщинъ поспѣшили
Въ ту рошу, гдѣ былъ Будда межъ деревьевъ,
Пришли они въ растерзанныхъ одеждахъ,
Въ пыли и въ прахѣ, въ скорби и въ слезахъ.
Съ рыданіемъ къ ногамъ припали Будды.
Но Совершенный имъ сказалъ спокойно:
„Не сѣтуйте. Чась радости есть нынѣ,
Не призывайте скорбь сюда и страхъ.
Къ чему стремился я въ вѣкахъ минувшихъ,
Я это получу черезъ мгновенье,

Освобожденъ отъ путь тѣснящихъ чувства,
 Иду туда, гдѣ міру нѣтъ конца.
 Вещественность я эту оставляю,
 Огонь и Воздухъ, кругъ Земли и Воду,
 Туда, гдѣ смерти нѣтъ, и нѣтъ рожденья,
 Я въ достовѣрный ухожу покой.
 Навѣкъ освобожденный отъ печали,—
 Скажите мнѣ,—зачѣмъ скорбѣть я сталъ бы?
 Близъ Гайи, на горѣ высокой Сиршѣ,
 Отъ тѣла я избавиться хотѣлъ.
 Когда-то. Но дабы свершить удѣлъ мой,
 Донинѣ пребывалъ съ людьми я въ мірѣ,
 И сохранялъ болѣзненное тѣло,
 И жилъ,—какъ съ ядовитой жилъ змѣей.
 Но нынѣ я пришелъ къ успокоенью,
 Замкнулись нынѣ всѣ истоки скорби,
 Ужъ никогда не получу я тѣла,
 Не надлежитъ скорбѣть вамъ обо мнѣ".
 Но Сильные, услыша слово Будды,
 Что онъ идетъ къ великому покою,
 Смугились такъ, что ихъ глаза затмились,
 Ослѣпшій взоръ лишь видѣлъ черноту.
 И сжавъ ладони, такъ сказали Буддѣ:
 „Боль смерти и рожденья оставляя,
 Уходитъ Будда къ вѣчному покою,
 И этому мы радуемся съ нимъ.
 Пусть домъ сгорѣлъ,—намъ радоваться должно,
 Когда друзья въ пожарѣ не погибли,
 И, можетъ быть, ликують сами Боги,
 И вдвое люди ликовать должны.
 Но если Совершенный удалился,
 И больше зримъ—тѣмъ, кто живетъ—не будетъ,
 И будетъ скрытъ отъ насъ источникъ свѣтлый,
 Какъ можемъ мы объ этомъ не скорбѣть?
 Среди пустынь проходить караваны,

И остороженъ каждый шагъ идущихъ,
Вожакъ одинъ у нихъ для всей толпы ихъ,—
И вдругъ онъ умеръ, какъ же не скорбѣть?
Узнали правду люди дней текущихъ,
Всевѣдущаго видѣли живого,
Но не достигли до побѣды полной,—
И мѣръ своей насмѣшкой встрѣтитъ ихъ!
Смѣются такъ надъ тѣмъ, кто черезъ горы
Идетъ, гдѣ много скрытыхъ есть сокровищъ,
Но онъ объ этомъ золотѣ не знаетъ,
И обнимаетъ нищій свой удѣлъ“.

Такъ Сильные предъ Буддою искали
Своимъ слезамъ и скорби оправданье;—
Такъ предъ отцомъ, порой ребенокъ плачетъ.
И Будда кротко къ нимъ заговорилъ:
„Ища пути, старайтесь неустанно,
Меня увидѣть—это не довольно,
Я указаль дорогу вамъ—идите,
Освободитесь отъ силковъ скорбей.
Разъ выбравъ цѣль, не отступайте цѣли,
Достигнете ея не тѣмъ, что буду
Я видѣнъ вамъ,—кто хочетъ быть здоровымъ,
Тотъ можетъ быть здоровымъ безъ врача.
Кто не свершаетъ то, что повелѣлъ я,
Меня напрасно будетъ этотъ видѣть:—
Кто отъ меня вдали Законъ свершаетъ,
Тотъ постоянно около меня.
Заботливо въ свое глядите сердце,
Да не находить мѣста въ немъ оплошность,
Жизнь человѣка—что свѣча подъ вѣтромъ,
Слѣди—и ночь тебя не обойметъ“.

Ту проповѣдь любовную услыша,
Сдержавъ рыданье, Сильные притихли,
И твердость обрѣтя въ самосознаньи,
Спокойные, пошли въ свои дома.

БЫль Брамачаринъ тамъ нѣкій,
 Чистою жизнью извѣстный,
 Все онъ живое лелѣялъ,
 Звался Субхадрою онъ.
 Межъ лжеучителей былъ онъ
 Смолоду очень отмѣченъ,
 Нынѣ жъ къ Владыкѣ стремяся,
 Анандѣ такъ говорилъ:
 „Мудрость, что далъ Совершенный,
 Слышу я, трудно измѣрить.
 Самый искусный, межъ всѣми,
 Онъ укротитель коней.
 Слышу я также, что нынѣ,
 Онъ достигаетъ Нирваны,
 Трудно его будетъ видѣть,
 Трудно увидѣть и тѣхъ,
 Кто его съ трудностью видѣлъ,—
 Въ зеркалѣ Мѣсяцъ не схватишь,
 Въ озерѣ мы не ухватимъ
 И отраженье Луны.
 И потому я желаю,
 Полный почтительнымъ чувствомъ,
 Отъ жизнесмерти спасаясь,
 Свѣтлаго видѣть Вождя.

Солнце Высокаго гаснетъ,
Дай мнѣ, на мигъ, его видѣть!"
Ананда очень смущень былъ,
Какъ поступить онъ не зналъ.
Думаль онъ такъ о Субхадрѣ:
„Вѣрно, замыслилъ онъ спорить,
Можеть быть, въ сердцѣ ликуеть,
Будды предчувствуя смерть“.
Встрѣчѣ хотѣлъ помѣшати онъ,
Будда же, въ сердцѣ читая,
Молвилъ: „Я людямъ—спасенье,
Пусть лжеучитель придетъ“.
Это услыша, Субхадра
Радостью свѣтлой исполненъ,
Въ сердцѣ вдвойнѣ озарился,
Мудрость готовъ былъ принять.
Былъ онъ сосудомъ, готовымъ
Для воспріятія Закона,
Будда смягчилъ его жажду,
Восемь путей указавъ.
Освобожденъе увидя,
Пути свои порывая,
Онъ заблужденья отбросилъ,
Берегъ другой увидалъ.
Сердце его расширилось,
Кончилась эта бесѣда,
Молча на спящаго Будду
Долго онъ, долго смотрѣлъ.
Думаль: „Черезъ малость мгновений
Будда окончить предѣлъ свой,
Міръ этотъ первый оставлю,
Міръ этотъ вовсе погасъ“.
Сжавши ладони, отшелъ онъ
Отъ совершеннаго лика,

Съль въ сторонѣ, самосдержанъ,
Лѣтъ истечение отвергъ,
И достигнулъ онъ Нирваны
Свѣтлымъ путемъ отреченья,—
Малый костеръ такъ погашенъ
Брызгами ливня съ Небесъ.
Будда сказалъ своимъ вѣрнымъ:
„Вотъ ученикъ мой послѣдній,
Онъ ужъ въ Нирванѣ! Любите
Память о немъ навсегда“.
Первая кончилась смѣна
Ночи, одѣтой звѣздами,
Всѣ они ясно сіяли,
Ярко горѣла Луна.
Не было въ рошѣ ни звука,
И проникаясь великимъ
Къ ученикамъ состраданьемъ,
Будда имъ всѣмъ завѣщаль:
„Вотъ, достигну я Нирваны,
Чтите ее,—и за мною,
Вы достигайте Нирваны,
Это свѣтильникъ въ Ночи.
Камень ея самоцвѣтный—
Кладъ человѣку, что бѣденъ.
Что повелѣлъ вамъ, блюдите,
Путь вашъ—дорога моя.
Не избирайте другого.
Тѣло, и мысли, и слово
Вы въ чистотѣ соблюдайте,
Жизнь вашу чистой храня.
Отъ накопленья богатства
Въ дняхъ вы своихъ воздержитесь,
Не наполняйте амбары,
Не умножайте стада.

Чара домовъ и помѣстій
Да не плѣняетъ васъ въ міръ:—
Это колодезь горючій,
Нужно бѣжать отъ него.
Не вовлекайтесь въ гаданье,
Звѣздочитанье удѣловъ,
Предвосхищеніе судебъ,
Это—запретное есть.
Лжи и притворства бѣгите,
Слѣдуйте правой дорогой,
Будьте благими къ живому,
Это—мой краткій завѣтъ.
Это—основа Ученья,
Путь къ просвѣтленной свободѣ,
Это охватная мудрость,
Путь, чтобъ достигнуть конца.
Это блюдя, укротите
Токи животнаго чувства,
Ибо такъ править стадами,
Знающій путь свой, пастухъ.
Если же чувства не сдержишь,
Это есть конь разъяренный,
Все онъ пространство измѣритъ,
Нагромождая бѣду.
Мудрый обходитъ овраги,
И уклоняется тигра,
И не играетъ съ змѣею,
И не вбѣгаетъ въ пожаръ.
И за глотокъ наслажденья—
Пропасти онъ не желаетъ,
Легкаго сердца боится,
Этого лишь одного.
Видѣли вы обезьяну,
Какъ она въ лѣсъ убѣгаетъ?

Вотъ—это легкое сердце,
Мудрый удержитъ его.
Если же сердце отпустишь,
Не достигнешь до Нирваны.
Знайте-же точную мѣру,
Въ тихое мѣсто уйдя.
Будьте умѣренны въ пищѣ:—
Если сломалась повозка,
Быстро колеса поправьте,
Безъ промедленія—въ путь.
Видѣли вы надъ цвѣтами
Какъ мотылекъ пролетаетъ?
Чуть лишь коснется—и будетъ,
Не нарушаетъ цвѣтка.
Пищи прося, принимайте
Все, что дадутъ, благодарно,
Не истощайте щедроты,
Да не исчезнутъ совсѣмъ.
Утромъ, и въ полдень, и ночью,
Дѣло благое свершайте,
Пусть въ измѣненіяхъ сутокъ
Сердце пребудетъ однимъ.
Въ первую смѣну ночную,
Не отдавайтесь дремотѣ,
Послѣ, усните спокойно,
Къ утру проснитесь свѣтло.
Кто отдается дремотѣ,
Сонные ужасы кормить,
Смерть стережетъ постоянно,
Схватить,—добыча въ плѣну.
Чарой змѣиною можно
Выманить изъ дому змѣя.
Рано проснешься,—изъ сердца
Черная жаба уйдетъ.

Если кто тѣло чужое
Острымъ мечомъ разсѣкаетъ,—
Гнѣвная мысль да не встанетъ,
Злое не молвятъ уста.
Гнѣвное слово и мысли
Ранять лишь вась, не другого,
Молча претерпишь мученье,
Это—побѣда побѣдъ.
Гнѣвъ красоту разрушаетъ,
Уничтожаетъ заслуги,
Если-жъ разгнѣвался мудрый,
Это—огонь есть во льду.
Лѣности темной бѣгите.
Есть ли для лѣности мѣсто,
Если къ живущимъ погибель
Всюду угрозно идетъ!
Лъстивая рѣчь и обманы,
Это—какъ бы волхвованья,
Тотъ, въ комъ молитвенно сердце,
Любить прямые пути.
Тихимъ довольствуйтесь малымъ,
Въ маломъ—сокрытость богатства:—
Если кто малымъ доволенъ,
Радость небесная съ нимъ.
Связу семьи не скрѣпляйте:—
Если на вѣткѣ чрезмѣрность
Птицъ, прилетѣвшихъ и сѣвшихъ,
Вѣтка склоняется ницъ.
Разъ многочисленны узы,
Будешь запутанъ ты въ сѣти:—
Старый такъ слонъ погрязаетъ
Въ топи болотной, лѣсу.
Ночью-ли, днемъ ли, старайтесь,
Это великое дѣло:—

Малыя горныя рѣчки
Могутъ громаду изрыть.
Другъ благодѣтельный—благо,
Все жь онъ не можетъ сравниться
Съ правою мыслью, что крѣпко
Въ собственномъ держишь умѣ.
Правильный помысль есть панцырь,
Въ правильной вѣрѣ—оружье:—
Если подступится злое,
Нѣтъ ему доступа тутъ.
Въ Морѣ рожденя и смерти,
Мудрость—челнокъ есть проворный,
Мудрость—живая лампада,
Свѣточъ надъ глыбами тьмы.
Мудрость—цѣлебное средство,
Острый топоръ для деревьевъ
Тѣхъ, что колючею сѣтью
Путь заграждаютъ тебѣ.
Взносятся зыби незнанья,
Мечутся волны хотѣнья,
Выше ихъ—мостъ лучезарный,
Мудрость, дорога умовъ.
Дѣло любви завершилъ я,
Свѣтлую цѣль не теряйте.
Если же что вамъ неясно,
Вы спросите меня“.
Всѣ сохраняли молчанье,
И Анурудда промолвилъ:
„Можетъ Луна раскалиться,
Солнце прохладу узнать,
Вѣтеръ проворный стать тихимъ,
Твердость Земли стать подвижной,—
Но не возникнетъ сомнѣнье
Въ этихъ сердцахъ никогда.

Все жь мы скорбимъ, оттого что
Вотъ, умираетъ Учитель,
И вознести наши мысли
Намъ невозможно сейчасъ.
Мы только любимъ, печалясь,
Знаемъ, какъ сильно мы любимъ,
И вопрошаемъ—Зачѣмъ же
Будда такъ скоро уйдетъ?“
На говорившаго глянувъ,
Будда увидѣлъ всю горечь,
Снова онъ съ любящимъ сердцемъ,
Такъ, утѣшая, сказалъ:
„Было въ началѣ все твердымъ,
Но, пошатнувшись, разсѣлось,
И сочетанья возникли,
Непостоянства, борьба.
Но согласованность встанетъ,
Въ замыслахъ разныхъ взаимность,—
Что жь тогда Хаосу дѣлать,
Гдѣ тогда творчеству быть!
Боги и люди, которымъ
Надо спастись,—всѣ спасутся!
Вѣрные, помните слово:—
Будетъ всеобщій конецъ.
Часъ разрушенья Вселенной!
Такъ не скорбите же тщетно,
Къ дому стремитесь такому,
Гдѣ разлученія нѣтъ.
Мудрости свѣточъ зажегъ я,
Этими только лучами
Можно развѣять весь сумракъ,
Саванъ, окутавшій міръ.
Міръ закрѣпленъ не навѣки.
Радуйтесь, ежели другъ вашъ,

Бывшій въ смертельной болѣзни,
Боли навѣкъ избѣжать.
Тѣло больное я бросилъ
Токъ жизнесмерти я заперъ,
Воленъ теперь я навѣки,
Радуйтесь вмѣстѣ со мной!
И соблюдайте сознание.
Что существуетъ,—исчезнетъ.
Вотъ, я теперь, умираю.
Это послѣдній завѣтъ!“
Первой достигши дхяны,
Въ радость восторга вступилъ онъ,
И черезъ девять, въ порядкѣ,
Онъ постепенно прошель.
Послѣ назадъ воротился,
Въ первую снова вступилъ онъ,
И, вознесенный, въ четвертой
Онъ задержался на мигъ.
Туть досягнулъ онъ Нирваны.
Умеръ. Земля содрогнулась,
Въ воздухъ всюду струился
Пламенный дождь изъ огня.
И отъ земли, восьмикратный,
Пламень подъялся повсюду,
Пламени эти взметались,
Вплоть до Небесныхъ Жилищъ.
Громъ прокатился по Небу,
Громъ по горамъ и долинамъ,
Словно Асуры и Дэвы
Бурный затѣяли бой.
Отъ четырехъ отдаленій
Мощной Земли поднимаясь,
Бурные вѣтры столкнулись,
Пепель съ холмовъ упадаль.

Солнце и Мѣсяць померкли,
Рѣчки надулись въ потоки,
Чащи лѣсныя дрожали,
Словно осиновый листь.
Листья, сорвавшись до срока,
Мчались дождемъ надъ землею,
Слезы струили драконы
На смоляныхъ облакахъ.
Чистые Дѣвы, спустившись,
Медлили въ воздухъ среднемъ,
Скорби и радости чужды,
Тихо о смерти грустя.
Духи же Неба другіе,
Сердцемъ поникнувъ, скорбѣли,
И принося приношенья,
Сверху роняли цвѣты.
Радостенъ былъ только Мара,
Онъ ликовалъ въ отдаленьи,
Музыки громкіе звуки
Оповѣщали о томъ.
Островъ Вселенной, лишенный
Самой блистательной славы,
Былъ какъ гора безъ вершины,
Былъ словно слонъ безъ клыковъ,
Быкъ былъ—рога потерявшій,
Темное Небо—безъ Солнца,
Лилія, смятая бурей.—
Умеръ Учитель. Ушелъ.

27. ВОСХВАЛЕНІЕ.

Въ это время свѣтлый Дэвапутра
Пролеталъ въ блестящій свой дворець,
Вкругъ него сіяло въ тверди синей
Десять сотенъ бѣлыхъ лебедей.
Во вниманье ко вселенскимъ Дэвамъ,
Дэвапутра этотъ стихъ пропѣлъ:
„Царствуетъ въ мірахъ непостоянство,
Вмигъ родится все, и вмигъ умереть.
Свѣтъ надъ токомъ скорби—лишь Нирвана,
Вѣрно—лишь Безвѣтріе души.
Всѣ нагроможденья дѣлъ и Кармы
Только пламень мудрости сожжетъ.
Слава дѣлъ, какъ дымъ, восходитъ къ Небу,
Въ свой чередъ, дожди потушатъ все,
Какъ въ мірахъ огонь круговоротовъ
Будетъ смытъ потокомъ въ крайній мигъ“.
Такъ же былъ тамъ Брама-Риши-Дэва,
Пребывавшій въ синихъ Небесахъ,
Онъ, блаженный, воздохнулъ хваленья,
О Нирванѣ стройный стихъ пропѣлъ:
„Кто заглянетъ въ тайны Троемірья,
Видитъ гибель какъ удѣлъ всего.
Но провидецъ видитъ въ мірѣ дальше,
Все живое онъ одинъ спасетъ.

Только въ немъ одномъ освобожденъ,
Онъ непостоянство побѣдилъ.
Но, увы, царить невѣрье въ мірѣ,
И не видитъ мірѣ, какъ свѣтель Свѣтъ“.
Въ это время, сильный Анурудда,—
Тотъ, кого остановить нельзя,—
Воздохнулъ надъ токомъ жизнесмерти,
И Нирванѣ стройный стихъ пропѣлъ:
„Все живое—въ сумракѣ незрячемъ,
Таесть все, какъ гряды облаковъ,
Мудрый не ущѣпится за это,
Палица превратности сильна.
Сильный слонъ, изъ всѣхъ могучій Риши,
Можетъ быть ограбленъ этимъ львомъ.
Только Совершенный стягъ алмазный
Смогъ побѣдоносно вознести.
Но, подобно той вѣнчанной птицѣ,
Что въ прудкахъ хватаетъ хитрыхъ змѣй,
Если-же прудки совсѣмъ изсохли,
Умираетъ, кончивъ свой удѣлъ,—
И коню подобно, что безстрашно,
Слыша бранный рогъ, стремится въ бой,
Если же окончено сраженъе,
Притихаетъ весь, домой идя,—
Совершивъ свой замысль, Учитель
До Нирваны держитъ вѣрный путь,—
Вышелъ Мѣсяцъ, пролилъ свѣтъ живому,
И ушелъ. И Златогорьемъ скрытъ.
Горною Обителью Нирваны
Блескъ благой Высокаго сокрытъ,
Семь коней искусства Возницы,
Свѣтлаго отъ взоровъ унесли.
Сурья-Дэва, ликъ взнесенный Солнца,
Въ подземельи, съ яркою Луной,

Пять воротъ тяжелыхъ ихъ замкнули,
Все живое свѣта лишено.
Всѣ приносятъ приношенья Небу,
Но отъ жертвъ лишь всходитъ черный дымъ:—
Такъ ушелъ, въ сіяньи, Совершенный,
И не видитъ міръ тотъ вышній свѣтъ.
Долго ждалъ любви онъ настоящей,
Рѣдко встрѣтишь вѣрную любовь,
Здѣсь любовь достигла до предѣла,—
И ушелъ любимый, нѣтъ его.
Путы скорби твердо онъ содвинулъ,
Мы нашли единый вѣрный путь,
Но ушелъ въ Обитель онъ Покоя,
И грозитъ запутанный узоръ.
Эту пыль земного тоскованья
Онъ смывалъ живой своей водой,
Но замкнулась чистая криница,
Не вернется больше онъ сюда.
Все жь текутъ лучистые потоки,
Міру завѣщаль онъ тишину,
И сіяетъ блескъ нагроможденный,
Можетъ каждый жаждающій испить.
Но Спаситель міра, бывший въ мірѣ,
Отошелъ, и больше нѣтъ его,
Срѣзана высокая надежда,
И дыханье жизни—гдѣ оно?
Кто придетъ, какъ любящій отецъ къ намъ,
Кто утѣшитъ въ нашей скорби насъ?
Конь, когда владыку перемѣнитъ,
Всю свою теряетъ красоту.
Міръ безъ Будды точно царь безъ царства,
Точно сонмы войска безъ вождя,
Точно безъ врача больной, что страждетъ,
Точно караванъ безъ вожака!

Точно звѣзды безъ Луны блестящей,
И любовь, безъ силы больше жить!
Такъ безъ Будды міръ осиротѣвшій.
Умеръ нашъ Учитель. Нѣтъ его!“

Вѣсть достигла до народа Сильныхъ,
Что въ Нирвану Будда отошелъ.
Плачь поднялся, крики, вопли, стоны,—
Соколъ палъ на стаю журавлей.
Всей толпой пришли туда, гдѣ ивы,
Чтобъ взглянуть, какъ спитъ онъ долгимъ сномъ.
Этотъ ликъ ужъ больше не проснется,—
И, тоскуя, били въ грудь себя.
И одинъ изъ Сильныхъ молвилъ скорбно:
„Ради человѣка стягъ поднявъ,
Онъ вознесъ Законъ, сіяло знамя,
Мигъ одинъ,—и палъ блестящій стягъ.
Тысячи лучей росли въ сверканьи,
Вѣдѣніе высшее росло,
Разсѣваясь, мракъ бѣжалъ отъ свѣта,—
Почему жъ опять приходитъ тьма?
Въ мигъ одинъ, высокій мостъ разрушенъ.
Жизнесмерть кипитъ какъ водопадъ,
Бѣшенство, сомнѣніе, и страсти,
Плоть объята,—больше нѣтъ пути.“
Такъ скорбя, рыдалъ народъ Могучихъ:—
Кто лежалъ простертый на землѣ,
Кто стоялъ, потерявъ въ размышленьяхъ,
Кто стоналъ, не въ силахъ боль сдержать.
Вышитое сѣребромъ и златомъ,
Ложе приготовили ему,
Тѣло Совершеннаго сложили
Между благовоній и цвѣтовъ.
Балдахинъ надъ нимъ вознесся пышный,

Въ самоцвѣтныхъ яхонтахъ горя,
Вышитыя вѣяли знамена,
Пляски похоронныя вились.
Пѣли похоронные напѣвы,
Приношенья были вдоль пути.
Дэвы съ Неба лили дождь цвѣточный,
Музыка звучала въ Небесахъ.
Дерева сандаловаго взяли,
Тѣло Будды было на кострѣ,
Масло благовонное излили,
И костеръ три раза обошли.
Но, хотя огонь и прилагали,
Не хотѣлъ горѣть костеръ его.
Въ это время вѣсть до Касіаны
О кончинѣ Будды донеслась.
И пошелъ онъ въ путь изъ Раджагриги,
И, чтобъ могъ онъ свѣтлый ликъ узрѣть,
Не хотѣлъ тогда костеръ зажечься,
Онъ пришелъ,—и брызнули огни.
И горѣлъ въ куреньяхъ благовонныхъ
Тотъ костеръ. Сгорѣло тѣло все,
Только кость алмазная осталась,—
Лишь останки правды не горять.
Въ золотой кувшинъ ихъ положили,
И ничто алмазъ не сокрушить,
И не сдвинешь Златогорье мысли,
И останки Будды вѣкъ живутъ.
Птица златокрылая не стронетъ
То, что въ золотой кувшинъ вошло.
И пока Вселенная пребудетъ,—
До конца останутся они.
Чудо! Человѣкъ исполнить можетъ
Весь законъ Безвѣтрія души:—
Какъ призывъ, въ просторахъ дальнихъ міра

Имя лучезарное звучить.
И покуда катятся столѣтя,
Долгая Нирвана, черезъ нихъ,
Черезъ тѣ священные останки,
Будеть міру свѣтъ свой проливать.
Будеть озарять жилища жизни!
Онъ въ единый мигъ свой блескъ затмилъ,
Но сосудъ златой, сіяя мудро,
Можетъ гору скорби сокрушить.
И, смирившись, тотъ народъ Могучихъ,
Несравненный людъ Богатырей,
Весь любовью былъ горячей спаянъ,
И изгналъ изъ душъ своихъ вражду.
Въ городъ свой вошли скорбя, но тихо,
И останки свѣтлые неся,
И останки тѣ взнесли на башню,
Въ почитанье Дэвамъ и земнымъ.

Такъ останки почитая,
 Каждый день Богатыри
 Приносили приношенья,
 Благовонья и цвѣты.
 Семь царей, изъ странъ различныхъ,
 Вѣсть кончины услыхавъ,
 Черезъ пословъ, просили Сильныхъ
 Тѣ останки раздѣлить.
 Но Могучіе сказали,
 Духомъ браннымъ возгорясь:
 „Мы, скорѣй, простимся съ жизнью,
 Чѣмъ останки Будды дать.“
 Такъ послы ни съ чѣмъ вернулись,
 И во гнѣвѣ, семь царей
 Тучу войска сгромоздили,
 И направились въ походъ.
 Городъ Сильныхъ окружили
 Колесницы и слоны,
 Все окрестъ,—сады, деревни,
 Водоемы и поля,—
 Было вытоптано войскомъ,
 Что пришло какъ саранча,
 Ничего не оставляя,
 Тамъ, гдѣ, темное, прошло.

Съ городскихъ высокихъ башенъ,
Внизъ смотря, Богатыри
Увидали разрушенъе,
И готовить стали бой.
Вотъ наладили орудья,
Чтобы камни вдаль метать,
Чтобы факеловъ летучихъ
Во враговъ стремить огни.
Семь царей, въ своихъ окнахъ,
Окружили городъ тотъ.
Въ каждомъ войскѣ дышетъ храбрость,
Барабанъ гремитъ, какъ громъ.
И ужъ Сильные готовы
Бой убійственный начать,
Въ это время, нѣкій Браманъ,
Дрона, такъ царямъ сказалъ:
„Посмотрите, стѣны крѣпки,
Защитить ихъ—и одинъ.
Если жъ многіе столпились,
Какъ ихъ можно покорить?
Стукъ мечей—кровавый подвигъ,
Многимъ гибель тутъ грозить,
И каковъ исходъ ни будетъ,
Смерть промчится съ двухъ сторонъ.
Побѣдить сильнѣйшій можетъ,
Можетъ слабый побѣдить.
Презирай змѣю, но тѣло
Разъ въ немъ ядъ, спасешь ли какъ?
Мѣсто кроткаго, какъ будто,
Между женщинъ и дѣтей,
Но въ ряды его зачисли,
Будетъ доблестный боець.
И врага, сомнувши силой,
Увеличишь въ немъ вражду;

Покоришь его любовью,—
Жатва скорби не взойдетъ.
Этотъ споръ—лишь жажда крови,
Допустить его нельзя!
Разъ почтить хотите Будду,—
Знайте сдержанность, какъ онъ!“
Такъ, любя основы мира,
Смѣлый Браманъ говорилъ,
Вѣря въ правду, онъ не вѣдалъ
Колѣбаній никакихъ.
Семь царей отвѣтъ держали:
„Мы насилію враги,
Но не низкое желанье
Нами властвуетъ теперь.
Ради праваго закона,
Мы вступить готовы въ бой.
Мы священные останки
Надлежаще чтить хотимъ.
Изъ-за женщины красивой
Былъ не разъ смертельный бой,—
Сколь же больше нужно биться,
Чтобъ Учителя почтить!
Не щадя ни силъ, ни жизней,
Мы, коль нужно въ бой пойдемъ,—
Драгоценные останки
Мы молениемъ чтить хотимъ.
Если спора не хотите,
Раздѣлите ихъ межъ насъ.
Мы же гнѣвъ на время сдержимъ,
Какъ отъ чары спитъ змѣя“.
Говорилъ къ Могучимъ Дрона:
„Тамъ, за городомъ цари,
Ихъ доспѣхи словно Солнце,
Гнѣвъ разбуженъ въ нихъ, какъ левъ.

Разгромить готовы городъ,
Но, боясь неправоты,
Въ бой вступая изъ-за вѣры,
Такъ гласяť черезъ меня:
«Мы пришли не денегъ ради,
И земель мы не хотимъ,
Не надменное въ насъ чувство,
И не помыслы вражды.
Мы великаго чтимъ Риши,
Нашъ почетъ есть вашъ почетъ,
Значить, мы въ моленьяхъ братья,
Ищемъ мы духовныхъ благъ.
Громоздить богатства—скупость,
Непростительна вина.
Сколь же болѣе преступно—
Благъ духовныхъ не давать!
Мы почтить хотимъ останки,
Раздѣлите жъ съ нами ихъ
Если жъ чести лишены вы,
Приготовьтесь въ бой вступить!»
Отъ себя же я прибавлю:
Будда, какъ покой узналъ,
Всѣмъ, любя, желалъ покоя.
Раздѣлите свѣтлый даръ!»
Дрона передалъ посланье,
И Могучихъ убѣдилъ,
Имя Будды побѣдило,
Свѣтъ, исполненный любви.
Конь, дорогу потерявшій,
Стройно такъ идетъ опять,
Если видящій возница
Путь ему предначерталъ.
Лучезарные останки
Между всѣми раздѣливъ,

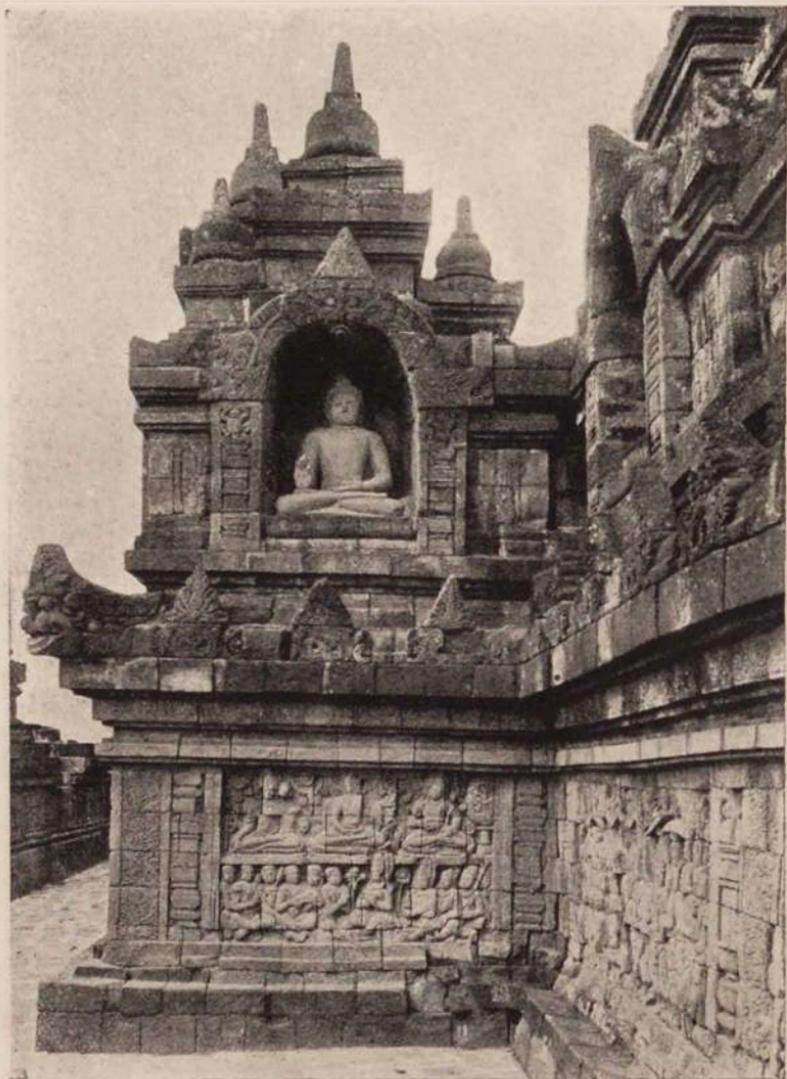
Часть восьмую сохранили,
Семь же отдали царямъ.
Каждый царь, свой даръ священный
Помѣстивъ на головѣ,
Въ край родимый воротился,
И Святилище воздвигъ.
Брамачаринъ же у Сильныхъ
Попросилъ златой кувшинъ,
И отъ тѣхъ царей обломокъ
Онъ останковъ получилъ.
Это взявши, онъ часовню
Благодатную воздвигъ,
И доднесъ еще зовется
Этотъ храмъ—Златой Кувшинъ.
Люди всѣ Кушинагары,
Прахъ сожженія собравъ,
Храмъ воздвигли въ этомъ мѣстѣ,
Онъ зовется—Прахъ Святой.
Это первыя святыни,
Что воздвиглись на землѣ.
Ими въ первый разъ молельно
Островъ міра возсіялъ.
Много вѣрныхъ приходило,
Чтобъ украсить храмы тѣ,
И какъ горы золотыя
Вознеслись они свѣтло.
Слово точное Закона,
На Соборѣ Пятисотъ,
Чтобы вѣрно сохранялось,
Было въ запись внесено.
И великій царь Асока,
Что жестокимъ раньше былъ,
Свѣтъ увидѣвъ, озарился,
И Законъ распространялъ.

Какъ есть дерево Асока,
 Что кончается цвѣткомъ,
 Онъ надъ островомъ Вселенной,
 Свѣтомъ правды возсіялъ.
 И святыни созидаю,
 Безпримѣрно-щедрымъ былъ:—
 Восемь онъ десятковъ тысячъ
 Башенъ въ день одинъ воздвигъ.
 Тотъ, кто звался Совершенный,
 Онъ въ Нирванѣ навсегда,
 Но священные останки
 Свѣтятъ міру до сихъ поръ.
 Кто, живя, осуществляетъ
 Совершеннѣйшій Законъ,
 Онъ въ немеркнувшее мѣсто
 За Высокимъ отойдетъ.
 Потому то, безъ изъятя,
 Сердцемъ свѣточъ увидавъ,
 Небожители, земные,
 Будутъ чтить его всегда.
 Будемъ чтить того, кто сердцемъ
 Сострадательнымъ любилъ,
 И достигъ высокой правды,
 Чтобъ избавить всѣхъ живыхъ.
 Боль рожденія и смерти
 Имъ навѣкъ побѣждена,
 Онъ скопленія страданья
 Отодвинулъ ото всѣхъ.
 Показавшаго дорогу,
 Какъ не будемъ мы любить?
 Цѣпи снявшаго съ печальныхъ,
 Какъ не будемъ чтить его?
 Чтобъ воспѣть его дѣянья,
 Свѣтъ единый вознести,

Опираясь на Писанья,
Духомъ въ Лѣтопись смотря,—
Не для личнаго почета,
Не ища себѣ награды,
Сердцемъ видя Благо Мира,
Эту пѣсню я пропѣлъ.

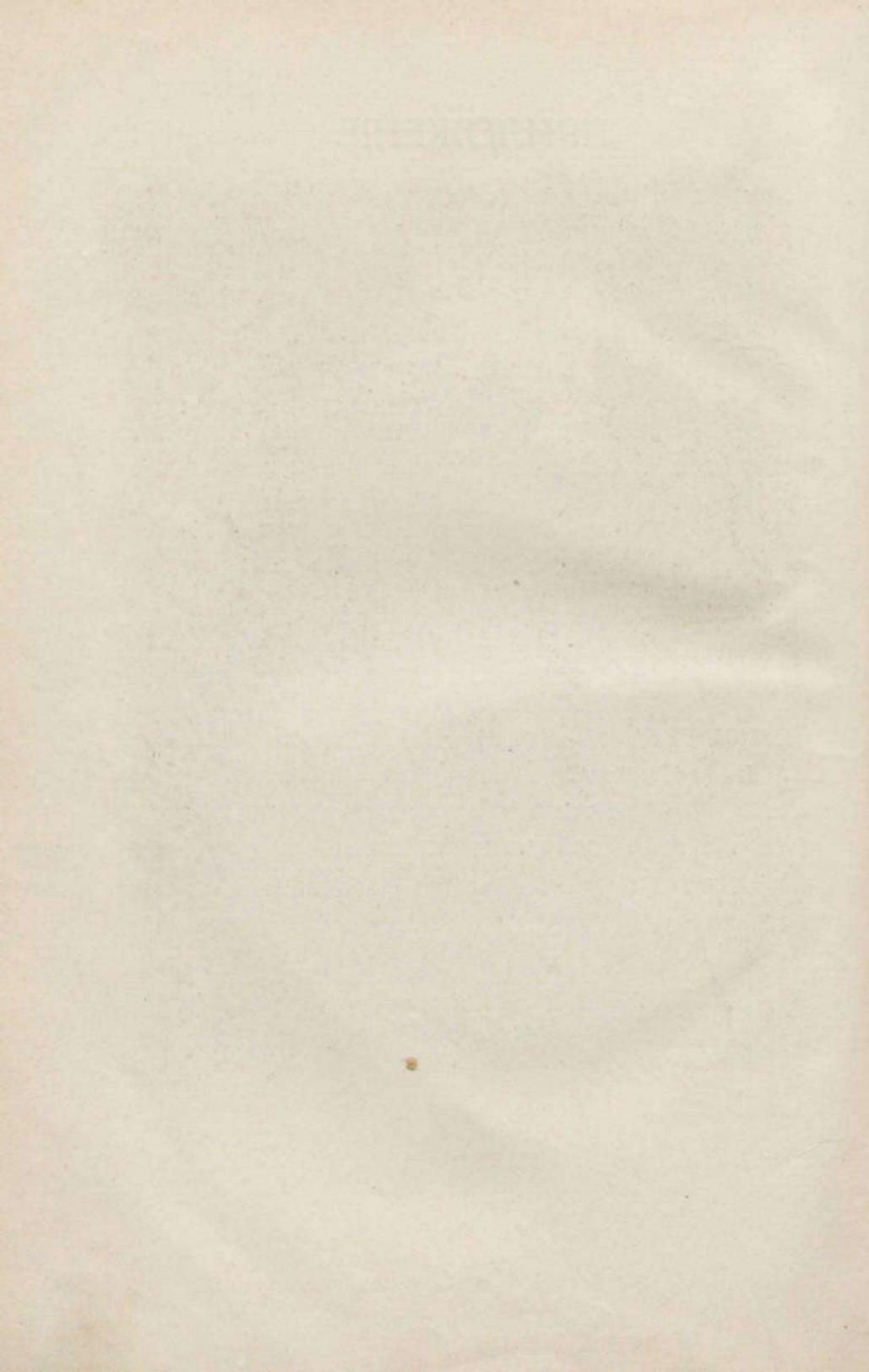

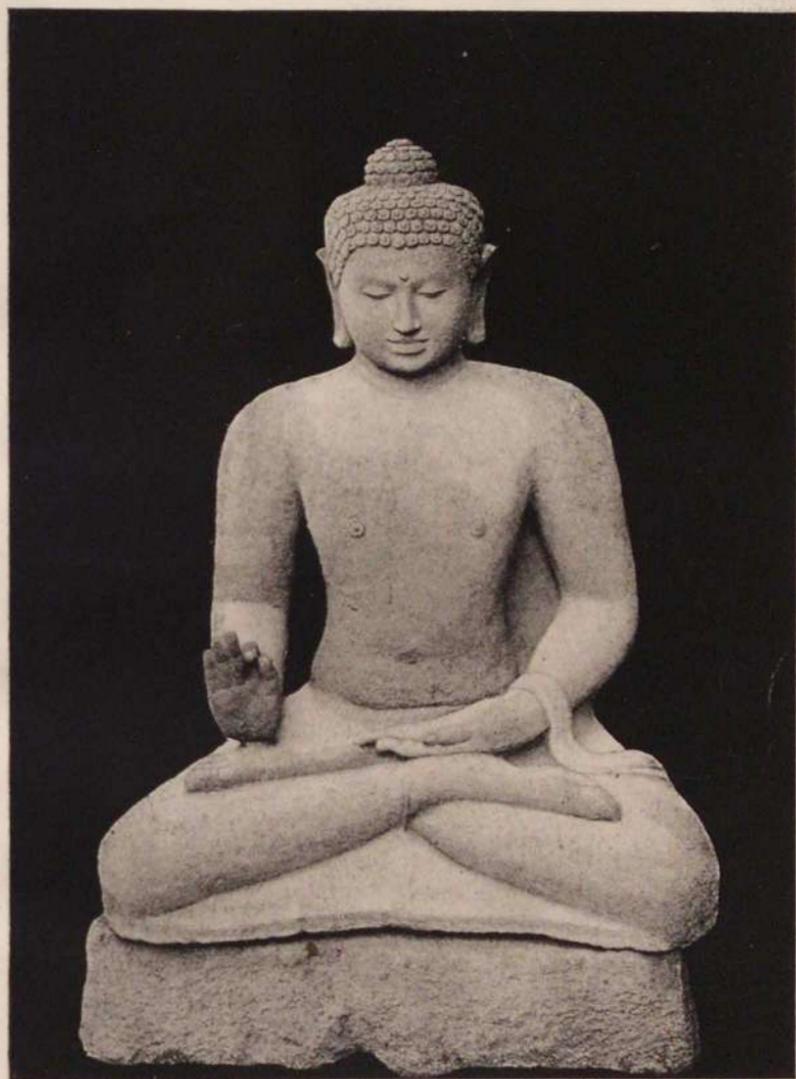
17. БУДДА.
БОРО-БУДУРЪ.

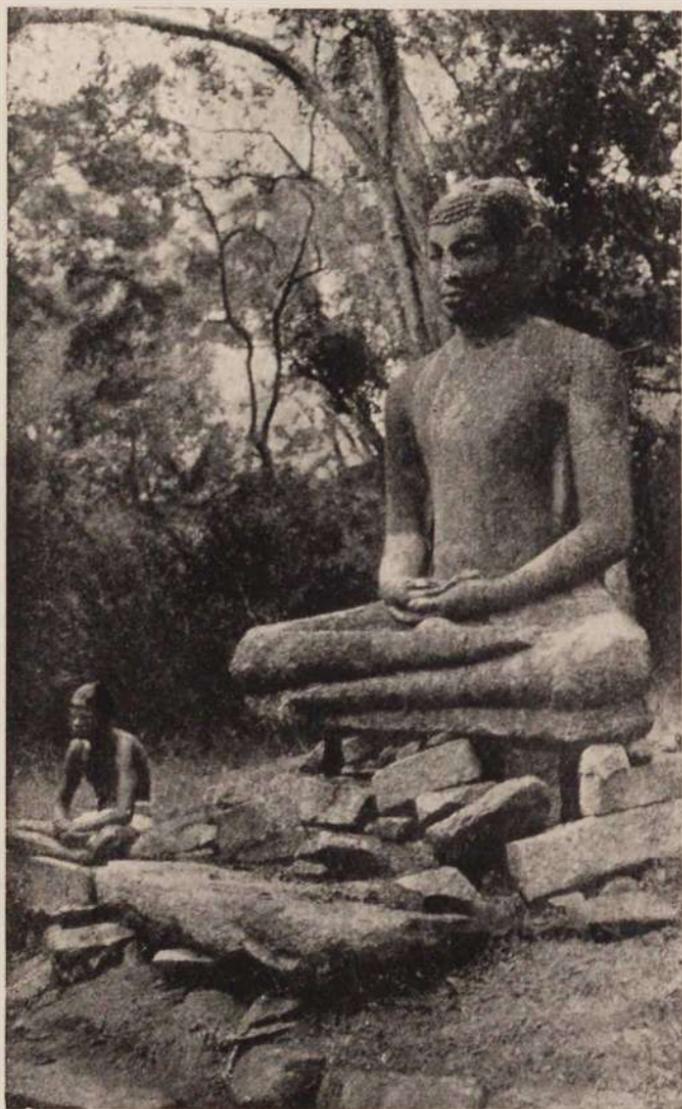
18. БУДДА.
БОРО-БУДУРЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

19. БУДДА.
БОРО-БУДУРЪ.

20. БУДДА.

АНУРАДЖАПУРА. ЦЕЙЛОНЪ.

ЧЕТЫРЕ ГЛАВЫ

ИЗЪ

ПЕРВИЧНОЙ „ЖИЗНИ БУДДЫ“ АСВАГОШИ

1-я, 2-я, 3-я, 13-я

СОГЛАСНО СЪ САНСКРИТСКИМЪ ТЕКСТОМЪ

1. РОЖДЕНИЕ.

Тотъ Просвѣтленный въ пѣснѣ здѣсь прославленъ,
Что не имѣеть равнаго себѣ,—
Кто, счастье верховное даруя,
Превыше Созидателя-Творца,—
Кто, прогоняя тьму, сильнѣй, чѣмъ Солнце,—
Смягчая зной, плѣнительнѣй Луны.
Былъ городъ, мѣсто Капилы святого;
Высокимъ плоскогорьемъ окруженъ,
Онъ такъ же былъ объятъ узоромъ горнымъ,
Какъ если бъ это были облака,
Ихъ тонкій очеркъ,—самъ же онъ, съ дворцами
Парящими, вносился въ Небеса.
Правленіемъ возвышеннымъ и чистымъ,
Какъ будто бы всѣ блески облаковъ
Похитилъ у горы онъ Каиласы,
И облака, плывя сюда толпой,
Мечтаніе такое дополняли.
Въ тотъ городъ, въ самоцвѣтный блескъ его,
Тьма не вступала, такъ же какъ и бѣдность,
Благополучье свѣтъ струило свой,
Какъ бы улыбку радости, при видѣ,
Что такъ прекрасны граждане его.
Съ развѣсистостью праздничныхъ деревьевъ,
Съ возвышенностью сводчатыхъ воротъ,

И съ башнями высокими своими,
Тотъ городъ каждымъ домомъ свѣтель былъ,
И, не найдя соперника здѣсь въ мірѣ,
Соревнованье лишь въ себѣ таилъ.
Здѣсь Солнце, даже на ночь удаляясь,
Не въ силахъ было лица побѣдить
Красивыхъ, лунноликихъ, стройныхъ женщинъ,
Предъ кѣмъ стыдиться лотосы должны,—
И словно разгорясь въ безсильной вспышкѣ,
Шло въ свѣжесть водъ, въ закатный Океанъ.
„Тотъ Индра совершенно уничтоженъ
Народомъ, засвѣтившимъ блескъ такой,
Приобрѣтенный знатнымъ родомъ Сакья“,—
Такъ городъ, весь въ знаменахъ, возвѣстилъ.
Въ ночи превыся нѣжность водныхъ лилій
Сіяніемъ серебряныхъ шатровъ,—
Днемъ городъ былъ—одинъ блестящій лотосъ,
Смѣнивши Солнцемъ блѣдную Луну.
Судхѳдана, царь Солнечнаго рода,
Помазанный, чтобъ быть главой царей,
Тотъ городъ украшалъ своимъ правленьемъ,
Какъ лилію—златистая пчела.
Какъ снѣжный верхъ, средь горъ, кругомъ стоящихъ,—
Съ своею свитой, лучшей царь земли,
И все жъ не гордый, доброхотно-щедрый,—
Онъ кротокъ былъ въ величїи своемъ.
На битвенныхъ ристалищахъ сразилъ онъ
Своихъ враговъ,—и царскіе слоны,
Предъ нимъ склонясь, съ своихъ головъ роняли,
Какъ бы цвѣты, узоры жемчуговъ.
Разсѣялъ онъ враговъ своимъ величьемъ,
Какъ Солнце надъ затмѣньемъ внесено,
Народу своему свѣтилъ повсюду,
Указывая путь, куда идти.

Владыка Сакья, родомъ превосходный,
Среди своихъ совѣтниковъ онъ былъ,—
Хотя ихъ мудрость яркая блистала,—
Какъ полный Мѣсяцъ межъ несчетныхъ звѣздъ.
Его супруга называлась Майя,
Обманности въ ней не было совсѣмъ,—
Блескъ свѣта, отблескъ Солнца, та царица—
Царицею была средь всѣхъ цариць.
Для подданныхъ была какъ мать родная,
Къ ихъ благу—вся внимательность одна,
Въ семьѣ была Богиней процвѣтанья,
Для міра—наилучшей изъ Богинь.
По истинѣ, жизнь женщинъ—мракъ и сумракъ,
Но, повстрѣчавъ ее, сталъ звѣзднымъ мракъ:—
Такъ ночь темна, но въ ней развѣянь сумракъ,
Когда взнесется свѣтлый серпъ Луны.
„Коль я явлюсь виѣ воспріятій чувства,
Не такъ легко народъ мнѣ пробудить“,—
Промолвилъ Долгъ, мѣняя безтѣлесность,
И воплотился въ обликъ ея.
Тогда, съ Небесъ ниспавши высочайшихъ,
И радостно сіяя Треть Мирамъ,
Мгновенно наилучшій Бодгисаттва,
Какъ змѣй въ пещеру, въ чрево къ ней вошелъ.
Принявши ликъ слона, съ окраской бѣлой,
Какъ снѣжный обликъ Гималайскихъ горъ,
Съ шестью клыками, съ ликомъ благовоннымъ,
На гибель злу, онъ въ лоно къ ней вошелъ.
Хранители Вселенной поспѣшили
Съ Небесъ блюсти того, кто Царь міровъ:—
Такъ лунный свѣтъ, хотя сіяетъ всюду,
На Каиласѣ свѣтится вдвойнѣ.
И Майя, хороня его во чревѣ,
Какъ туча вспышку молніи хранить,

Отъ бѣдности народъ освобождала,
Дождемъ ниспосылая всемъ дары.
Однажды, съ разрѣшенія Владыки,
Томленіе великое тая,
Съ своею женской свитой, въ садъ Люмбини
Пошла царица,—и неожиданно тамъ,
Когда она за вѣтку ухватилась,
Тяжелую отъ пахнущихъ цвѣтовъ,
На свѣтъ ишелъ внезапно Бодгисаттва,
Изъ чрева открывая ходъ себѣ.
Въ тотъ мигъ созвѣздыя были благосклонны;
Изъ бока онъ царицы изошелъ,
Родясь, дабы достигнуть блага Міра,
Не причинивши боли никакой.
Какъ Солнце утромъ разрываетъ тучу,
Онъ былъ изъ чрева матери рожденъ,
И сталъ весь Міръ—какъ золото въ горѣни,
Его лучи, блеснувъ, прогнали тьму.
Какъ только онъ родился для Вселенной,
Тысячеглазый Индра взялъ его
Тихонько, въ сердцѣ радуясь глубоко,
Столпъ золотой блистательно свѣтилъ.
Два чистые ключа воды прозрачной
Пришли съ Небесъ на голову его,
И падали цвѣты съ Небесъ несчетно,
И радоваль лучистымъ тѣломъ онъ.
Не свѣтитъ новый Мѣсяцъ такъ, покоясь
На дымности вечернихъ облаковъ.
Какъ изъ руки рожденъ владыка Притху,
Какъ изъ бедра рожденъ былъ Аурва,
Какшивать же рожденъ былъ изъ-подъ мышки,
А Индра самъ родился изъ чела,—
Такъ онъ чудеснымъ образомъ родился,
Изъ бока безболѣзненно придя.

И такъ родясь, горѣлъ небеснымъ свѣтомъ,
Съ умомъ, что былъ очищенъ чрезъ вѣка,
Черезъ несчетность жизней созерцаемъ,—
Какъ Солнце молодое надъ Землей.
И такъ, какъ Солнце всѣ лампы гасить,
Онъ золотомъ повсюду возсіялъ,
Знакъ лотоса цвѣтущаго имѣя,
Онъ твердо и безтрепетно пошелъ,—
Семь на землѣ шаговъ отпечатлѣлось,
Какъ Семизвѣздье въ Небесахъ горить.
„Для высшаго я вѣдѣнья родился,
Для блага Мира,—и въ послѣдній разъ“,—
Такъ глянувши въ четыре края Мира,
Съ предвозвѣщеньемъ, громко онъ сказалъ.
Сорвались съ Неба два ключа живые,
Блестящіе какъ лунные лучи,
Горячій и холодный, чтобы тѣло
Того, кто несравнененъ, освѣжить.
Подъ царскимъ тамъ лежалъ онъ балдахиномъ,
Оправа вся изъ золота была,
Въ подножьи голубѣлъ лазурный камень,
Стояли Духи Неба передъ нимъ,
Въ рукахъ ихъ были лотосы златые.
Предъ сыномъ Майи Боги, преклонясь,
Смирненно, бѣлый зонть возносили въ Небо,
Благословенья Мудрому шепча.
Великіе драконы, что Закона
Такъ жаждутъ, чей удѣлъ высокій былъ
Служить въ кругахъ временъ минувшимъ Буддамъ,
Благоговѣнно на него смотря,
Ребенка овѣвали опахаломъ,
Струя надъ нимъ душистые цвѣты,—
Земля же, хотъ оплотъ ей Гималаи,
Дрожала, какъ корабль, что вихремъ взять.

Дождь лотосовъ и водныхъ лилій лился
Съ небесъ, и духъ сандала нѣжный шель.
Плѣнительно струился тихій вѣтеръ,
Двойной горѣло Солнце красотой,
Въ чертогѣ томъ, на сѣверо-востокѣ
Забился благодатный водомень,
И женщины дивились, и свершали
Священные обряды въ той водѣ.
Вліаніемъ существъ, живущихъ въ Небѣ,
Могъ Будду увидать тотъ водомень,
И съ помощью деревъ, цвѣтущихъ пышно,
Благоговѣнне смогъ ему явить.
Растенія внѣ срока расцвѣтали,
И вѣтеръ несъ ихъ духъ во всѣ концы,
Жужжали зачарованья пчелы,
Вдыхали змѣи нѣжный ароматъ.
Звучали съ двухъ сторонъ напѣвы пѣсенъ,
Подъ лютню, барабанъ и тамбуринъ,
Танцовщицы, въ сіяющихъ браслетахъ,
Слагали нѣжность музыки кругомъ.
Не могъ создать ни Бхригу, ни Ангирасъ
Тотъ царственный законъ, что явленъ былъ
Ихъ сыновьями, Шукрой съ Врихаспати;—
Сынъ Сарасвасти—Веду возвѣстилъ,
Что не была въ вѣкахъ минувшихъ зрима;—
Вальмики пѣсню стройную пропѣлъ,
Чего не смогъ провидецъ Чіавана;—
И снадобья, что Атри не нашель,
Сынъ Атри возвѣстилъ на благо людямъ;—
И Сура былъ безсиленъ совершить,
Что Кришна, Суры внукъ, свершилъ искусно;
Не можетъ быть мѣриломъ возрастъ здѣсь;
Различные—въ различномъ превосходны,
И въ разныхъ свѣтять подвиги мѣстахъ;

Что предки не свершили между мудрыхъ,
И межъ царей, то совершатъ сыны“.
Такъ Брѣманы, привѣтствуя Владыку,
Разсѣяли всѣ подозрѣнья въ немъ,
И, радуясь, онъ имъ, рожденнымъ дважды,
Даль щедрые, богатые дары.
„Да будетъ мудро править онъ землею
Въ свершеніе привѣтныхъ вашихъ словъ,
Когда же вступить онъ въ преклонный возрастъ,
Да отойдетъ, ища спасеня, въ лѣсъ“.
Черезъ знаменья и силой покаянья,
Асита, что провидцемъ мудрымъ быть,
Возжаждавъ совершеннаго Закона,
Пришелъ въ дворецъ къ великому царю.
Жрецъ собственный царя, начетчикъ мудрый
Священнаго Писанья, ввелъ его,
Сіяющаго славою познанья,
И житіемъ благимъ, въ предѣлъ дворца.
И вотъ вошелъ онъ въ женскіе покои,
Въ сознанья власти, и почтенно-старъ,—
И царь, являя мудрому почтенье,
Привѣтственное слово говорилъ:
„Поистинѣ я счастливъ, если домъ мой
Такой обласканъ милостью въ тебѣ—
Я ученикъ твой; соизволь промолвить,
Чего ты хочешь, чѣмъ могу служить“.
Мудрецъ, проникнуть чувствомъ напряженнымъ,
Торжественныя вымолвилъ слова:
„Ты истинно таковъ, великодушный,
Гостепріимный, щедрый, другъ добра,
Поистинѣ такими были древле
Цари-провидцы. Но услышь теперь,
Что нынѣ привело меня въ дворецъ твой,
И, услыхавши, сердцемъ возликуй.

Небесный голос мною быть услышанъ,
 Съ небеснаго пути онъ говорилъ:
 «Для знанья высочайшаго родился
 Царевичъ». И сюда я поспѣшилъ“.
 Царь, услыхавъ такое возвѣщенье,
 Былъ радостью великою смущенъ,
 Царевича приподнялъ онъ на воздухъ
 И показалъ святому мудрецу.
 Провидецъ увидалъ и дивовался:
 Знакъ колеса на дѣтской былъ ступнѣ,
 Межъ пальцевъ рукъ и ногъ—связь волоконца,
 И свѣтлый кругъ волосъ—между бровей.
 Увидѣвъ такъ дитя въ рукахъ у няни,
 Какъ нѣкогда сынъ Агни съ Дэви былъ,
 Онъ воздохнулъ, взглянувши вверхъ на Небо,
 И на рѣсницѣ дрогнула слеза.
 Увидѣвши въ глазахъ Аситы слезы,
 Любовью къ сыну царь взволнованъ былъ,
 Ладони сжалъ, впередъ склонился тѣломъ,
 И голосомъ пресѣкшимся спросилъ:
 „Ребенокъ красотой—какъ мудрый съ Неба,
 Рожденіе его полно чудесъ,
 Грядущее ему предвозвѣстилъ ты,—
 Откуда жъ, досточтимый, слезы тѣ?
 Онъ будетъ долголѣтенъ ли, царевичъ?
 Вѣдь не для скорби онъ моей рожденъ.
 Съ такимъ трудомъ глотокъ воды нашель я,—
 Ужели смерть должна ее испить?
 Сокровище моей семейной славы,
 Скажи, удостовѣрено ль оно?
 Счастливый ли къ иной отбуду жизни?
 Я сплю—и вижу сына моего“.
 Увидѣвши, что царь взволнованъ страхомъ,
 Боязною угрожающаго зла,

Мудрецъ сказалъ: „Да не смутится умъ твой,
Все, что сказалъ я, подлинно сполна.
Не для него превратности боюсь я,
Но собственной судьбой я огорчень.
Мнѣ время уходить, а онъ родился,
Рожденье уничтожить сможетъ онъ.
Свое оставивъ царство, равнодушный
Къ мірскому, правды высшей онъ дойдетъ,
И будетъ онъ сіять, какъ солнце знанья,
Тьму заблуждений Міра озарить.
Въ ладѣ высокой мудрости избавить,
Носимый въ океанѣ скорби, Міръ.
И старость не вскипитъ безсильной пѣной,
И смертный валъ не будетъ доходить.
Живыя существа, въ глубокой жаждѣ,
Прозрачный токъ Закона будутъ пить,
Что вдвинуть въ берега разумныхъ правилъ,
Обѣтовъ полонъ, словно красныхъ птицъ.
Онъ путь освобожденія объявить
Тѣмъ, кто въ предметахъ чувства, какъ въ силкахъ,
Кто заблудился на лѣсныхъ дорогахъ,
Какъ странники, что потеряли путь.
Дождемъ Закона свѣжую онъ радость,
Тѣмъ множествамъ, что хотью сожжены,
Какъ облако великое прольется,—
Потоки влаги въ душный лѣтній зной!
Онъ распахнетъ широко предъ живыми
Ту дверь, гдѣ страсть хотѣнья есть засовъ,
Двѣ створки—зablужденье и незнанье,—
Законъ однимъ ударомъ путь пробьетъ!
Такъ не скорби о немъ, благой Владыка,
Скорбь свойственна тѣмъ низкимъ существамъ,
Которыя, отдавшись наслажденью,
Закона не пріемлютъ въ слѣпотѣ.

А я, хотя ступени созерцанья
Прошелъ, моя судьба не свершена:
Закона не слыхавъ, и въ высшемъ Небѣ
Какъ злополучье жизнь свою приму".
Услышавъ это, царь съ своей царицей
Оставилъ скорбь и ликовальъ весьма.
„Таковъ мой сынъ“, подумалъ онъ, считая,
Что это совершенство есть его.
Но все же въ сердцѣ было размышленье:
„Пути благого будетъ странникъ онъ“,—
Но царь, хотя къ молельности былъ склоненъ,
Дитя свое утратить не хотѣлъ.
Асита же, сказавъ предвозвѣщенье,
Повергшее въ заботливость царя,
Дорогой вѣтра, какъ пришелъ, такъ отбылъ,—
Слѣдили взоры за полетомъ тѣмъ.
Рожденью сына радуясь, владыка,
На время все мѣрское отложивъ,
Свершилъ всѣ надлежащія обряды,
Достойные возвышенной семьи.
Какъ десять дней съ рожденья миновало,
Принесъ онъ жертвы пышныя Богамъ,
Произносилъ горячія молитвы
И возліянья разныя свершилъ.
Онъ Браманамъ, въ преуспѣянье сына,
Обильныхъ молокомъ коровъ дарилъ,
Здоровыхъ, златорогихъ, плодородныхъ,
Сто тысячъ было полное число.
Блюдя душою самообладанье
И радостно обряды совершивъ,
Въ счастливый день, съ благимъ предвозвѣщеньемъ,
Въ свою столицу онъ рѣшилъ вступить.
Царица, вознеся Богамъ моленья,
Съ ребенкомъ сѣла въ пышный паланкинъ,

Украшенный слоновыми клыками,
И золотомъ, и бѣлизной цвѣтовъ.
Вступить ей предоставля въ городъ первой
Съ почтенной свитой,—царь пришелъ и самъ,
Привѣтствуемый вѣрною толпою.
Какъ Индра входитъ въ Небо средь Боговъ,
Царь Сакья, въ свой дворецъ прибывши царскій,
Далъ повелѣнье расточать дары,
Выказывая всяческую щедрость,—
И веселились подданные съ нимъ.

2. ЮНОСТЬ.

Со времени рожденья сына,
Что, надъ самимъ собой Владыка,
Былъ долженъ, къ благу всѣхъ живущихъ,
Смерть и рожденье прекратить,—
Царь видѣлъ благъ приумноженъе,
Слоны и кони вдругъ являлись,
Какъ въ дни разлива вдвое шире
Теченье царственной рѣки.
Царь находилъ неожиданно клады
Такихъ сокровищъ драгоцѣнныхъ,
Такихъ богатствъ неисчислимыхъ,
Какихъ и въ мысляхъ не имѣлъ.
Слоны, которыхъ не сумѣлъ бы
Никто смирить въ ихъ рьяномъ нравѣ,
Сошли съ вершины горъ окружныхъ
Явить услужливость свою.
Конями полонъ былъ весь городъ,
Одни въ различныхъ украшеньяхъ,
Съ златою сбруей, а другіе
Сіяли гривойю одной.
И было много плодоносныхъ
Коровъ, чье вымя было полно,
По нраву кроткихъ, не свирѣпыхъ,
И съ превосходнымъ молокомъ.

Кто былъ врагомъ, сталъ равнодушень,
А равнодушье стало дружбой,
Друзья особенно сплотились,
И стало вмѣсто двухъ одно.
Въ срокъ должный, дождикъ шель пріятный,
Гирлянды молній были въ тучахъ,
И вѣтерки дышали кротко,
И на поля не падалъ градъ.
Въ свой должный срокъ, поспѣла жатва—
И тамъ, гдѣ не было запашки,
Растенья старья окрѣпли,
Въ нихъ юный былъ, богатый сокъ.
Тѣ женщины, къ которымъ время
Пришло, подобное сраженью,
Безъ всякой боли разрѣшились
Отъ бремени совсѣмъ легко.
И если даже у богатыхъ
Просить услуги непріятно,
Въ то время каждый, даже бѣдный,
Легко—просившему—давалъ.
Ни воровства, ни злодѣяній,
Ни нарушенья договоровъ,
Ни жесткой сухости другъ къ другу,
Ни оскорбленій никакихъ.
Желавшіе заслугъ почтенныхъ
Въ благихъ дѣяньяхъ отличались,
Сады и храмы созидали,
Обители—пріютъ другимъ.
Народъ, отъ голода свободный,
Не зная страха и болѣзни,
Счастливый жилъ, какъ будто въ Небѣ,
Въ семействахъ дружно было все.
И чувственности не служили,
И прихотямъ не отдавались,

И ради жертвоприношенья—
Живымъ не причиняли вредъ.
Все было тихо, было мирно,
Благополучіе повсюду,
И въ городахъ дышала радость,
Какъ въ нетревожимыхъ лѣсахъ.
Когда родился тотъ царевичъ,
Какъ бы вернулось царство Ману,
Какъ будто благодный сынъ Солнца
Опять для радости цариль.
Такая всюду завершенность,
Что царь царевичу далъ имя
Сарвартхасиддха—Тотъ, Которымъ
Все къ Завершенности пришло.
Но, видя эту славу сына,
Царица Майя, не умѣя
Восторга вынести, удалилась
На Небо, чтобъ не умереть.
Сестра царицы, въ материнствѣ
Подобная сестрѣ отшедшей,
Царевича, любя, взростила,
Какъ будто сына своего.
И въ совершенствахъ возросталъ онъ,
Какъ Солнце на горѣ Восточной,
Иль какъ Огонь въ дыханьи вѣтра,
Иль двухнедѣльная Луна.
Сандаля цѣнныхъ благовоній
Ему въ подарокъ приносили,
И жемчуговъ несли гирлянды,
Коляски, а въ упряжкѣ—лань.
Игрушки, свойственныя дѣтству,
Слоновъ изъ золота, а также
Коней златыхъ, быковъ, повозки
Изъ золота и серебра.

Такъ окруженъ всѣмъ тѣмъ, что можетъ
Ребенку быть пріятно въ дѣтствѣ,
Онъ не ребенкомъ былъ по мысли,
Достоинству и чистотѣ.
Когда сталъ юношей царевичъ,
Въ немного дней онъ все усвоилъ,
Что знатнымъ вѣдать полагалось,
Что узнають въ теченьи лѣтъ.
Но, услыхавши отъ провидца,
Что мудрости царевичъ будетъ
Искать,—старался царь, въ тревогѣ,
Къ усладамъ склонить его.
Потомъ въ семьѣ онъ превосходной
Нашелъ царевичу невѣсту,
Ясѣдхара была красива,
Умна, изящна, и скромна.
„Онъ можетъ что-нибудь увидѣть,
Что юный умъ смутить, пожалуй“, —
Такъ мысля, царь ему построилъ
Въ уединеніи чертогъ.
Тамъ проводилъ свое онъ время,
Какъ облако, въ лучахъ сіяя,
Средь надлежащихъ развлеченій,
И пѣли женщины ему.
Звучали нѣжно тамбурины,
И словно пляски дѣвъ небесныхъ
Въ покояхъ пышныхъ проплывали,
Дворецъ сіялъ, какъ выси горъ.
Плѣняли женщины напѣвомъ,
И красотой, и жемчугами,
И шаловливымъ опьяненьемъ,
И быстрымъ взглядомъ скрытыхъ глазъ.
И разъ, въ безудержной забавѣ,
Упалъ онъ съ кровли павильона,

Но на-земь онъ не пать,—какъ мудрый,
Въ небесной колесницѣ былъ.
И такъ сошелъ отъ тѣхъ искусницъ
Во всѣхъ путяхъ усладъ любовныхъ.
Царь между тѣмъ былъ успокоенъ,
Былъ самодержанно-благимъ.
Онъ въ чувственность не вовлекался,
Не отдавался наслажденьямъ,
Конями чувствъ онъ твердо правилъ
И въ благости превысилъ всѣхъ.
Не изучалъ онъ вредныхъ знаній,
Лишь въ благотворныхъ подвизался,
И блага всѣмъ желалъ онъ людямъ,
Какъ вѣрнымъ подданнымъ своимъ.
Служилъ усердно богу Агни,
Во имя долготѣтя сына,
Широкій пламень разгорался
Отъ возліяній безъ числа.
Коровъ и золото давалъ онъ
Браминамъ; въ чистыхъ водахъ тѣло
Купалъ; пилъ Сомы сокъ священный,
Согласно съ повелѣньемъ Ведъ.
Пріятное лишь говорилъ онъ,
И что полезно есть для сердца:
Того, что жестко или ложно,
Онъ неизмѣнно избѣгалъ.
Что нужно было сдѣлать, дѣлалъ,
Пріятно или непріятно,
Осуществлялъ, что надлежало,
Не слишкомъ жертву онъ цѣнилъ.
Коль кто съ ходатайствомъ являлся,
Онъ жажду утолялъ немедля,
Коль кто былъ гордъ и вызывающъ,
Его онъ тотчасъ умѣрялъ.

Преступниковъ, хотя бы къ смерти
Онъ присуждалъ, все жъ не казнилъ онъ,
Но исправлялъ ихъ добрымъ словомъ
И на свободу отпускалъ.
Все то, что древніе провидцы
Установили, исполнялъ онъ,
И, добродѣтелью сіяя,
Страстей заразу отвергаль.
Такого видя самодержца,
Ему и слуги подражали,
И подданные не напрасно
Примѣръ имѣли предъ собой.
И у Ясодхары прелестной,
Красивогрудой, въ срокъ законный,
Сынъ Рагула родился, нѣжный,
И солнцеликъ, и лунноликъ.
Царь, въ жадѣ долголѣтя роду,
Обрадованъ былъ чрезвычайно.
„Хотѣлъ бы чувствовать—что въ сердцѣ
У сына къ внуку моему!“—
Такъ говорилъ онъ, и, свершая
Обряды, въ бѣлое одѣлся,
И жертвы принося, не дѣлалъ
Вреда живымъ онъ существамъ.
Сіяя въ царственности мудрой,
Онъ быть хотѣлъ подобенъ Солнцу,
И былъ какъ Богъ, который древле
Творить замыслилъ существа.
Оружье отложивъ, онъ думалъ
О правомъ бытіи спокойно,
И былъ для всѣхъ своихъ владѣній
Онъ словно любящій отецъ.
Лелѣялъ царство—ради сына,
А сына—для семьи, семью же—

Для славы, славу же—для Неба,
А выси Неба—для души.
Душѣ желалъ онъ продолженья—
Во имя долга. И себѣ онъ
Твердить: „Увидѣвъ сына, сынъ мой
Какъ можетъ быть удержанъ здѣсь?“
Цари разумные, въ заботахъ,
Блюдутъ за сыновьями твердо;
А онъ, молитвенный, для сына
Искалъ усладъ, а не молитвъ.
Но Бодгисаттвы всѣ, узнавши
Мірскихъ восторговъ вкусъ и сладость,
Какъ только сынъ у нихъ родился,
Молиться уходили въ лѣсъ.
Такъ онъ, свершивъ предназначенье,
Свои исчерпавъ воплощенья,
Все жъ вѣдалъ радости, покуда
Срокъ высшей мудрости придетъ.

3. ТРЕВОГА.

Въ нѣкій день узналъ царевичъ
О плѣнительныхъ лѣсахъ,
Гдѣ звучить напѣвъ кукушки
Межъ деревьевъ надъ травой.
На прудкахъ расцвѣтшій лотосъ
Съ наступленіемъ тепла;
Эти рощи столь желанны
Сердцу женскому весной.
Услыхавъ о дивномъ ликѣ
Этихъ рощъ, усладѣ женъ,
Хочетъ выйти изъ дворца онъ,
Какъ въ цѣпяхъ томится слонъ.
Царь, узнавъ желанье сына,
Повелѣлъ все пріобрать,
Чтобы было все достойно
Этой юной красоты.
Возбранилъ, чтобъ на дорогѣ
Кто-нибудь печальный былъ—
„Да царевичъ, нѣжнымъ сердцемъ,
Не смутится и въ мечтѣ“.
Кротость чувства соблюдая,
Удалили всѣхъ съ пути
Кто имѣлъ уродство въ тѣлѣ,
Или разумъ потерялъ,

Всѣхъ больныхъ, а также хилыхъ,
Тѣхъ, кто въ рубище одѣтъ,—
И дорога ликъ явила
Въ совершенной красотѣ.
По украшенной дорогѣ,
Съ свитой свѣтлою своей,
Во дворецъ къ царю царевичъ
Въ надлежащій прибыль часъ.
Взоръ царя былъ слезъ исполненъ,
Долго, молча, онъ смотрѣлъ,
И сказалъ:—„Иди“,—но въ сердцѣ
Удержать его хотѣлъ.
На златую колесницу
Онъ взошелъ,—у четверни
Возжи молніей сверкали,
Сбруя въ золотѣ была.
Вотъ онъ ѣдетъ по дорогѣ,
Тамъ разсыпаны цвѣты,
И развѣшаны гирлянды,
И знамена вдоль пути.
Такъ восходитъ свѣтлый Мѣсяцъ,
Звѣздной свитой окруженъ.
Путь свершаетъ онъ неспѣшно,
Смотря въ граждане кругомъ.
Широко раскрыты очи,
Словно лотосъ голубой,
Хвалятъ видъ его блестящій,
Нѣжность, юность, красоту.
Лѣсниковъ толпы тамъ были,
Карликовъ и горбуновъ
Изъ фамилій очень знатныхъ,
Люди меньшихъ степеней.
Вѣсть услыша отъ служанокъ,
Что царевичъ ѣдетъ въ лѣсъ,

Къ плоскимъ кровлямъ поспѣшили
Жены разной красоты.
Поясъ ихъ надѣтъ поспѣшно,
Имъ мѣшаетъ, соскользнулъ,
Въ полусонномъ изумленьи
Любопытствуютъ глаза.
Звукъ браслетовъ ихъ встревожилъ
Птицъ, живущихъ на домахъ,—
Поспѣшая такъ, другъ друга
Упрекають, и бѣгутъ.
И одни изъ нихъ невольно
Замедляются, всходя,
Бедра полныя мѣшаютъ
Съ полнотою ихъ грудей.
Тамъ, другая задержалась,
Застыдилась, хочетъ скрыть
Тотъ нарядъ, что лишь носила
Въ тайной комнатѣ своей.
Въ окнахъ мечутся, толпятся,
Бьются серьги ихъ, блестя,
И змѣятся прикасаясь,
И горять наряды ихъ.
Лики лотосамъ подобны,
Исходящимъ изъ воды,—
Точно лотосы тамъ были
На домахъ закрѣплены.
Всѣ дворцы и всѣ чертоги
Женскихъ обликовъ полны,
Пышный городъ словно Небо,
Гдѣ толпы небесныхъ дѣвъ.
И пока внизу царевичъ
По дорогѣ проѣзжалъ,
Мнилось, женщинамъ хотѣлось
Пасть на землю съ высоты.

А мужчины, что смотрѣли,
Приподнявши лица вверхъ,
Мнилось, жаждою томились
Вознестись на Небеса.
Сына царскаго такъ видя,
Въ лучезарной красотѣ,
Эти женщины шептали:
„Счаствлива его жена!
Онъ, съ могучими руками,
Точно богъ съ цвѣткомъ-стрѣлой,
Пышность царскую оставить,
И въ молельность отойдетъ“.
Такъ желаній низкихъ чужды,
Чувства добраго полны,
Кроткимъ сердцемъ устремлялись
Къ свѣтлоликому, къ нему.
Видя въ первый разъ дорогу
Съ той почтительной толпой,
Свѣтлой, въ бѣлыхъ одѣяньяхъ,
Быль царевичъ услаждень.
Но въ жилищахъ чистыхъ Боги,
Видя городъ счастья тотъ,
Сотворили на дорогѣ
Дряхлый образъ старика.
Видя, какъ онъ ликомъ хилымъ
Столь отличенъ отъ другихъ,
Взоръ его упорный видя,
Онъ возницу спросилъ:
„Это что за челоуѣкъ тамъ?
Бѣлы волосы его,
Опирается на палку,
Подъ бровями тонетъ взоръ,
Ноги согнутыя слабы,
Руки тощія висятъ.“

Отъ природы ли такой онъ,
Иль тутъ случай былъ какой?“
И возница, простодушно,
Тотчасъ тайну разсказаль,
Не увидѣвъ въ томъ ущерба,—
Боги спутали его:
„Это въ немъ преклонный возрастъ,
Похититель красоты,
Гибель силъ, причина скорби,
Разрушеніе усладъ,
Бичъ и ядъ воспоминаній,
Ворогъ чувства, врагъ ума,
Весь онъ старостью надломленъ
Оттого теперь—такой.
Молоко и онъ пилъ въ дѣтствѣ,
Въ часъ свой ползаль по землѣ,
Шагъ за шагомъ сталъ онъ юнымъ,
Шагъ за шагомъ дряхлымъ сталъ“.
И царевичъ это слыша,
Встрепенувшись спросилъ:
„И ко мнѣ придетъ такое?“
И возница отвѣчалъ:
„Силой времени, конечно,
Черезъ толпу изжитыхъ лѣтъ,
Къ долголѣтнему владыкѣ
То же самое придетъ.
Люди знаютъ всѣ, что старость,
Разрушитель красоты,
Уничтожить ихъ пригожесть,
Но пріемлютъ это всѣ“.
И отвѣтъ тотъ услышавши,
Онъ, съ великою душой,—
Что очистилъ умъ высокій
Въ круговратности времени,

Чрезъ свершенія благія,
Въ многихъ жизняхъ до того,—
Такъ глубоко былъ взволнованъ,
Этимъ образомъ „Старикъ“,
Какъ бываетъ быкъ испуганъ,
Если молнія падеть.
Покачавши головою,
И глубоко воздохнувъ,
И на старца посмотрѣвши,
И взглянувши на толпу,
Онъ сказалъ въ своемъ смущеніи:
„Старость всѣхъ сразитъ равно,
Память, силу, и пригожесть
И отравитъ, и сотретъ,—
И однако міръ спокоенъ,
Даже видя свой удѣлъ!
Если это такъ,—возница,
Поверни назадъ коней,
Возвратись домой скорѣе!
Какъ въ садахъ я быть могу,
Если старость, вставши въ мысляхъ,
Завладѣла мной сполна?“
И, возница, послушная,
Повернулъ назадъ коней,
А царевичъ возвратился
Во дворецъ, какъ бы въ пустой.
Но и тамъ, не видя счастья,
Видя старость предъ собой,
Разъ еще въ сады поѣхалъ,
Съ разрѣшенія царя.
И другого человѣка
Боги создали тогда.
Пораженъ онъ былъ недугомъ—
И царевичъ спросилъ:

„Кто, скажи мнѣ, человекъ тотъ?
У него раздуть животь,
Содрагается всѣмъ тѣломъ,
Руки слабыя висять,
Самъ онъ тощій, и чужого
Обнимая говорить:
«Мать моя?»— „Владыка свѣтлый!“
Такъ возница отвѣчалъ,—
„Это горькое мученье
Называется недугъ.
Раньше сильнымъ былъ, теперь же
Не владѣеть онъ собой“.
И царевичъ, посмотрѣвши
Съ состраданьемъ на того,
Снова молвилъ: „Это злое—
Только въ немъ, или всѣмъ грозить?“
И отвѣтствовалъ возница:
„Это зло грозить намъ всѣмъ:
Люди стиснуты недугомъ,
Все жъ услады манятъ ихъ“.
Слыша это, былъ глубокой
Онъ тревогою смущень:
Такъ, порой, на ряби водной,
Схваченъ зыбью ликъ Луны.
И промолвилъ онъ въ печали,
Тихимъ голосомъ, слова:
„Видя зло своихъ болѣзней,
Люди все же могутъ быть
Такъ спокойны! Горе! Горе!
Смѣхъ—среди угрозъ такихъ!
О, возница, колесницу
Поверни скорѣй назадъ,
И вези меня немедля
Прямо къ царскому двору!“

Услыхавши о болѣзни,
И встревоженъ вѣстью злой,
Отъ усладъ бѣжить мой разумъ,
Отъ восторговъ отвращень“.
Такъ, безрадостный, вернулся
Онъ, задумчиво, въ свой домъ.
 узнавши это, въ городъ
Самъ вернулся царь-отецъ.
Услыхавши о причинѣ,
Почему вернулся сынъ,
Хоть и кроткій, былъ суровъ онъ
Съ тѣмъ, кто путь приготовлялъ.
И опять онъ приготовилъ
Пышность высшую усладъ,
И въ своемъ молился сердцѣ:
„Сынъ отъ насъ да не уйдетъ!“
Но, когда въ покояхъ женскихъ,
Сынъ услады не нашель,
Повелѣль онъ приготовить
Новый выѣздъ изъ дворца.
О царевичѣ заботясь,
Не предвидя новыхъ бѣдъ,
Изъ искусницъ въ нѣжныхъ чарахъ
Приготовилъ свиту царь.
Снова царская дорога
Разукрашена въ садахъ,
И возницѣ повелѣль онъ
Направленье измѣнить.
Но когда царевичъ ѣхаль,
Боги создали предъ нимъ
Мертвеца, и былъ онъ видень
Лишь возницѣ и ему.
Былъ несомъ онъ вдоль дороги,
И царевичъ спросилъ:

„Кто онъ, тотъ, кого четыре
Такъ проносятъ вдоль пути?
Онъ въ уборахъ, но не дышетъ,
И въ слезахъ скорбятъ о немъ“.
И умомъ возницы Боги
Овладели въ этотъ мигъ.
Онъ царевичу отвѣтилъ
То, что долженъ былъ бы скрыть:
„Тотъ бѣднякъ лишень мышленья,
Силь живыхъ, и чувствъ, и свойствъ,
Безъ сознанія лежитъ онъ,
Какъ солома, иль чурбанъ,
И друзьями, и врагами
Онъ оставленъ здѣсь равно“.
Слыша тотъ отвѣтъ, царевичъ
Содрогнулся и сказалъ:
„Это только съ нимъ случилось,
Или то конецъ для всѣхъ?“
И отвѣтствовалъ возница:
„То конецъ для всѣхъ живыхъ,
Благородный или низкій,—
Разрушенъ есть предѣлъ“.
Царскій сынъ,—что былъ спокоенъ,—
Чуть о смерти услыхалъ,
Пригнетенный, весь склонился,
Къ колесницѣ прислоненъ.
Громкимъ голосомъ воскликнулъ:
„Всѣмъ живымъ—одинъ конецъ,
И, отбросивъ страхъ свой, люди
Вовлекаются въ обманъ!
Ихъ сердца, должно быть, жестки,
Разъ такой избрали путь.
Поверни назадъ, возница,
Часть и мѣсто—не усладь.“

Кто разумный, зная точно,
Что его погибель ждетъ,
Будетъ медлить здѣсь бездумно,
Въ часъ злосчастій роковыхъ?“
Но возница помнилъ слово
Повторенное царя,
И назадъ онъ не поѣхалъ,
И впередъ направилъ путь.
Онъ пріѣхалъ въ лѣсъ прекрасный,
Всѣ деревья тамъ въ цвѣту,
Опьяенныя кукушки
Куковали по вѣтвямъ.
Нѣжно лотосы свѣтились
На поверхности прудковъ,
И журчали водометы,
Сѣя брызги на траву.
Царскій сынъ былъ взятъ насильно
Въ этотъ, полный чары, лѣсъ,
Гдѣ красивыхъ много женщинъ
Было въ ласковой тѣни.
Такъ отшельникъ, что недавно
Принялъ строгій свой обѣтъ,
Не сдержавши искушенья,
Видитъ пляску вышнихъ дѣвъ.

13. ИСКУШЕНИЕ.

Сильный Мудрый, рода Мудрыхъ,
Сѣлъ, въ душѣ рѣшившись твердо
Знанья высшаго достигнуть,
И возрадовался Міръ.
Только Мара, врагъ Закона,
Былъ испуганъ тѣмъ рѣшеньемъ,
Онъ, кого въ предѣлахъ Міра
Камадэвою зовуть.
Царь теченія желаній,
Мара, врагъ освобожденья,
Сильный разностью оружья,
Ранить онъ цвѣткомъ-стрѣлой.
Смута, Гордость, и Веселье—
Три его зовутся сына,
Хоть, и Жажда, и Услава—
То три дочери его.
Былъ онъ спрошенъ ими всѣми,
Отчего онъ такъ печаленъ,
Въ чемъ причина омраченья,
И отвѣтъ онъ далъ такой:
„Мудрый, чья броня—рѣшенье,
Чья стрѣла зовется мудрость,
Съ остриемъ, чье имя правда,
Міръ мой хочеть захватить.

Оттого я омрачился.
Если только онъ успѣеть,
Міру явить путь спасенья,
Опустѣеть весь мой край.
И пока въ моей онъ власти,
И пока духовность зрѣнья
Не достигнута тѣмъ Мудрымъ,
На него напасть хочу.
Да обѣтъ онъ свой нарушить,
Какъ разрушена плотина,
Если вздувшейся рѣкою
Устремленъ могучій вальъ“.
И, схвативъ свой лукъ цвѣточный,
Пять схвативши стрѣлъ пьянящихъ,
Къ корню дерева Асватты,
Онъ съ семьей своей пришелъ.
Взявши лѣвою рукою
Остріе стрѣлы разящей,
И, играя ею, Мара
Такъ къ провидцу говорилъ.
Такъ сказала онъ, обращаясь
Къ безмятежному, что твердо
Вознамѣрился душою
Пересѣчь моря міровъ:
„Встань, о, Кшатрія, скорѣе,
Бойся смерти приходящей,
Долгъ свой собственный исполни,
Избавленья не ищи.
Побѣдивъ міры, что ниже,
Восходи къ мірамъ, что выше,
Это славный путь, которымъ
Вожаки людей прошли.
Это нищенство подходит
Слишкомъ мало къ благороднымъ,—

Съ нимъ ли долженъ быть царевичъ,
Рода царскихъ мудрецовъ?
Если жь встать ты не захочешь,
И упорствуешь въ рѣшенъи,
Твердымъ будь, коли желаешь,
Чтò рѣшилъ, того держись,—
На тебя стрѣла поднята
Та же самая, которой
Быль прострѣленъ Суріака,
Жаркій врагъ холодныхъ рыбъ.
Ей же раненъ былъ сынъ Иды,
Внукъ Луны, съ ума сошедшій,
Ей же спутанъ былъ Сантану
Въ обладаніи себя.
Что же можетъ съ нею сдѣлать
Тотъ, кто силами слабѣе,
Въ эти дни, когда повсюду
Вырожденіе кругомъ?
Встань, сейчасъ—и въ путь обратный,
Ужъ стрѣла языкъ свой кажетъ,
Та стрѣла, которой даже
Птиць не раню въ часъ любви“.
Но, когда не внемля слову,
Сохранилъ недвижность Сакья,
Съ тетивы стрѣла метнулась,
Дѣти Мары—передъ нимъ.
Но стрѣлы не замѣчая,
Соблюдалъ рѣшимость Сакья.
Мара, это увидавши,
Духомъ палъ и молвилъ такъ:
„Даже онъ не замѣчаетъ
Той стрѣлы, что бога Самбху,
Ранивъ нѣжною любовью,
Устремила къ дѣвѣ горь.

Иль совсѣмъ лишенъ онъ чувства?
Иль стрѣла—другая стала?
Онъ цвѣточнаго не стоитъ
И колчана моего.
Веселящею стрѣлою
Не хочу его я ранить,
Не пошлю къ нему я Хоти,
Чтобы сердце соблазнять.
Онъ заслуживаетъ страха,
Онъ достоинъ лишь тревоги,
Поношеній и ударовъ
Ото всѣхъ моихъ бѣсовъ“.
Мара въ мысли создалъ войско,
И оно кругомъ кишѣло,
Всѣ въ рукахъ они держали
Копья, палицы, мечи.
Каждый въ ликѣ былъ различенъ:
Лики рыбы, и кабаньи,
Ликъ осла, коня, верблюда,
Тигръ, медвѣдь, и слонъ, и левъ;—
Одноглазые смотрѣли,
Многоликіе, тамъ дальше;—
Трехголовые другіе,
Съ толстымъ, въ пятнахъ, животомъ;—
Тѣ глядятъ полукозлами,
У иныхъ чурбанъ—колѣно,
И съ клыками, и съ когтями,
Безголовыя тѣла;—
Эти—туловище держать
На рукахъ своихъ согнутыхъ,
Отвратительныя пасти,
Изуродованный ликъ;—
Мѣднокрасные покрыты
Яркой краскою нарывовъ,

Съ дымноцвѣтными власами,
Съ желтоцвѣтною космой;—
Уши длинныя, слоновьи;—
Въ кожи разныя одѣты,
Иль совсѣмъ не носить платья,
Ихъ тѣла обнажены;—
Поль-лица съ окраской бѣлой,
Тамъ поль-тѣла зеленѣеть,
Красны, дымны, желты, черны;—
Руки—длинная змѣя;—
Въ поясахъ звенить бубенчикъ;—
Долговязы, какъ деревья,
А другіе, точно дѣти;—
Скалять зубы, длиненъ зубъ;—
Птицы съ ликами барановъ,
Человѣкъ, а ликомъ кошка;—
Разлохмаченная грива,
Полулысые вблизи;—
Изъ волосъ—подъятый узелъ,
Головной уборъ измятый;—
Хмурягъ брови, тратягъ силу,
Зачаровываютъ умъ.
Эти прыгаютъ скачками,
Въ пляскѣ лѣзутъ другъ на друга
Эти бѣгають по тучамъ,
И вершинами деревъ;—
Тѣ трезубцемъ машутъ въ пляскѣ,
Этотъ палицей грохочеть,
Этотъ весь воспламенился,
Каждый волосъ токъ огня.
Таковы бѣсовъ дружины,
Окружили древо Бодхи.
Корень дерева ярягся
Ухватить—приказа ждуть.

Въ первой смѣнѣ темной ночи,
Въ битвѣ Мары съ мощнымъ Сакьей,
Звѣзды въ Небѣ не свѣтились,
Содрогалася Земля.
Десять областей пространства
Были въ пламени и ревѣ,
Вѣтеръ силы напряженной
Съ четырехъ свистѣль сторонъ.
Ни Луны, ни звѣздъ на Небѣ,
Ночь темнѣла и темнѣла,
Мракъ густой распространялся,
Волновался Океанъ.
Божества нагорныхъ высей,
Наги, склонные къ Закону,
Гнѣвный взоръ бросали Марѣ,
И вздыхали глубоко.
Сонмы жь свѣтлыхъ богомудрыхъ,
Что вполнѣ въ Законъ проникли,
Только чувствовали жалость
Къ Искусителю умовъ.
Духи Неба, что желали
Для міровъ освобожденья,
Видя это войско Мары,
Испустили долгій крикъ.
Но Великій Мудрый, видя
Этихъ вороговъ Закона,
Былъ спокоенъ, какъ спокоенъ
Межъ быковъ ревущихъ левъ.
Мара отдалъ повелѣнье,
Чтобъ они его пугали,—
Къ древу тотчасъ устремилась
Вся бѣсовская толпа.
У однихъ языкъ болтался,
У другихъ острились зубы,

И глаза какъ солнце были,
Встали уши какъ копье.
Но Великій былъ спокоенъ,
Точно это были дѣти,
Иль онъ видѣлъ, въ свистѣ вихря,
Пряди собственныхъ волосъ.
И одинъ, глаза катая,
Поднялъ страшную дубину,
Но рука его съ оружіемъ
Вмигъ застыла въ высотѣ.
И поднимая чурбанъ, иль камень,
Не могли его добросить,
И на землю упали,
Точно молнія ихъ жгла.
А другіе, прыгнувъ сверху,
Топоры метали, камни,—
И какъ радуга на тучахъ,
Внизъ не падала скала.
И одинъ швырнулъ громаду
Подоженной имъ соломы,—
Силой Мудраго разъялось
Все на тысячу кусковъ.
И одинъ, взнесясь какъ Солнце,
Дождь углей низринулъ съ Неба,
Раскаленный долгій ливень,
Что сверкалъ и упадаль,—
Но, упавши въ яркихъ искрахъ
У подножья древа Бодхи,
Превратился въ дождь лилейныхъ
Красноцвѣтныхъ лепестковъ.
И при натискахъ палящихъ
Устремленныхъ въ духъ и тѣло,
Мощный Сакья оставался
Неподвижнымъ, какъ сидѣль.

И другіе извергали,
Какъ дуплистыя деревья,
Змѣй изъ ртовъ своихъ свирѣпыхъ,—
Змѣи жалить не могли.
И другіе, сгромоздившись
Какъ огромнѣйшія тучи,
Дождь камней свергали съ громомъ,—
Падалъ нѣжный дождь цвѣтовъ.
А иной стрѣлу намѣтитъ,—
Къ тетивѣ стрѣла прилипла,
Точно въ гнѣвномъ человѣкѣ
Вспыхнетъ гнѣвъ, а силы нѣтъ.
Пять же стрѣлъ изъ лука Злого
Встали въ воздухѣ недвижно,
Какъ того пять чувствъ, кто хочетъ
Воплощенъ прекратить.
Женскій призракъ, Мегхакали,
Приподнявъ безглазый черепъ,
Перепархивала всюду,
Какъ по текстамъ ученикъ.
И другой, горящимъ окомъ,
Какъ отравною змѣею,
Сжечь хотѣлъ бы—смотреть-смотреть,
И не видитъ ничего.
И другой, утесъ подъявшій,
Истомляется напрасно,
Словно кто терзаньемъ тѣла
Хочетъ мудрости достигъ.
И друг е, какъ гіены,
Вой свирѣпый испускають,
И кругомъ трепещуть въ страхѣ
Всѣ живыя существа.
Но средь всѣхъ различныхъ звуковъ,
Страхъ несущихъ и угрозныхъ,

Онъ, не дрогнувъ, былъ спокоенъ,
Какъ орель среди воронъ.
И чѣмъ менѣе боялся
Мудрый Сакья этихъ множествъ,
Тѣмъ упорнѣй злобный Мара
Направлялъ своихъ бѣсовъ.
Въ этотъ мигъ незримый Кто-то,
Весь въ лучахъ, промолвилъ съ Неба
Громкимъ голосомъ, въ которомъ
Вовсе не было вражды:
„Не бери, напрасно, Мара,
Тяжесть тщетнаго старанья,
Откажись отъ зловоленья,
Въ домъ свой съ миромъ отойди.
Этотъ Мудрый такъ же мало
Можетъ быть тобою двигнуть,
Какъ вершины Златогорья
Отъ вѣтровъ не задрожать.
Можетъ быть, огонь остынетъ,
И вода не станетъ зыбкой,
И земля не будетъ стойкой,—
Онъ въ рѣшеніи будетъ твердь.
Черезъ безчисленность столѣтій,
Черезъ кругъ времени несчетныхъ,
Онъ свершала свои дѣянья,
И замысливъ—довершить.
Такъ онъ твердь въ своемъ усилии,
Въ состраданіи къ живому,
Что не стронется онъ съ мѣста,
Не достигши въ знаньи дна.
Вышей мудрости достигнетъ,
И тогда онъ встанетъ съ мѣста,
Но не раньше,—какъ не встанетъ
Солнце, тьму не разогнавъ.

Твердо дерево буравя,
Мы огонь получимъ свѣтлый,
Роя землю, мы увидимъ
Какъ свѣжащій брызнетъ ключь,—
Такъ и онъ въ своемъ упорствѣ,
Разъ замыслилъ,—достигаетъ,
Недостижнаго не знаетъ,
Все возможно для него.
Онъ жалѣетъ міръ, простертый
Межъ страстей и межъ болѣзней,
Онъ великій Врачеватель,
Разъ онъ лѣчитъ,—не мѣшай.
Онъ идетъ прямой дорогой,
Въ часъ, какъ всѣ съ дороги сбились,
Онъ проводитъ караваны,
Разъ вожакъ онъ,—не мѣшай.
Онъ зажегъ лампаду знанья
Всѣмъ живымъ во тьмѣ заблудшимъ,
Разъ лампада онъ,—тотъ свѣточъ
Не пытайся погасить.
Міръ, въ потопѣ этой жизни,
Тонетъ, берегъ такъ далеко,
Утопавшему онъ руку
Протянулъ,—нельзя мѣшать.
Древо знанья, съ цѣпкимъ корнемъ,
Чьи цвѣты—благое дѣло,
Вѣтви—память, плодъ—Законъ есть,
Возрастаетъ,—не руби.
У него одно желанье—
Съ человѣка снять оковы,
Заблужденіе распутать,—
Здѣсь препоной не вставай.
День сегодняшній—предѣльный,
Довершилъ онъ всѣ дѣянья,

Онъ сидитъ, какъ тѣ сидѣли,
Кто предшествовалъ ему.
Здѣсь земное средоточье,
Все въ сіяньи высшей славы,
Здѣсь обитель созерцанья,
Мѣсто лучшее Земли.
Избѣги же, Мара, скорби,
Не смѣшай свое величье
Съ ложной гордостью,—и домъ свой
Не на зыби возводи“.
Тѣмъ вѣщаніямъ внимая,
Видя Мудраго спокойнымъ,
Мара прочь ушелъ съ стрѣлами,
Что сражаютъ, люди, васъ.
И побѣды не достигнувъ,
Бросивъ камни и чурбаны,
Войско Мары разбѣжалось,
Какъ отъ полчища враговъ.
И когда тотъ богъ, чьи стрѣлы
Завершаются цвѣтами,
Прочь бѣжалъ съ разбитымъ войскомъ,
Возсіяли Небеса.
Мѣсяць всталъ серебристо-ясный,
Дождь цвѣтовъ ниспалъ на землю,
Незапятнанною дѣвой
Ночь сіяла въ высотѣ.

21. БУДДА.
МЕНДУТЬ, ЯВА.

22. ИСПОЛИНСКІЙ БУДДА.
ПЕГУ, БИРМА.

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Агни.—Богъ огня.

Амрита.—А—отрицаніе, Мрита—Смерть. Напитокъ безсмертія. Вмѣстѣ съ четырнадцатью другими драгоцѣнными дарами человѣку, былъ полученъ при взбиваньи Океана, съ помощью горы, змѣи, и черепахи.

Бодги, или Бодхи, или Древо Бо.—Смоковница Благоговѣйная. Бодги—высшая Мудрость. Подъ дровомъ Бодги подвижникъ Сакья Муни достигъ верховнаго просвѣтлѣнія и сталъ Буддой. Отрасль этого дерева была послана царемъ Асокой Сингалезцамъ, на островъ Цейлонъ, лѣтъ за 300 до Рождества Христова. Отрасль выросла въ сильное дерево, которое живо и доднесь, въ оградѣ Буддійскаго храма, въ лѣсной тиши Анураджапуры,—древняя столица Сингалезскаго царства, и нынѣшня святыня, куда весной въ Новолуніе устремляются многочисленныя толпы паломниковъ.

Бодгисаттва.—Благоговѣйный подвижникъ, остающійся въ жизни во благо Міру, и въ ближайшемъ воплощеніи имѣющей стать Буддой. Бодги—мудрость, Саттва—твореніе.

Брама.—Одна изъ ипостасей Индусской Троицы: Брама, Вишну, Сива. Брама—богъ Жертвы, первопричина существъ и существованія, Вишну—богъ жизнетворческаго перевоплощенія, Сива—богъ Любви и Смерти.

Браманъ, или Браминъ.—Представитель высшей Индусской касты, жреческой, принадлежностью которой является свершеніе жертво-

приношеній и обладаніе сокровищницами молитвеннаго познанія и міровѣдѣнія, Ведами.

Брамачаринъ, или Брамачарія.—Подвижникъ, изучатель мудрости, проходящій ученичество.

Будда.—Мудрость, верховное пониманіе, проснувшійся, просвѣтленный.

Бхикшу.—Нищенствующій.

Вальмики.—Весьма излюбленный въ Индіи поэтъ, пѣвецъ „Рамаяны“.

Гандхарва.—Небесный духъ, небесный пѣвецъ и музыкантъ.

Гуна.—Свойство, качество.

Гуни.—Предметъ.

Джамбу.—Розовая яблоня.

Дэва.—Богъ.

Дэви.—Богиня.

Дхіана.—То или иное состояніе восхищенности, испытываемое обитателями Брамалоки, областей небесныхъ.

Индра.—Богъ громовъ.

Ишвара.—Господинъ, Господь, Творецъ.

Кама-Дэва, или Камадэва.—Богъ любви и богъ желаній.

Капилавасту.—Мѣсто рожденія царевича Сиддартхи, верстъ за сто къ Сѣверо-Востоку отъ Бенареса, область, находившаяся подъ скипетромъ представителей Солнечной династіи.

Карма.—Дѣяніе, дѣланіе, сцѣпленіе слѣдствій, возникшихъ въ силу того или иного дѣланія.

Кшатрія.—Вторая по достоинству Индусская каста благородныхъ, воиновъ и владыкъ.

Магараджа.—Самодержецъ.

Майя.—Обманъ чувствъ, міровая игра Вещества, ткань видимаго, жизнь какъ сонъ.

Мара.—Мри—умирать. Духъ—Искуситель.

Ману.—Думать. Прародитель человѣческой.

Муни.—Мудрый, учитель.

Нага.—Небесный духъ, получеловѣкъ, полумѣй.

Раджа.—Владыка, царь.

Риши.—Мудрецъ, пѣвецъ, провидецъ.

Сакра.—Царь Дэвъ, супругъ Саки.

Самбодхи.—Абхисамбодхи, смотрѣніе на истину лицомъ къ лицу.

Састра.—Писаніе, изъ области Богомудрости.

Сурья.—Солнце.

Сутра.—Правило, краткое изреченіе.

Чакравартинъ, или Чакраварта.—Тотъ, на комъ пребываетъ дискъ
Вишну. Верховный самодержецъ.

Шаманъ.—Кудесникъ, изгонятель злыхъ духовъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Замѣтка	<i>Стр.</i> VII
Вступительная статья Сильвэна Леви	IX

ЖИЗНЬ БУДДЫ.

1. Рожденіе	3
2. Дворецъ	16
3. Тревога	22
4. Отреченіе	33
5. Разлука	41
6. Возвращеніе Чандаки	53
7. Лѣсъ	63
8. Скорбь во дворцѣ	70
9. Поиски	88
10. Зовъ	100
11. Отвѣтъ	108
12. Отшельникъ	118
13. Мара	136
14. Лицомъ къ лицу	148
15. Вращеніе колеса	159
16. Ученики	172
17. Свита	184
18. Щедрый	190
19. Свиданіе	201
20. Обитель	212
21. Пьяный слонъ	220
22. Амра	226
23. Предѣлъ	234
24. Канунъ	240
25. Прощаніе	246
26. Нирвана	252
27. Восхваленіе	262
28. Благо міра	268

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1. Рожденіе	279
2. Юность	290
3. Тревога	297
13. Искушеніе	307
Изяснительный листокъ	319

ПАМЯТНИКИ
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Всѣ выдающіяся произведенія міровой литературы должны быть въ распоряженіи современнаго образованнаго читателя на его родномъ языкѣ. Въ нашъ вѣкъ демократизаціи просвѣщенія едва ли кто станетъ противъ этого возражать. Пусть переводъ никогда не можетъ замѣнить подлинника. Но во всѣ времена дѣйствительно глубокое вліяніе на духовную жизнь культурныхъ народовъ оказывали только тѣ творенія чужого генія, которыя становились имъ доступны въ переводахъ. Такъ, Библія только въ переводѣ сдѣлалась истинно „Книгой книгъ“ на протестантскомъ Западѣ Европы; такъ, греческіе и римскіе писатели при помощи французскихъ переводовъ переработались въ плоть и кровь у образованныхъ людей XVIII вѣка — Вѣка Просвѣщенія. Передовыя страны Европы давно это сознали. Онѣ богаты въ этомъ отношеніи, и художественные переводы издавна пользуются тамъ почетомъ, признаваясь за крупныя литературныя заслуги, плохіе же компетентной критикой быстро удаляются изъ обращенія.

Россія въ этой области стоитъ не такъ счастливо. Правда, такъ называемые классики переводились и издавались у насъ неоднократно. Правда, переводы не только выдающихся, но и второстепенныхъ иностранныхъ писателей нашего времени появляются у насъ немедленно вслѣдъ, а иногда и одновременно съ выходомъ въ свѣтъ оригиналовъ. Однако современный читатель уже не довольствуется только текущей беллетристикой и прославленными произведеніями классической литературы. На ряду съ Шекспиромъ его занимають предшественники Шекспира, и онъ находитъ вѣчныя красоты не въ одной литературѣ эпохъ расцвѣта, но и въ произведеніяхъ періодовъ зарожденія и упадка. Нашъ книжный рынокъ далеко не удовлетворяетъ этимъ широкимъ запросамъ современнаго читателя. Многія замѣчательныя произведенія міровой литературы не были никогда переведены; переводы другихъ, иногда даже классическихъ, вещей мало удовлетворительны; часто, наконецъ, образцовые даже переводы оказываются

исчезнувшими из продажи. Последнее, к удивлению, наблюдается также относительно многих отечественных писателей.

Содѣйствовать посильно выходу из подобнаго положенія— такова главная задача предлагаемаго вниманію публики изданія. „Памятники міровой литературы“ въ отличіе отъ существующихъ „Библиотекъ классиковъ“ или традиціонныхъ „Пантеоновъ“ будутъ обнимать произведенія, подобранныя не по эстетико-литературнымъ ихъ достоинствамъ, а по значенію ихъ съ болѣе современной и болѣе широкой историко-литературной точки зрѣнія, съ которой литература разсматривается какъ отдѣлъ общей исторіи человѣческой культуры. Въ нашемъ собраніи найдетъ мѣсто всякое произведеніе умственнаго творчества, какова бы ни была его абсолютная, художественная цѣнность, если только въ немъ ярко отразилась душа даннаго вѣка и даннаго народа. Поэзія, философія, исторія, политика и даже мемуары будутъ имѣть въ этомъ собраніи полныя права гражданства. Давая преимущественно переводы, на качество которыхъ будетъ обращено особое вниманіе, оно, однако, не исключаетъ и родной литературы.

Выходъ въ свѣтъ „Памятниковъ міровой литературы“ откроется серіей „Античные писатели“, куда войдутъ труды виднѣйшихъ изъ поэтовъ и мыслителей Греціи и Рима, и серіей „Народная поэзія“, которая обниметъ такія произведенія народнаго творчества, какъ Эдда, Калевала, Нибелунги, русскія былины и т. д. Относительно появленія въ свѣтъ другихъ задуманныхъ нами серій и отдѣльныхъ подготовляемыхъ нами выпусковъ „Памятниковъ міровой литературы“ будетъ объявлено особо.

Въ заключеніе мы считаемъ долгомъ принести благодарность всѣмъ многочисленнымъ дѣятелямъ науки и литературы, къ которымъ намъ приходилось обращаться во время подготовительной работы по изданію „Памятниковъ“, за ту отзывчивость, съ какой они отнеслись къ нашему предпріятію. Проявленное ими теплое сочувствіе къ положеннымъ въ его основу мыслямъ позволяетъ намъ надѣяться, что и со стороны читающей публики „Памятники“ встрѣтятъ благосклонный пріемъ.

Въ томъ же изданіи:

ОВИДІЙ. Баллады-послания. Пер. съ латинскаго со вступительными статьями и комментариемъ Ѳ. Зѣлинскаго. 2 р. 25 к.

ЛУКРЕЦІЙ. О природѣ вещей. Переводъ съ латинскаго размѣромъ подлинника И. И. Рачинскаго. 2 р. 25 к.

2 р. 25 к.

2011120710